

В.Е. Чернявская

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА
ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2013

УДК 81'42(075.8)
ББК 81-5-923
Ч-49

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филол. наук, профессор кафедры немецкой филологии
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) *В.А. Андреева*;

д-р филол. наук, профессор кафедры речевой коммуникации
Пермского государственного университета *В.А. Салимовский*

Чернявская В.Е.

Ч-49 Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие /
В.Е. Чернявская. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 208 с.

ISBN 978-5-9765-1454-6 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-037800-1 (Наука)

В книге рассматриваются основные теоретические положения лингвистики текста в новой исследовательской парадигме, сложившейся на рубеже XX — XXI вв. Как самостоятельная лингвистическая дисциплина позиционируется лингвистика дискурса. Показываются принципы и методы лингвистического анализа дискурса в сопоставлении с традиционным текстовым анализом. Представлено последовательное описание дискурса, дискурсивности с языковедческих позиций, отграниченных от социологических, философских, исторических подходов к этой категории.

Книга адресована лингвистам, специалистам в теории коммуникации, культурологам.

УДК 81'42(075.8)
ББК 81-5-923

ISBN 978-5-9765-1454-6 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037800-1 (Наука)

© Чернявская В.Е., 2013
© Издательство «ФЛИНТА», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Теоретическое введение: От текста к дискурсу	10
Глава I. Текст как форма порождения человеческого знания	16
Раздел 1. Проблемы делимитации и идентификации текста в новой исследовательской парадигме	16
1.1. Критерии текстуальности в когнитивно-дискурсивной парадигме	16
1.2. Сетература и гипертекст	23
1.3. Когерентность — критерий целостности текста или целостности восприятия текста?	24
Раздел 2. Текстуальность как прототипический феномен	31
2.1. Модель текстуальности в процессуальном аспекте	33
2.2. Культурная маркированность как критерий текстуальности	34
2.3. Инвариант и прототип: к определению понятий	35
2.4. Прототипический характер текстуальности	37
Раздел 3. Текст статичен или текст процессуален?	41
<i>Литература для углубленного чтения по главе I</i>	<i>48</i>
Глава II. Типологизация текстов	49
Раздел 4. Типологизация текстов как лингвистическая проблема ...	49
4.1. Функциональный стиль и жанр речи в традициях отечественной лингвистики	50
4.2. Тип текста и лингвистическая типология в зарубежной лингвистике	55
4.3. Проблема разграничения понятий «жанр» и «тип текста» в отечественной и зарубежной лингвистике	58

4.4. Тип текста как лингвистическая категория и как единица типологического анализа	60
4.5. Типологическая интертекстуальность	60
Раздел 5. Типология текстов в когнитивно-дискурсивной парадигме	62
5.1. Тип текста как форма упорядочивания человеческой коммуникации	62
5.2. Процессуальность как вектор современной типологии	63
5.3. Текстотипологическая компетенция в когнитивном аспекте	66
5.4. Взаимодействие текстовых моделей: текстовая гетерогенность	70
<i>Литература для углубленного чтения по главе II</i>	<i>74</i>
Глава III. Текст в системе дискурса	75
Раздел 6. Открытый текст: интертекстуальность как текстовая категория	75
6.1. Интертекстуальность как культурно-семиотический феномен	75
6.2. Радикальная модель интертекстуальности	78
6.3. Интертекстуальность как «узкая концепция» межтекстовых связей	81
6.4. Интертекстуальность как текстовая категория	83
6.5. Функционально-прагматическое содержание интертекстуальности как категории открытости текста	85
6.6. Виды интертекстуальных связей	91
6.7. Маркированность интертекстуальных связей	93
6.8. Визуализированная интертекстуальность как интериконичность	100
Раздел 7. Текст и дискурс: соотношение понятий	103
7.1. Понятие дискурса в различных школах дискурсивного анализа	107
7.2. Дискурс: к определению понятий	112

7.3. Дискурс и функциональный стиль: к различию понятий	118
<i>Литература для углубленного чтения по главе III</i>	121
Глава IV. Лингвистика дискурса	122
Раздел 8. К обоснованию теоретического статуса лингвистики дискурса	122
8.1. Дискурсивность как свойство текста и как критерий текстуальности	123
8.2. Когда анализ текста становится анализом дискурса	126
8.3. «Власть дискурса»	133
8.4. Методы дискурсивного анализа	144
<i>Литература для углубленного чтения по главе IV</i>	150
Заключение	151
Тексты и задания для самостоятельного анализа	153
Английский язык:	154
Текст 1. Ronald Reagan's address to the Nation on the Economy, 1981	154
Текст 2. Ronald Reagan's Remarks at the Brandenburg Gate, West Berlin, 1987	163
Текст 3. Ronald Reagan's Farewell Address to the Nation, 1989	170
Текст 4. Dr. Martin Luther King: "I Have A Dream", 1963	174
Текст 5. Winston Churchill's speech to "Westminster College", Fulton, Missouri, 5 march, 1946	179
Немецкий язык:	183
Текст 1. A. Hitler's Rede auf dem Erntedankfest 1937	183
Текст 2. Rede Adolf Hitlers vom 15.3.1938 in Wien	188
Текст 3. Aus der Sportpalastrede des Reichspropagandaministers Goebbels vom 18.2.1943	190
<i>Литература</i>	194

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга рассматривает основные теоретические положения и цели лингвистики текста в новых исследовательских условиях начала XXI в. Одновременно с этим как самостоятельная лингвистическая дисциплина позиционируется лингвистика дискурса.

Данная работа не содержит полного обзора всех публикаций, с которыми в большей или меньшей степени связано поступательное развитие науки о тексте на протяжении более четырех десятилетий. Учебное пособие строится с опорой не на хронологически сменяющие друг друга точки зрения, парадигмы и этапы развития лингвистики текста с 60-х годов до настоящего времени, но с преимущественным вниманием к той современной исследовательской ситуации, когда в ряде концепций текст противопоставляется дискурсу, во всяком случае, текст считается не завершающим уровнем коммуникативно-речевой иерархии, но включенным в систему дискурса. Предпринимаемый анализ строится в той «системе координат», когда задачи и перспективы лингвистики текста обсуждаются в связи с дискурсивным анализом. Дискурс в самом общем приближении — это совокупность тематически соотнесенных текстов. Дискурс объединяет интертекстуально соотнесенные между собой тексты и систему когнитивных, коммуникативно-прагматических целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом в условиях данной коммуникативной ситуации.

Как известно любому исследователю в широком блоке гуманитарного знания, рассуждения о дискурсе стали общим местом в публикациях последних десятилетий. При этом нельзя не отметить очевидную динамику в использовании этого термина: к сожалению, в большей мере отрицательную, нежели позитивную. В результате безудержного некритичного использования внешней оболочки этого термина по отношению к самому разному, в том числе поверхностно объединенному кругу явлений, произошла девальвация термина. Дискурс в русскоязычных публикациях проделал эволюцию от воспринима-

емого как новое до эклектичного, размытого в своих границах понятия, которое используется лишь как модная этикетка для мозаичных, часто плохо структурированных исследовательских подходов.

Такое положение, если отвлечься от крайних оценок, в определенном смысле объяснимо и отчасти оправдано характером гуманитарного знания вообще и языковедческих исследований в частности. Гуманитарная наука развивается как принципиально диалогичная, плюралистичная, допускающая сосуществование различных, даже взаимопротиворечащих точек зрения — при том, однако, непременном условии, что эти точки зрения внутренне непротиворечивы и последовательны.

В определенный период фундаментальные разработки в русскоязычном пространстве идей (и публикаций) пришли в соприкосновение с потоком англо-, франко-, немецкоязычных публикаций. Глобализация и вместе с ней «глобанглизация» политического и экономического пространства привела к такой же глобализации и глобанглизации наших языковедческих (в широком смысле этого слова) исследований. В научный оборот вошел термин «дискурс, дискурсивный анализ», который наложился на существовавшие в отечественных школах научные теории, концепции etc. По сути, новая этикетка соединилась с далеко не новым содержанием применительно к русскоязычным традициям анализа текста / связной речи.

Русская функциональная стилистика традиционно постулировала необходимость изучения высказывания / текста в коммуникативно-деятельностном аспекте. Отличительной чертой этого направления исследований всегда было внимание к функционированию языка в реальных актах речевого общения. Стилистико-речевая системность описывалась как зависящая от экстралингвистических факторов — сферы общения, вида деятельности, целей и задач общения и т.д. С начала двухтысячных годов появился целый ряд публикаций, обобщающих основные итоги и векторы развития функциональной стилистики в российском пространстве (см., например: Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003).

Это во-первых. Во-вторых же, недопустимо смешение самостоятельных теорий, стоящих за самим понятием «дискурс» в различных национальных традициях.

Исследования дискурса как особой категории сложились в различных независимо существующих и развивающихся национальных школах. Ключевое значение имеет научная традиция. Выделяется французская традиция анализа дискурса, связанная в основном с М. Фуко, Л. Альтюссером, Ж.Ж. Лаканом, М. Пешё, П. Серию — традиция, в первую очередь, политико-идеологического, исторического и социокультурного анализа дискурса. Она наиболее автономна в своем подходе и несовместима с лингвистическими принципами анализа. Отдельно развивалась немецко-австрийская школа анализа дискурса, применившая традиционные методы и принципы текстового анализа письменного текста к категории дискурса. Выделяется как самостоятельная англо-американская лингвистическая традиция анализа связной речи (*connected speech*), когда дискурсивный анализ направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего.

Систематизация и сравнительный анализ различных сложившихся подходов к дискурсу целесообразны прежде всего в связи с традиционными категориями и принципами анализа текста. Становление лингвистики дискурса как отдельной дисциплины в блоке языковедческих наук рассматривается здесь как результат расширения исследовательского интереса лингвиста, выходящего сначала за границы предложения и, далее, текста. Эта логика развития — от предложения к тексту и затем дискурсу — будет последовательно прослежена в предлагаемой читателю книге. И именно с этих позиций лингвистика дискурса рассматривается как продолжение лингвистики текста. В книге показываются основные принципы лингвистического анализа дискурса в сопоставлении с принципами текстового анализа.

В текстоцентрической логике наших рассуждений мы будем основываться преимущественно на тех современных отечественных и зарубежных работах интегративного характера,

которые вобрали в себя достижения предшественников в осмыслении понятия «текст» и «дискурс», и на этом фоне показывающих то новое в теории, в привлекаемом к анализу материале и, в целом, в исследовательских проблемах, с которым связывается сегодня поступательное развитие языкознания. Задача обзора и критического разбора этапов становления лингвистики текста и различных представлений о тексте здесь не ставится. Разумеется, что базовые и широко известные положения науки о тексте освещаются как необходимая составляющая и предпосылка для осмысления новых гипотез, нового взгляда на сущность текстуальности и вообще фундаментальных лингвистических категорий.

Говоря о базовых положениях и новых гипотезах, выделим здесь, не претендуя на полноту обзора, публикации последнего времени, которые наиболее всесторонне, емко и научно взвешенно представляют анализируемый круг проблем (Щирова, Тураева 2005; Щирова, Гончарова 2006; Гончарова, Шишкина 2005; Залевская 2001; Spitzmüller, Warnke 2011, Adamzik 2004; Heinemann 2002; Heinemann, Vieweger 1991; Vater 2001, и др.). Ссылки на эти работы рассматриваются как своего рода введение «чужими словами» в собственный анализ и отсылают заинтересованного читателя к развернутому знакомству с источниками. При этом сошлемся на мысль Т.М. Николаевой: «Необходимо различать работы по теории текста и ту теорию, которая может быть построена на базе этих работ, в свою очередь рассматриваемых как исходный базисный текст» (2000: 412).

Примеры на русском, английском и немецком языках представляют анализируемые явления не как специфические культурно-языковые, но как отражающие общие процессы и тенденции коммуникативно-речевой деятельности. Книга снабжена текстами для самостоятельного анализа.

Теоретическое введение: от текста к дискурсу

В современной исследовательской парадигме текст называется одним из ключевых понятий XX в., средством выражения и закрепления человеческого знания, составляющего основу цивилизации. Текст выступает объектом исследования многих гуманитарных наук, подтверждая междисциплинарный статус теории текста как таковой (подробнее об этом: Щирова, Гончарова 2006: 8–12).

Вопрос о том, что такое «текст», задавался лингвистами собственно с момента возникновения лингвистики текста. Однозначного ответа, т.е. однозначной, признаваемой всеми дефиниции текста, при этом не существует. Примечательно, что в дотеоретическом представлении — в обиходно-бытовом смысле — ответ на этот вопрос не вызывает затруднений. Практически любой носитель языка способен привести пример того, что он считает текстом: интервью, объявление, роман, научная статья, стихотворение, разговор по телефону и т.д. И такой эмпирически продиктованный взгляд не вызовет сомнений и решительных несогласий в среде пользователей языком. В практическом смысле проблемы, что такое текст, не существует. В научном отношении ответ на поставленный вопрос зависит от теоретических воззрений исследователя и поэтому не может быть однозначным.

Строя рассуждения о статусе и перспективах развития науки о тексте в новом веке, в новых исследовательских условиях, следует иметь в виду следующее.

Становление и развитие лингвистики текста сопровождалось и сопровождается дискуссиями о сущности ее объекта. Первоначально они фокусировались вокруг оппозиций **текст — предложение; текст — высказывание; текст: письменный или устный; текст — нетекст**, и, наконец, сегодня это оппозиция **текст — дискурс**. Последняя пара категорий оказалась в центре повышенного интереса как теоретических, так и практически ориентированных разработок всех исследователей, имеющих дело с коммуникативной и речевой деятельностью чело-

века. Интересы таких исследователей объединили «собранные под “когнитивным зонтиком” дисциплины для реализации особенностей междисциплинарной программы: изучение процессов, так или иначе связанных со знанием и информацией» (Кубрякова 1994: 35). На традиционные лингвистические категории и понятия наложилась новая система координат, сместившая исследовательский вектор от внутриязыковой структуры текста к динамическим процессам психического (ментального) отражения, переработки знания, т.е. к дискурсу.

Сомнения относительно того, что же в действительности изучает (должен изучать) лингвист — текст или дискурс, оказались сфокусированными примерно одновременно и в зарубежных и в отечественных исследованиях, а именно, около десятилетия назад. Основные причины для пересмотра ставшей традиционной текстоцентрической парадигмы таковы.

Первое. Лингвистика текста развивалась и существовала с конца 60-х годов XX в. в тех условиях, когда не выработано единого общепринятого определения текста — их более 300, по данным авторитетных германистов (Heinemann, Viehweger 1991). Многообразии сменяющих друг друга подходов к определению текста (грамматического, семантического, прагматического и коммуникативно ориентированного, а в последнее время и когнитивного) заставляет исследователей начинать собственный анализ с определения того, что такое текст в их системе рассуждений. Таким образом, складывалась довольно парадоксальная ситуация: «сколько исследователей, столько и определений текста». Определения эти, как сказано, во многом различны, что подчеркивает расплывчатость границ и признаков текста как объекта лингвистики.

Второе. В 80—90-е годы сложилось относительное единство взглядов на текст как независимую высшую единицу коммуникативной иерархии. При этом был очевиден подход «снизу вверх»: с уровня предложения к тексту как множеству предложений. Теперь, однако, текст не может рассматриваться как независимая высшая коммуникативная единица; текст — важный элемент коммуникативной системы, но не единствен-

ный, он сам существует в системе дискурса, т.е. вокруг — и надтекстового экстралингвистического фона.

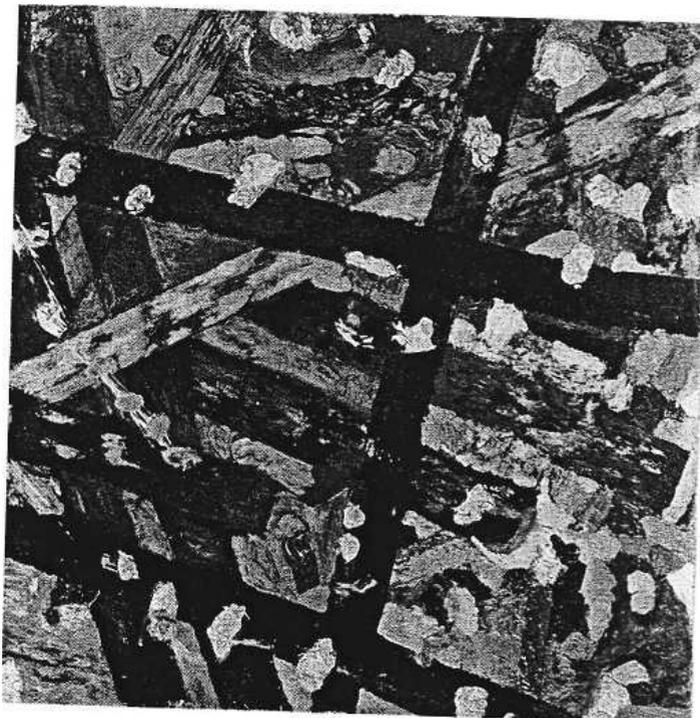
Наконец, *третье*: в когнитивно-ориентированной парадигме новое звучание получают дискуссии вокруг феномена целостности (цельности) текста. Собственно, споры о том, что такое когерентность как критерий текстуальности, присуща ли она тексту как его объективное, имманентно заданное качество или же реконструируется — создается — адресатом заново в процессе понимания и интерпретации текста, сопровождали лингвистику текста с самых первых публикаций о текстуальности. Текст (*textus*) означает, как известно, соединение, сплетение, связь. Но какую именно связь, связь каких элементов, структур, процессов между собой лингвист хочет и может назвать текстом? Внутритекстовые, заданные текстовой системой? Или же те связи, которые возникают за пределами текстового пространства в голове реципиента, встретившегося с текстом? Значит ли это, что текста нет, пока он не встретится с воспринимающим его сознанием?

Вопрос о том, что же такое текст, каков статус этой лингвистической категории в свете новых исследовательских акцентов и когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, не снимается, но звучит с новой силой. Какие свойства могут и должны быть присущи всякому тексту — текстовому экземпляру, реально существующему и / или потенциально возможному? Каковы признаки, факторы, обеспечивающие текстопорождение и восприятие и делающие текст текстом? Это тот круг вопросов, которые были поставлены уже в 70-е годы XX в. лингвистикой текста и которые снова находятся в фокусе языковедческих дискуссий уже на новом витке развития научной мысли.

Отойдем здесь ненадолго от теоретических рассуждений и взглянем на текст и порождаемые этим феноменом вопросы глазами нелингвиста.

В музее города Ганновер хранится написанная маслом в 1959 г. картина немецкого художника Карла Бухайстера «Composition Textem» («Композиция текст» — так, очевидно, сле-

дует перевести это название). На картине проступают темные и светлые полосы, располагающиеся горизонтально, диагонально и под углом друг к другу — создается некое подобие сетки, сплетения, а точнее, внутренней структуры. Такой образ отсылает нас к этимологии латинского слова *textus*, означающей, как уже упоминалось, «сплетение, соединение, связь». На пересекающиеся широкие линии картины наложены светлые пятна краски, мерцающие как своеобразные акценты в общем сплетающемся образе. Изображение оставляет впечатление фрагментарности картинке, ее случайной выхваченности из бесконечного континуума. Линии воспринимаются как продолжающиеся далеко за видимыми («формальными») границами рамки.

Carl Buchheister: *Komposition Textem* (1959)
Sprengel Museum, Hannover

Этот визуализированный пример очень точно и наглядно высвечивает те краеугольные моменты, которые определяют сегодня собственно научные дискуссии: текст представляет собой содержательное единство, структурированное и потенциально интерпретируемое целое; текст состоит из различных элементов; текст существует внутри некоей протяженной — континуальной — сущности как ее фрагмент; границы текста, его начало и конец, относительны.

Для нас текст примечателен как объект изучения в *лингвистике текста*. О становлении и первоначальном развитии этой науки см. подробный обзор в работах Гончарова, Шишкина 2005; Николаева 2001; Adamzik 2004; Heinemann 2002; Heinemann, Vieweger 1991; Vater 2001, а также в более ранних трудах: Гальперин 1981; Одинцов 1980 и др. Характерной чертой лингвистики текста на протяжении всех лет ее развития с 60-х годов XX в. до нашего времени является известная плюралистичность теоретических позиций и предлагаемых моделей текста.

Первый этап развития лингвистики текста связан с анализом правил соединения цепочки предложений / высказываний в более крупные единицы: над- (сверх-)фразовые единства, сложные синтаксические целые, абзацы и т.д. Лингвистика текста развивалась как «грамматика текста», синтаксис текста. Феномен «текст», таким образом, связывался преимущественно с организацией поверхностной структуры текстов.

Следующим стал этап функционального описания текстов, т.е. коммуникативно-прагматический этап. И здесь центральные акценты принадлежали изучению связности и цельности текста как его базовых свойств (изучению того, как создаются отправителем и воссоздаются реципиентом эти качественные показатели текста в качестве коммуникативного единства).

Третий этап — это этап когнитивно-ориентированного анализа, поставившего в центр внимания процессы производства и восприятия текста, который рассматривается как результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранения человеческого знания (ср.: Николаева 2000:

412—413; Adamzik 2004: 1). О начальных этапах становления когнитивизма см.: Кубрякова 1994; Демьянков 1994. Важно заметить, что когнитивный ракурс в лингвистических исследованиях (то, что называлось «когнитивной революцией») был одним из проявлений общей тенденции к интерпретативности в различных дисциплинах. Также проявлением интерпретационизма и свидетельств в его пользу следует считать тот факт, что восприятие текста в когнитивном ключе исследуется более активно, чем его продуцирование (ср.: Демьянков 1994: 20—21).

Глубоко анализируя текст как объект филологической интерпретации, Е.А. Гончарова подчеркивает, что интерес к тексту «можно считать логическим продолжением функционально и коммуникативно-ориентированного изучения языка, у истоков которого стоят, с одной стороны, Ф. де Соссюр с его теорией антиномии языка и речи, а с другой — Пражский лингвистический кружок, сделавший центральным предметом своих наблюдений функционирование языка как действующей *в неразрывной связи с его носителем-человеком и открытой коммуникативным обстоятельствам системы*» (Гончарова, Шишкина, 2005: 5, выделено мной. — В.Ч.).

Расширение лингвистического анализа, его выход за рамки сначала отдельного предложения, а затем и отдельного текста стали стимулом для оформления в качестве самостоятельной дисциплины лингвистики дискурса. Позиционирование лингвистики дискурса связывается на современном этапе с «дискурсивным сознанием» и «метатекстовым знанием» (см. Spitzmüller, Warnke 2011). Лингвистика дискурса связывается, таким образом, с укрупнением объекта лингвистического анализа. Отдельный текст и его внутритекстовая специфика предстает более детализированно и точно на фоне дискурсивного целого, коллективного знания, представленного во многих других текстах, соотнесенных с данным. Характеристику дискурса и принципов дискурсивного анализа целесообразно предварить обзором критериев текстуальности в их традиционном понимании и новом дискурсивно ориентированном осмыслении.

Глава I. Текст как форма порождения человеческого знания

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕКСТА В НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ

1.1. Критерии текстуальности в когнитивно-дискурсивной парадигме

Практически во всех определениях текста можно вычлени несколько дефиниционных аспектов, без которых природа текста и текстуальности остается неясной. Речь идет о наборе качественных характеристик, признаков, без которых текст не может существовать как таковой. На уровне словесного выражения такие характеристики у различных исследователей выглядят неодинаково. Но в целом, абстрагируясь от формальных частных, лингвисты констатируют, что целесообразно выделять:

- всеобщие признаки текста, которые выражают его существенные свойства как объекта анализа;
- типологические (типологически закрепленные) признаки, присущие не всем текстам, но текстам как представителям определенных классов, видов, типов;
- индивидуальные характеристики, присущие отдельным текстовым произведениям и показывающие их уникальное своеобразие (ср.: Краусе 2000: 48). Этот общий методологический принцип анализа «общего — особенного — единичного» констатирует, что все текстовые экземпляры (отдельные произведения) наряду с уникальными индивидуально-вариативными характеристиками обнаруживают универсальные, т.е. инвариантные, признаки, лежащие в

основе дефиниционных аспектов *общего определения текста*. К таким инвариантным для делимитации и идентификации текста признакам отнесем следующие, выделенные в книге Е.А. Гончаровой и И.П. Шишкиной:

Текст представляет собой завершенную с точки зрения его создателя, но в смысловом и интенциональном плане открытую для множественных интерпретаций линейную последовательность языковых знаков, выражаемых графическим (письменным) или звуковым (устным) способом, семантико-смысловое взаимодействие которых создает некое композиционное единство, поддерживаемое лексико-грамматическими отношениями между отдельными элементами возникшей таким образом структуры.

Как автономное речемыслительное произведение текст имеет специфическую пропозиционально-тематическую структуру.

Текст реализует определенное коммуникативное действие своего / -их автора / -ов; в его основе лежит некая коммуникативно-прагматическая стратегия, или текстова-я / -ые функция / -и, проявляющиеся с помощью системы языковых и контекстуальных сигналов, которые в силу их формальной выраженности предполагают адекватную реакцию адресата (Гончарова, Шишкина 2005: 8).

Выявление и систематизация внутренне необходимых свойств текста связаны с вопросом о качественной определенности текста, т.е. отличии текста от нетекста. Это первый этап в осмыслении проблемы делимитации и идентификации текста, отграничения его от других языковых единиц. Качественная определенность текста в зарубежной лингвистической традиции называется *текстуальностью* (англ. texture, textuality, textness; нем. Texthaftigkeit, Textur, Textualität). Текстуальность в западной традиции предстает, таким образом, как совокупность неких черт (свойств, параметров).

В отечественной науке в этой связи чаще говорится о категориях текста. Традиция, видимо, заложена широко известной

книгой И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (1981), в которой приводится перечень обязательных и вариативно варьирующихся, факультативных категорий: информативность, членимость, перспекция, ретроспекция, когезия, континуум, модальность, автосемантия, завершенность, подтекст (см. там же, с. 27, 131). В последующие годы к ним добавлялись такие наиболее значимые и обсуждаемые, как художественное время и художественное пространство — хронотоп (З.Я. Тураева), адресованность (О.П. Воробьева), эмотивность (В.И. Шаховский, О.Е. Филимонова) и др. В 1990-е годы в отечественной литературе отмечалось более 50 текстовых категорий (по: Щирова, Гончарова 2006: 57), перечень категорий текста в современном состоянии см. Бабенко, Казарина 2003.

В зарубежной лингвистике вопрос о том, каким критериям должен отвечать текст (как собственно лингвистический, а не общесемиотический феномен!), был изначально поставлен и раскрыт наиболее полно В. Дресслером и Р.-А. де Бограндом в их «Лингвистике текста», изданной в 1981 г. (и переиздававшейся в дальнейшем на немецком и английском языках). Предложенная авторами модель текстуальности послужила основой для многих последующих дискуссий и теорий относительно текстового статуса вообще, она широко обсуждается и заимствуется и в отечественных работах. В качестве фундаментальных — первичных, базовых свойств текста В. Дресслер и Р.-А. де Богранд называли семь признаков: *когезия, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, (типологическая) интертекстуальность*. Их следует рассматривать как те конститутивные принципы, которые с необходимостью соблюдаются и при текстопорождении, и при текстовосприятии.

Суммируя кратко: когезия (1) — это взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста: грамматико-синтаксическая, лексическая, ритмическая, графическая; когерентность (2) — семантико-когнитивная связность в ее различных аспектах: причинно-следственном, временном, референциаль-

ном. Оппозиция «когезия — когерентность» — это оппозиция поверхностной структуры и глубинно-смыслового уровня. Интерпретация текста как содержательно-смыслового прагматически заданного единства осуществляется комплексно. На поверхностном формально-грамматическом уровне (уровень когезии) понимание текстового целого происходит с опорой на знание значения языковых единиц и правил их комбинации между собой. Когерентное целое устанавливается с опорой на семантико-когнитивную связность, которая не всегда выражена языковыми знаками в поверхностной структуре. Пример типа *На пляже лежали голые люди. Вдруг они встали и разделись* не может быть идентифицирован как семантически обусловленное целое в силу семантического противоречия языковых единиц: «голый» значит уже «без одежды». При этом высказывание типа *Я был с моим псом у ветеринара. Он его укусил* может быть правильно интерпретируемо на основе семантических знаний и энциклопедических знаний о мире: «он», скорее всего, означает «пес».

Интенциональность (3) как обусловленность текстового целого коммуникативной целью тесно связана с адресованностью (4), т.е. коммуникативно-прагматической направленностью на адресата во всем многообразии его, адресата, характеристик: социальных, возрастных, коммуникативно-ролевых etc. Информативность (5) подразумевает отражение в тексте степени / меры ожидаемости / неожиданности, известности / неизвестности, предъявляемых адресату смысловых образований, что обуславливает отбор и комбинирование языковых средств. Ситуативность (6) характеризует соотношенность текста с имеющими значение факторами коммуникативной ситуации, т.е. тот смысл, который актуализируется в данном контексте. Высказывание типа *Я горжусь тем, что я москвич*, может быть интерпретировано по-разному: как выражение самоутверждения приезжего, как противопоставление жителям других регионов, как выражение любви к своему городу. И эта множественность значений снимается только и именно в контексте, позволяющем определить один подлинный смысл вы-

сказывания. Наконец, интертекстуальность (7) предполагает воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных признаков, определяемых моделью его текстопостроения — типа текста.

Эта модель текстуальности вот уже два десятилетия доминирует в дискуссиях по лингвистике текста, и критерии текстуальности, по де Богранду и Дресслеру, называются в качестве основных признаков текста во всех авторитетных зарубежных исследованиях (R.-A. De Beaugrande, W. Dressler, M. Halliday, R. Hasan, H. Vater, W. Heinemann и др.), в том числе в изданиях справочного и учебного характера (см. удачный обзор в Щирова, Гончарова 2006: 23—37; Гончарова, Шишкина 2004: 14—23). Повторим, что в отечественной науке перечень существенных признаков текста несколько отличается от приведенных выше. В целом это объяснимо различием в традициях интерпретации и анализа текста — западноевропейской, ставящей в центр внимания установление критериев или стандартов, отличающих в своей интегративной совокупности текст от нетекста, и отечественной, ориентированной на выделение и описание текстовых категорий и сопоставление текста с единицами более низких уровней языковой иерархии (И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Т.М. Дридзе, Ю.А. Сорокин, А.А. Леонтьев, З.Я. Тураева).

Возвращаясь к концепции де Богранда и Дресслера, подчеркнем, что признание ее теоретической значимости отнюдь не исключает возможности ее дополнения, уточнения, критической интерпретации. И дискуссии, порождавшие затем новые представления, возникали изначально.

Прежде всего очевидно, что предложенная модель текстуальности базируется на разнородных признаках текста — разнородных в том смысле, что отражаются, во-первых, различные теоретические подходы к определению сущности текста, сменявшие друг друга с 60—80-х годов, а во-вторых, недифференцированно объединяются различные уровни текстового целого.

Первый из названных признаков текста, когезия, т.е. грамматико-синтаксическая взаимосвязь элементов текстового цело-

го на поверхностном уровне, отражает грамматически ориентированную модель текста, находившуюся у истоков формирования лингвистики текста. Именно этот аспект текстуальности был центральным в 60-е и 70-е годы в работах по лингвистике текста, противопоставляемой грамматике предложения (так называемой системной лингвистике).

Критерии когерентности и информативности (называемой еще тематичностью) отражают, в свою очередь, семантически ориентированный подход к описанию текста. Уже изначально при возникновении лингвистики текста как новой дисциплины исследователи сделали акцент на глубинной смысловой, семантически обусловленной взаимосвязи языковых элементов в текстовое целое. Этот теоретический подход нашел свое выражение в соответствующих дефинициях текста как системы смысловых элементов.

Дальнейшее развитие лингвистики текста отмечено осознанием того факта, что синтаксически обусловленная связность (на поверхностном уровне) и семантически обусловленное единство языковых элементов необходимы, но не достаточны для определения феномена текстовой целостности. Этот вывод стал очевиден вместе с так называемым прагматическим поворотом в языковедении. *Функциональная перспектива текста, его коммуникативное назначение* выходят на первый план. Все языковые единицы, все слова, включенные в текст, становятся, таким образом, включенными в коммуникативную ситуацию. Они являются результатом осмысленного целенаправленного выбора автора текста, создающего текстовое целое. Очень точным и емким представляется в связи с этим высказывание Е.А. Гончаровой: «Создавая текст как целостную смысловую и речевую структуру, каждый речевой субъект “преднаходит” нужные ему элементы в языке, вливающимся в текст не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям сообщения и общения... Входя в структурно-смысловое текстовое целое, главные номинативные и коммуникативные единицы системы языка — слово и предложение — превращаются в “текстосло-

ва” и “текстопредложения”, в семантике и синтактике которых сочетаются характеристики, идущие как от системы языка, так и от “системы текста”» (Гончарова 2003: 12).

Очевидно, что семантика «текстослов» может значительно отличаться от семантики изолированных слов, и только в тексте, осмысляясь, слово актуализирует значение. Даже у самой нейтральной единицы, включенной в высказывание / текст, возможны семантические приращения. *В тексте возникает качественно новое целое, не равное сумме системных значений отдельных единиц.*

Именно с осмыслением текстового целого как качественно нового целого, не складывающегося механически из суммы входящих в его систему элементов, и связана проблема выявления имманентных свойств текста. Проблема текстуальности оказывается сфокусированной по-новому как вопрос о возможности и оправданности признавать тезис о самодостаточности набора неких характеристик для придания статуса текста. Меняется ли существо текстуальности при переходе к тексту не как к статическому образованию, но как динамической структуре, «живому носителю значений»? Продолжая этот вопрос: являются ли признаки текста (критерии текстуальности) его имманентными, т.е. внутренне обусловленными свойствами, самодостаточными? Могут ли лингвисты вообще объявить какие-либо признаки текста имманентными, раз и навсегда данными и раз и навсегда связанными с феноменом текстуальности? Ведь, как известно, создаваемая вначале В. Дресслером и де Бограндом модель из семи критериев подразумевала их как интегративное единство: при невыполнении одного из них текст переставал быть текстом (см. в этой связи дискуссии о так называемых псевдотекстах, или текстоидах: Vater 1992: 18 и след.).

Итак, рассмотрим традиционные текстовые признаки в контексте современного состояния человеческой практики и научного познания. *Оставляет ли наше новое знание и новые факты практической деятельности без изменения представления о системе обязательных признаков текста и текстуальности?*

В традиционных представлениях и ожиданиях текст — это завершенная последовательность языковых и / или неязыковых знаков; текст должен обладать внутренней организацией, как представлялось, с началом и концом. Сегодня, однако, с очевидностью существуют тексты без формально обозначенных границ, т.е. незавершенные. Примером тому служат так называемые чаты в Интернете без видимых признаков завершенности сообщения, а также романы, появляющиеся в глобальной Сети и продолжаемые различными авторами, входящими в Сеть, без обозначения конца или вообще сигналов его законченности.

1.2. Сетература и гипертекст

В научный оборот сегодня прочно вошло понятие сетературы — сетевой литературы, выдвигающей в центр внимания идею об Интернете как средстве создания интерактивной творческой среды. Сетература — это «новая, принципиально отличная от традиционной формы литература, меняющая отношение читателя с автором, превращая их в соавторов, использующая новые технологии, конечный продукт которых размещается в компьютерной сети и может видоизменяться во времени многими читателями из разных мест односторонне» (Барст 2005: 3).

Актуальным объектом лингвистического анализа стало, далее, понятие «*гипертекст*» («больше, чем текст»), разрушающее сложившееся представление о тексте как линейно упорядоченном, обладающем формальной когерентностью единстве. Гипертекст — это электронное художественное произведение, компьютерно организованное. Гипертекст определяют как нелинейный разветвляющийся текст, позволяющий читателю самостоятельно избрать путь чтения («броузинг») по его фрагментам. Гипертекст — это метод объединения документов; это механизм для нелинейной структурированности текста; это форма организации текстов (Schnurr 1992). Гипертекст характеризует особый способ построения художественного про-

изведения в виде отдельных блоков — «кусков», «ломтей», «текстонов», между которыми могут быть установлены перекрестные гипертекстовые ссылки. Сетература и гипертекст обуславливают возможность новой нелинейной «среды обитания» текстов — виртуальной реальности, противостоящей «естественной среде обитания» линейных текстов на бумаге. Следствием подобной «миграции» можно считать активно разрабатываемые новые литературные формы, жанры и типы текстов: гиперроман, гиперрассказ, гипердрама, гиперпоэзия.

Итак, нелинейный гипертекст меняет наши сложившиеся представления о тексте как линейной последовательности, имеющей начало и обязательный конец. И это то, что воспринимается как проблема, т.е. противоречие с имеющимися представлениями на поверхностном, формальном уровне. Прежде всего встает вопрос о структурных критериях текстуальности; кроме того, обсуждаемое явление ставит в новом ракурсе проблему исчезновения автора и незначимости авторской интенции при создании текста (эта проблема смыкается с кругом вопросов интертекстуальности и требует отдельного рассмотрения).

Продолжая эту мысль: сегодня существуют автоматически создаваемые электронные послания, «размножаемые» компьютером с теми или иными модификациями, без однозначного идентифицируемого субъекта речи. Можно ли считать такие сообщения текстами по определению? И этот вопрос уводит к более глубинным проблемам имманентных свойств текста, от формальной связности — когезии к содержательно-смысловой связи текстовых элементов, т.е. когерентности. Когда, при каких условиях текст содержательно целостен?

1.3. Когерентность — критерий целостности текста или целостности восприятия текста?

В рамках одного из возможных подходов, определяемого как психолингвистический, или рецептивно ориентированный, ставится и по-своему решается вопрос о том, являются ли при-

знаки текста его имманентными, внутренне обусловленными свойствами или же результатом интерпретации текста воспринимающим его реципиентом, иными словами, результатом когнитивной деятельности воспринимающего субъекта? Например, когерентность, т.е. глубинная содержательно-смысловая связность текста, будучи как лингвистическим, так и в значительной степени экстралингвистическим феноменом, не обязательно эксплицируется на поверхностном уровне текста посредством конкретных языковых знаков. Можно сказать — не обязательно «материализуется в тексте».

При этом существуют ситуации, когда внешне бессвязные последовательности слов и предложений идентифицируются реципиентом как текст, т.е. высказывание воспринимается как когерентное. Ср. пример, приводимый в этой связи немецким специалистом Х. Фатером, автором неоднократно переиздаваемых в Германии учебников по лингвистике текста:

— *Идет дождь. Дай мне Библию.*

Эту последовательность высказываний, придуманную, чтобы показать нечто бессвязное, предъявляли группе опрашиваемых, и она идентифицировалась большинством из них как текст, выражающий смысл и, следовательно, коммуникативную интенцию: «адресант просит Библию, чтобы укрыть ее от дождя» (Vater 2001). Аналогичные эксперименты описывает и К. Бринкер (Brinker 1992).

В этой связи многие исследователи рассматривают феномен целостности текста с рецептивно ориентированной позиции. Ср. следующие мнения: “Coherence is not in the text. One can only say, someone understands a text as coherent” («Когерентность не заложена в тексте. Можно только сказать, что некто понимает текст как когерентный»; Vublitz 1994: 218).

В зарубежной лингвистике для большинства авторов принципиально значимо различие двух аспектов текстовой связности: когезии как уровня структурной организации текста и когерентности как его семантико-когнитивной связности. Заметим попутно, что некоторые зарубежные авторы в своих определениях текста и текстуальности вводили и такой кри-

терий, как завершенность (Vollständigkeit, Abgeschlossenheit; напр., Hennig / Huth 1975), что фактически связано с расхождением в терминологии и деталях, но не в существе понимания проблемы.

В отечественной науке эта проблема традиционно рассматривается в терминах «цельность (целостность)» и «связность» текста, и ее решение методологически разделяется между лингвистикой текста и психолингвистикой. Так, цельность понимается как внутренняя смысловая организация текста (высказывания), не обязательно эксплицируемая в языковых категориях, но всегда осознаваемая при восприятии текста, в то время как аппарат лингвистики пригоден для характеристики именно связности (Леонтьев 1979: 19). Цельность текста не определяема лингвистически: тот текст целостен (т.е. является текстом), который воспринимается как осмысленное целоеобразное единство (там же, с. 28). Существует точка зрения, что психолингвистика специализируется на изучении цельности, а лингвистика — на изучении связности.

Очень точно обсуждаемую проблему сформулировала Е.В. Левченко: «Какие свойства текста изучали теория текста и психолингвистика — одни и те же или разные? Различается ли та реальность, которая обозначена терминами “целостность текста” и “целостность восприятия текста”?» (Левченко 2004: 178). Действительно, отчетливо определился переход от обсуждения свойств текста как константной, неизменной данности к анализу восприятия текста. Е.В. Левченко видит это как движение от поиска первичных свойств, неустранимых, присущих тексту вообще, вне зависимости от влияния Автора и Читателя к поиску вторичных свойств, т.е. субъектно-объектных, возникающих при взаимодействии субъекта с текстом и исчезающих при размыкании этого контакта. И тогда задачей анализа становится показать, «что реально Читатель вносит во взаимодействие с текстом, какие его свойства порождает из своей головы как Зевс Афину Палладу» (Левченко 2004: 179).

Вторичные свойства текста, таким образом, отражают, по мнению исследователя, не его существенные объективные ка-

чества, но приписанные субъектом тексту. Это «мерцающие свойства», изменяющие степень выраженности в зависимости от опыта адресата. Причем правильность или неправильность приписывания, по Е.В. Левченко, не важны, важна лишь устойчивость, повторяемость, воспроизводимость тех или иных признаков. Экземплярно действие этого механизма «приписывания» при взаимодействии текста с воспринимающим его сознанием показано на примере текстов-парадоксов (см. Левченко 2004; также 1991).

Открытым остается вопрос о полном наборе вторичных свойств, их устойчивости и степени зависимости вторичных свойств текста, их устойчивости и степени зависимости от типологической (жанровой) принадлежности текста.

Ряд открытых и дискуссионных вопросов в связи с рецептивно ориентированным пониманием текстовых признаков в динамической модели может быть продолжен. Так, нельзя не обратить внимания на опасность циркулярного определения когерентности (по замкнутому кругу): все то, что может быть интерпретировано, есть текст. Кроме того (и это особенно важно), с точки зрения практики лингвистического анализа, адресатоцентричная модель текста оказывается очень мало, чтобы не сказать совсем не эвристичной. Напротив, продуктивной и «практикабельной» является реконструкция — интерпретация, декодирование, понимание — именно авторской интенции, делающей текст целостным, диалогичным, коммуникативно направленным etc. Научные споры и, главное, те ответы, которые предлагаются в результате, зависят от теоретических позиций исследователя. Их подробный анализ остается за рамками данного пособия. В самых общих чертах продуктивной представляется следующая позиция.

Признавая, что когерентность (или цельность, в другой терминологии) — это то качество, которое реконструируется (должно реконструироваться!) реципиентом, текст можно и необходимо рассматривать как механизм, «запускающий» когнитивные процессы его восприятия. Когерентность не статичное, раз и навсегда данное качество текста, но когнитивный

процесс, в котором интерпретирующему субъекту, реципиенту принадлежит активная роль в раскрытии текстового (коммуникативного) назначения. Это двусторонний диалектический процесс. Адресат выступает и как объект воздействия для автора текста, и как самостоятельный субъект его декодирования и интерпретации. Текст предстает как система языковых средств, структур, форм, объединенных коммуникативной стратегией отправителя, закладывающего в текстовую ткань разного рода коммуникативные сигналы, влияющие на адресата, направляющие его восприятие и управляющие им. Адресат, в свою очередь, имеет собственные коммуникативно-прагматические установки, собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариативно!) «мерцать» те или иные текстовые смыслы, заложенные в тексте и актуализированные так или иначе субъектом речи. Ср. в этой связи концепции понимания текста как «чтения по следам» (“Textverstehen als Spurenlesen”, подробнее: Scherner 1994).

В связи с этим представляется важным ракурс в установлении границ когерентности — внутритекстовых или ситуативно обусловленных. Иллюстрацией послужит пример, по-своему уже обсуждавшийся в книге С.Д. Кацнельсона (1972). Это фрагмент рассказа Чехова «Елка» воспринимается как содержательно и формально бессвязное соседство двух предложений:

*(...) От низу до верху висят карьеры, счастливые слу-
чай, подходящие партии,
выигрыши, кукиш с маслом, щелчки по носу. Вокруг елки
толпятся взрослые
дети.*

Когезия и когерентность становятся очевидными, если вернуть в начало первое предложение и воспринимать весь фрагмент целиком: *Высокая, вечнозеленая елка судьбы увешана благами жизни. (...)*

Этот пример еще раз особым образом демонстрирует относительность связей в текстовом пространстве: когерентность — это свойство, работающее в контекстуальной привязанности.

Следующим вопросом, притягивающимся к кругу обсуждаемых, является вопрос о *характере* и *значимости* такого кри-

терия текстуальности, как *информативность*, по Дресслеру и де Богранду, или *тематичность*, в другой терминологии. Если тематическая целостность текста определяется обязательным присутствием в нем темы, или некоего «содержательно-информативного конденсата, который не утрачивается даже в случае максимального сокращения текста» (Гончарова, Шишкина 2005: 16), то, значит, не существует несемантических текстов, без однозначно узнаваемой темы? Но можно ли с точностью указать тему высказывания — однофразового текста, типа «Классно!», «Ужас!» или, например, «Пожалуйста!». Очевидно, что этот критерий текстуальности, как и другие, оказывается тесно зависимым от конкретной контекстуализации, от коммуникативной ситуации, а не существует сам по себе как самодостаточное явление.

Другой пример. Восприятие следующего текста (его автор — австрийский поэт Э. Яндль) как содержательного целого невозможно без опоры на его форму:

m
m m m
m m m m m
m... m.... m... m.... moral

(E. Jandl)

Здесь уже не отдельные слова, но отдельные знаки — буква или, точнее, обозначенный буквой звук — участвуют в выражении авторской интенции остроумно передать в художественной форме многословие, громоздкость и / или невнятность, сомнения, паузы при попытках высказаться на тему морали. И здесь коммуникативная ситуация оказывается решающей при декодировании текстового целого.

Таким образом мы снова вернулись к коммуникативной функции, к назначению текста в коммуникативно-речевой деятельности. И при этом очевидно, что коммуникативная функция — наименее уязвимый (практически неуязвимый!) признак текстуальности: текст — это когерентная последовательность языковых

(в ряде случаев и неязыковых) знаков, назначение которых — выражать определенную коммуникативную цель. Повторяя определение текста, провозглашенное прагматически-коммуникативно-ориентированной моделью текстуальности, мы можем вернуться к вопросу, лежащему в истоке всех дискуссий о текстуальности: *а бывают ли вообще нетексты, текстоиды?* Ведь примеры, типа «В огороде бузина, а в Киеве дядька» или же приводимые ранее имеют целью показать, проиллюстрировать бессвязность чего-либо по сравнению со связностью чего-либо. Значит, они имеют коммуникативное назначение и, значит, они — тексты?! Не означает ли это, в конечном итоге, тупиковость и циркулярность всех рассуждений о текстовых признаках, способных делимитировать его и показать отличия от нетекста?

Очевидно, что подобного рода вывод напрашивается только в том случае, если исследователь видит в тексте лишь статичный, застывший результат, а в текстуальности — набор неизменных, заданных однажды и неподвижных свойств. Объяснительный потенциал лингвистики как науки потеряется в дискуссиях о том, каким должен быть «текст вообще». Подобные дискуссии были бы непродуктивны потому, что действительным объектом лингвистики является не текст вообще, а конкретный текст, и именно с ним мы имеем дело. Текст — не вещь в себе, и применительно к оценке текстовых свойств это требует следующих уточнений.

Первоначальные взгляды на текст и текстуальность строились на признании неких качеств текста как имманентных. Имманентный (лат. *immanens* — пребывающий внутри) — понятие, обозначающее свойство, внутренне присущее предмету, процессу или явлению (Новейший философский словарь 1999: 261).

Современный этап исследований уходит от строгого разграничения по принципу «имманентное — относительное». Это выражается во взглядах на текстуальность как прототипический феномен.

РАЗДЕЛ 2. ТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В объяснении сущности текстуальности как прототипического феномена расставим два необходимых акцента. Первое, нельзя отрицать качественной определенности текста и наличие у него сущностных свойств — текстуальности. Второе, невозможно и нецелесообразно осуществить принцип имманентности в его «чистом виде» применительно к текстовым категориям. Лингвистика (текста) имеет объяснительную силу не через создание абстрактных умозрительных теорий, но в ее внимании к реальной языковой практике. А в реальной практике, в оперировании текстами проблемы «что такое текст» не возникает. Любой носитель языка в ответе на этот вопрос будет исходить из своего опыта обращения с конкретными текстами — инструкциями, рецептами, телефонным разговором, романом и т.д. Вообще, наука о языке оперирует гуманитарным знанием и, значит, не признает абсолютных истин: равное право на сосуществование имеют различные точки зрения, если они внутренне не противоречивы. Согласимся с И.А. Щировой, констатирующей сегодня «превращение интерпретатора в знаковую фигуру времени.... Истина оценивается не с позиций объективности, а с позиций ее эвристической полезности» (Щирова, Гончарова 2006: 57 — 58).

Какая же теоретическая позиция обладает бóльшим объяснительным потенциалом в связи с дискуссиями о качественной определенности текста?

Когнитивно ориентированное направление языковедческих наук задает особый статус лингвистики текста в ряду других дисциплин. Под влиянием и напором дискурсивного анализа мы наблюдали своего рода разграничение «сфер влияния» лингвистического текста и когнитивной лингвистики. Лингвистика текста в ряде современных разработок развивалась в направлении сужения понятия «текст», ограничения его только материальной стороной, зафиксированностью на материальном носителе. Процессуальная же сторона текстопроизводства

и текстовосприятия часто отводится в область изучения дискурса. Изложенные в предыдущем разделе суждения не позволяют признать продуктивным резкое противопоставление текста и дискурса, результативности и процессуальности, приводящее к растворению текста в стихии процессуальности.

Считаю возможным разделить широкое, **динамическое представление о тексте и как процессе, и как продукте речемыслительной деятельности**, по Е.А. Гончаровой, М.Я. Дымарскому, И.А. Щировой, В. Хайнеманну, У. Фикс и др. и соотносить существование текстового целого (целостного текстового смысла) с воспринимающим и воссоздающим текст сознанием. Текст зависит от интерпретатора в том смысле, что он создается, будучи включенным в определенные отношения с адресатом. Смысл текстового целого — то, что называется интенцией текста, — дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его социально-историческим контекстом.

«Воспринимая текст, — пишет И.А. Щирова, и с этим необходимо согласиться, — мы не читаем его с “чистого листа”, поскольку в *материальной форме текста репрезентируется авторское сознание. Чтобы быть понятым, автор обращается к словам общепонятного языка и выстраивает на их основе текстовое целое*, по его мнению, оптимально репрезентирующее сформировавшийся в его сознании целостный смысл. Ориентируясь на читателя, автор маркирует текст чертами целостности... *Воспринимая текст, читатель исходит из презумпции его целостности* и, следуя интерпретативным стратегиям и тактикам, заложенным автором в текст, “собирает” его смысл. *Целостность текста*, таким образом, всегда обусловлена совместной деятельностью сознаний коммуникантов. Она не является окончательно определенной, поскольку, в конечном итоге, идентифицируется читателем как равноправным участником коммуникации, но является заданной, поскольку изначально идентифицируется авторским сознанием... в форме текста» (2005: 57, курсив мой. — В.Ч.).

Следовательно, текст и текстовые категории имеют «нежесткий» характер, и к ним неприменимо категоричное разграничение по принципу «имманентное — относительное».

Зависимость текста от интерпретатора отрицает имманентность его категорий, но позволяет сохранить за ними статус критериев текстуальности. «В контексте новых научных реалий категории текста целесообразно трактовать не как имманентные свойства, а как репрезентируемое языковыми средствами и зависимые от интерпретативной ситуации когнитивные параметры» (ср.: Щирова, Гончарова 2006: 56; 53).

2.1. Модель текстуальности в процессуальном аспекте

Операциональная, нестатичная сторона создания текстового целого находит свое отражение в новых моделях текстуальности, которые учитывают традиционно выделявшиеся конститутивные признаки текста, по де Богранду и Дресслеру, или иные, в соответствии с российской научной традицией. В зарубежных публикациях известны модели текстуальности, альтернативные предложенной де Бограндом и Дресслером, напр.: Feilke 2000. Так, выделяются:

- *генеративность* (Generativität) как способность принципиально неограниченно продуцировать речевые сообщения с коммуникативно-прагматическим эффектом;
- *универсальность* (Universalität), подразумевающая наличие универсальных когнитивно-семантических стратегий порождения текстов, делающих незначимыми возможные единичные ограничения, накладываемые системой конкретного языка на сочетаемость языковых элементов в поверхностной структуре;
- *контекстуальность* (Kontextualität), показывающая, что текст функционирует не как чисто языковая, но как социально-языковая структура. Целостность текста может и

должна быть объяснена только при учете его контекстуальных связей и зависимостей, социокультурного, психологического, исторического и прочих факторов, сплетенных с собственно лингвистическими;

- *процессуальность* (Prozessualität) — текстопорождающая компетенция (Text-Herstellungskompetenz), обращенная к процессу создания текста как сложного языкового знака;
- *интенциональность* (Intentionalität), означающая, что текст всегда выступает как ситуативно обусловленное действие (последовательность действий);
- *диалогичность* (Dialogizität), делающая акцент на принципиально диалогичном характере всех коммуникативных процессов, независимо от устной или письменной формы их фиксации, но с теми или иными особенностями актуализации «фактора адресата».

Такой взгляд на текстуальность далеко не единственный в общей массе теоретических подходов и попыток создать более или менее гомогенную концепцию «динамической текстуальности», дополняющей (а не отменяющей!) традиционный взгляд.

2.2. Культурная маркированность как критерий текстуальности

В меняющихся взглядах на сущность текстуальности следует особо выделить тот критерий в научном описании текстов, который связывается со специфической культурной определенностью текстов. Сейчас наметилась отчетливая тенденция включать в систему базовых текстовых признаков *культурную маркированность* (ср.: Kulturalität). Например, в новейшей, изданной в Германии «Энциклопедии немецкого языка» культурологическая специфика текста (Kulturalität) называется наряду с традиционно выделяемыми текстообразующими характеристиками (ср.: Kleine Enzyklopedie. Deutsche Sprache 2001: 477). Это означает признание того факта, что

языковая специфика текстов (т.е. определенных разновидностей — типов, жанров текста) есть одновременно культурно значимая специфика. Участники коммуникации наряду с фоновым энциклопедическим, языковым, нормативным (текстотипологическим) знанием обладают и культурологическим знанием: конвенциональные социокультурные значения отражаются в ментальности субъектов речи и проявляются при формулировании текста в выборе (предпочтении) тех, а не иных языковых единиц (см. об этом Fox 2000).

Итак, текстуальность не может быть представлена как набор замкнутых в себе, неизменных, самодостаточных свойств. Она не должна пониматься как «форма для отливки текстов», в которую они закладываются, чтобы отразить свою текстуальность.

То главное, что определяет новые тенденции в анализе текста и, значит, текстуальности, видится в *возможности и целесообразности* применения к описанию текста *прототипического подхода*. Текстуальность так же, как и другие лингвистические единицы и категории, может быть определена с позиций теории прототипов.

2.3. Инвариант и прототип: к определению понятий

Здесь целесообразно сделать некоторое отступление от общей логики изложения и пояснить суть самого понятия «прототип», предлагаемого для обсуждения в связи с текстуальностью.

О прототипе и прототипичности исследователи говорят, главным образом, в связи с анализом когнитивных процессов при отражении лексической составляющей языка (см., в частности, публикации G. Lakoff, E. Rosch, R.W. Langacker, E.C. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева и др.). **Прототипичность** связывается с наличием в сознании человека некоего образца, «наилучшего примера», отражающего свойства какого-либо предмета / явления. **Прототип**, таким образом, **это**

эталон, образцовый вариант для данного класса объектов.

По А.В. Бондарко, «прототип — это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак “источник производности”) и во многих случаях наиболее высокой степенью регулярности функционирования» (Бондарко 2003: 19). В качестве иллюстрации прототипичности обычно приводят пример из книги Э. Рош: родовому понятию «птица» в сознании соответствует несколько конкретных видов, в прототип же включаются особи, обладающие признаками «наличие крыльев, умение летать, неодомашенность», например, воробей. В этом примере пингвин не соответствует прототипическим представлениям о птице.

Прототип отличают от **инварианта** как абстрактного обозначения какого-либо класса предметов, отвлеченного от конкретных проявлений. Инвариант — это отражение наиболее общих, всегда неизменно сохраняемых свойств класса предметов, это не эталон. Инвариант учитывает только минимум необходимых системообразующих признаков. Прототип же обладает «более свободным набором признаков, которые могут осознаваться, с одной стороны, как отдельные характеристики, а с другой — как своего рода единство. Сущностные признаки при этом соседствуют с необязательными, создавая определенный сплав, и, таким образом, можно говорить о сочетании гетерогенных признаков... Набор признаков жестко не закреплен, у разных представителей данного класса он не обязательно проявляется во всей полноте» (Матханова 2005: 108 — 109).

Прототип включает в себя инвариантные признаки, т.е. обязательные всегда и везде — и факультативные, вариативные.

Прототип существует как отдельный объект, инвариант; повторим — это абстракция, не доступная непосредственному восприятию.

2.4. Прототипический характер текстуальности

Применительно к вопросу о качественной определенности текста это значит, что **текстуальность предстает как гибкий узел градуальных подвижных признаков, характеризующих текст как результат и как процесс текстопорождения, реализующихся вариативно с той или иной полнотой в различных языковых и социальных практиках** (ср.: Heinemann, Viehweger 1991: 171; Sandig 2000: 93 и след.). Прототипический характер текстуальности означает здесь, что эта категория объединяет ряд текстообразующих признаков (критериев), которые имеют градуальный характер: 1) они обладают различной степенью валидности в разных типах текста; 2) не все признаки могут и должны выражаться в каждом текстовом экземпляре; 3) не все признаки текстуальности имеют равную значимость для утверждения (или отрицания) текстового статуса конкретного речевого / коммуникативного феномена. Одни могут быть доминирующими, регулярно повторяющимися, центральными, другие — лишь потенциально возможными, вариативными.

Из этого следует, что можно говорить, с одной стороны, о своего рода центральной (ядерной) зоне текстового континуума, охватывающей тексты, в которых реализован наиболее полный набор возможных (установленных) признаков. С другой стороны, существует и периферийная зона, удаленная от центра, в том случае, когда в текстовых экземплярах проявляются не все базисные инвариантные свойства текстуальности.

Например, когезия как грамматико-синтаксическая связность элементов на поверхностном уровне может быть ненаблюдаема в текстах, равных слову или предложению — в «текстословах» и «текстопредложениях». При этом статус текста не отрицается, если его функциональное назначение очевидно для адресата (интерпретируемо адресатом). В ситуациях с внешне бессвязными (при недостаточно выраженной когезии) и нетематичными сообщениями другие признаки текстуальности способны взять на себя компенсаторную функцию. При-

мер, типа «Эники-беники ели вареники...» идентифицируется как текст в соответствии с приведенным выше определением, и как текст конкретной типологической принадлежности, а именно, как детская считалка с опорой на ситуативность, т.е. знание о коммуникативной ситуации, порождающей высказывание, и типологическую интертекстуальность.

Культурная маркированность текста также может рассматриваться как прототипический признак текстуальности, имеющий высокую или низкую валидность. Так, представляется, что *тексты, отражающие интеллектуальные (духовные) сферы общественной деятельности, имеют преимущественно культурно-универсальный характер* и содержат минимальное количество национально-специфических черт, вторгающихся в саму модель текстообразования. К числу подобных текстов относятся молитва, загадка, притча, пародия и др., в том числе и научный текст, монография, статья. Например, научный текст безотносительно к его языковой принадлежности отражает универсальные черты в модели текстопостроения, что делает его носителем научного знания в онтологическом, гносеологическом, методологическом смысле и обеспечивает научную преемственность и поступательность в общечеловеческой коммуникации.

В процессах формулирования текста как смысловой и речевой структуры отбор и предпочтение языковых элементов и форм, именно тех и не иных, регулируется, среди прочего, и социокультурными установками автора. Это становится видимым в отдельных формальных различиях «модуса формулирования» научного текста на немецком, английском, русском etc. языке (см. Чернявская 2005 б; там же обзор литературы). Разумеется, культурная маркированность научного текста выражена минимально по сравнению с текстами материальной, производственно-бытовой сферы человеческой деятельности, так называемыми текстами повседневного общения (объявление о продаже, конкурсное заявление, характеристика, рекомендация, уведомление о неуплате долга, соболезнование и т.п.). Это *тексты со значительной выраженностью* именно

специфических, неуниверсальных, *национально-культурных* и, значит, языковых *черт*.

Прототипический подход к текстуальности делает очевидным, что такие типологически разнородные тексты, как, например, роман, научная статья; кулинарный рецепт; телефонный разговор; электронное сообщение; удостоверение личности (паспорт), граффити, сентенция, афоризм, крылатое выражение типа «Пришел, увидел, победил»; и даже текстослово «Метро» выступают как примеры вариативной реализации текстового прототипа с различной валидностью его отдельных свойств — когезии, когерентности (связности, целостности), тематичности, диалогичности, культурной маркированности, интертекстуальности, членимости и проч. Эта вариативность не отрицает качественной определенности текста, но выдвигает в центр внимания интерпретативную активность субъекта, его текстовую компетенцию.

Рассматривая текстуальность с позиций прототипической организации, можно утверждать, что существуют — потенциально возможны — коммуникативные ситуации, в которых выраженность текстовых признаков стремится к нулю. Следующие примеры¹ и коммуникативные ситуации могут быть положены в основу такого вывода:

1. Во время политической демонстрации в 90-е годы сторонники различных партий, движений несли транспаранты с лозунгами, призывами, протестами и другого рода текстами, формулирующими политические настроения. Один участник акции шел рядом со всеми и имел пустой транспарант, на котором не было написано ничего.
2. Учитель дает задание классу написать сочинение на тему «Что такое счастье». Все ученики сдают тетради с исписанными страницами, один подает пустую тетрадь, не содержащую никаких слов.

¹ Эти примеры приводились в вопросе проф. С.Т. Золяна, ректора Ереванского государственного лингвистического университета, прозвучавшего во время нашей научной дискуссии в 2006 г.

Такого рода ситуации заставляют увидеть знаковый характер «пустого множества»: отсутствие знака, т.е. его материальная невыраженность, именно на фоне многих других знаков становится значимой и связанной с определенным коммуникативным намерением: сказать о своем протесте против всех, как в первом случае, или о нежелании, невозможности определить счастье, как во втором. При такой вербально невыраженной интенции целесообразно говорить не о тексте в его лингвистическом понимании как языкового знака, но о коммуникате (см. раздел 5.2.).

Такой прототипический подход к тексту не является принципиально новым, а, напротив, коренится в языковедческой традиции трактовать языковые элементы разных уровней с точки зрения «центр — периферия — постепенные переходы». Отношения «центр — периферия» рассматриваются как универсальное свойство языка, как лингвистическая универсалия. Этот принцип лежит в основе теории полевой структуры, давно и результативно развиваемой в отечественной науке в трудах В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, В.М. Павлова, Е.Р. Гулыги, Е.И. Шендельс и др. Задолго до того, как исследователи заговорили о когнитивной лингвистике и прототипическом подходе, были описаны системные принципы полевой организации языковых явлений и категорий. Суммируем кратко их суть, опираясь на вводные замечания А.В. Бондарко к академическому изданию «Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры» (2005).

Термин «поле» основан на метафоре, связанной с идеей пространства. Речь идет о сфере взаимодействия элементов с общими признаками, объединенных наличием определенной структуры, включающей постепенные переходы и частичные пересечения.

Наличие полевой структуры связывается с множественностью и неоднородностью признаков, свойственных разным сторонам и проявлениям рассматриваемых объектов (например, в книге В.Г. Адмони (1988) это рассматривается применительно к значению грамматических форм языка).

Полевую структуру характеризует полнота и максимальная интенсивность признаков в центре и разреженность и ослабление на периферии структуры. Полевой принцип строения языковой системы универсален и воплощает континуальное начало в языковой системе.

Таким образом, концепции отечественных ученых, рассматривающие закономерности языковой организации в терминах «полевая структура» и «центр — периферия», во многом теоретически предшествовали прототипическому подходу в когнитологии. При всех различиях в исходных позициях, в используемой терминологии выявляется общее в интерпретации объектов и отношений между ними. Применение прототипического подхода, а по сути, принципа «центр — периферия» к явлениям текстового уровня позволяет высветить существо глубоких процессов языкового функционирования и обозначить новые особенности в характеристике феномена «текстовости».

РАЗДЕЛ 3. ТЕКСТ СТАТИЧЕН ИЛИ ТЕКСТ ПРОЦЕССУАЛЕН?

С того момента, как категория дискурса прочно вошла в научный оборот, все чаще стало звучать некое противопоставление текста дискурсу, как противопоставление статичности (текста) процессуальности (дискурса). В зависимости от теоретических позиций, научной школы и личных интересов авторов это противопоставление ослабляется или усиливается, превращаясь порой в резкую оппозицию «текст vs дискурс».

Нельзя не признать, что новое направление научного анализа связано напрямую с осознанием той реальности, что текст является основополагающим, но не единственным элементом в сложно организованной системе человеческой коммуникации. Признание этого обстоятельства привело к перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и восприятия текста. Теоретическим выводом из этого оказалось разделение *тек-*

ста как результата коммуникативно-когнитивной деятельности и *дискурса* как самого процесса. Противопоставление статичности и динамичности, процессуальности и результативности коммуникации и речи является ключевым вектором когнитивно ориентированной лингвистики и влечет за собой пересмотр позиций относительно сущности текстуальности. Особые цели и исходные теоретические установки когнитивных наук в целом и когнитивной лингвистики и психолингвистики в частности позволяют еще больше раздвинуть рамки «тексторастворяющих» подходов.

В потоке публикаций последних лет заметна определенная тенденция: внимание к мыслительным феноменам смыслопорождения (к тому, что происходит «в голове» адресата) обрачивается сомнением относительно эвристической значимости анализа вербальной формы этих феноменов — текста. Так, сложная динамическая система взаимовлияния психоментальных процессов и их материальной языковой составляющей представляется метафорически как взаимодействие «тела» и «души». При этом существенной для анализа должна быть, по определению, конечно, душа. Что же касается «тела» в таком образном представлении, то показательным может служить следующий взгляд:

«В число исходных постулатов для метатеории понимания текста могут входить следующие. «Тело текста» без продуцирующего и воспринимающего его человека остается некоторой мертвой последовательностью графем; для его «оживления» или «одушевления» необходима включенность и «тела текста», и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может (Залевская 2001: 157).

Эта картина делает для многих исследователей текстоцентрический принцип уже не столь незыблемым и очевидным (вспомним в этой связи образное выражение Г.В. Степанова (1984): «Лингвистика становится служанкой при тексте»). Теперь не может не возникнуть вопрос о статусе самой науки о тексте. Наметилась ситуация, при которой «лингвистика текста, выступая сначала как нечто отчетливо очерченное и по-

нятное, стала понятием диффузным, уже готовым к концептуальному распаду» (Николаева 2000: 413).

Комментируя приведенную цитату из работы авторитетного отечественного психолингвиста А.А. Залевской, можно сделать следующий акцент. Очевидно, чтобы действительно понять что-либо, нужно занять определенную точку зрения, при этом выдвигая на первый план — высвечивая — одну позицию, другую неизбежно оставляя в тени. Исходя из теоретических установок психолингвистики, выделение процессов смыслопорождения и восприятия как наиболее существенных (т.е. как «души») и понятно, и методологически оправдано, и вносит неоспоримый вклад в общее развитие языковедения.

Нельзя не отметить, однако, что рассуждения о «теле текста» и его «душе», о том, что «текст мертв», сопряжены со спецификой значения, полученного в результате метафорического словопроизводства. В специфике этой выделим два основных момента. Во-первых, метафора «начинается с принципа фиктивности (благодаря модусу «как если бы»), живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования» (Метафора в языке и тексте 1988: 48). «Имплицитные приращения смысла к эксплицитным значениям могут значительно превосходить последние в суммарном объеме информации... Имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними...» (Никитин 2003: 240). И, далее, следует принимать во внимание «способность метафоры создавать психологическое “напряжение” между буквальным значением и значением переосмысленным...» (Метафора в языке и тексте 1988: 35). Как раз такое напряжение и создается в анализируемой ситуации «омертвления текста», когда возможен (!) вывод о безынтересности текста как «мертвого тела» по сравнению с «живой душой» когнитивных процессов.

Во-вторых, «осмысление образного значения очень индивидуально, субъективно... Именно субъективностью переосмысления значения слова... объясняется сложность ее интерпретации (...). Восстановлению смысловой гармонии препят-

ствуют важные характеристики метафоры — ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение — скорее вызывать представления, а не сообщать информацию» (Метафора в языке и тексте 1988: 109). Недооценка этого обстоятельства способна привести к тому, что *«метафора бывает не только чрезвычайно полезна, но недостаточно критичному уму может и навредить, сбивая мысль на неоправданные сближения и обобщения»* (Никитин 2003: 261). Такого рода опасностью ошибочных упрощений нельзя пренебрегать. Во всяком случае, взгляд на текст как «мертвую цепочку графем» отражает лишь один из возможных подходов.

В наших рассуждениях следует исходить из того, что *наличное человеческое знание — это знание текстуальное*, т.е. представленное в текстах, фиксируемое текстами и, главное, *порождаемое в текстах*. Так считает авторитетный немецкий лингвист Г. Антос, основоположник теории речевого формулирования. В этой идее заключено возражение «сокращенному варианту» положения о роли текста в когнитивных науках, когда текст признается языковой реализацией (в смысле — результатом) ментальных структур, процессов, концептов, и, следовательно, текст — это лишь средство для презентации и архивирования знания, своего рода «одежда для мыслей» или же «посредник в представлении мысли».

Напротив, по Антосу, текст — это центральное средство порождения знания как индивидуально-личностного, так и социального, как в культурно-исторической, так и в конкретной повседневной протяженности. Под этим ученый понимает, с одной стороны, получение, отбор, структурирование и оформление знания как такового и, с другой стороны, критическое осмысление, интерпретацию и изменение знания (в смысле — его приращение), равно как и «риторически ориентированное» оформление приращенного знания, предназначенного для восприятия адресата. Только и именно базирующееся на распространении в человеческой практике и ориентированное на воспринимающее сознание порождение текстов (*«auf Distribution und Rezeption basierende Wissenskonstitution»*) делает тексты

социокультурно значимым средством приращения знания — и снова через непрерывный процесс его распространения и восприятия (“qua permanenten Distributions und Rezeptionsprozeß”; — ср.: Antos 1997: 45).

Безусловно, нельзя отрицать результативный, т.е. формальный аспект текстовой организации. Тексты упорядочивают рассеянное во многих дискурсах человеческое знание в определенной социально-культурной и языковой форме. Одновременно с этим нельзя соглашаться с абсолютизацией формального аспекта текста при обсуждении его процессуальности и / или результативности.

Существо текста и, значит, главную задачу («главный нерв!») в его исследовании следует формулировать не **только и не столько в констатации того факта, что текст «языков-ляет» наше знание о мире в какой-то форме** (структурированной так-то, с такой последовательностью тематического развертывания, с детальным представлением того-то etc.), **сколько в вопросе о том, как и что текст оформляет и / или что не оформляет средствами языка и почему**. Очевидно, что в основе такого представления лежит процессуальное, или динамическое, понимание текста. Поскольку тексты отражают и выражают наше знание избирательно и целенаправленно, то отдельный текст является, по Г. Антосу, «промежуточной станцией» от одних (текстов) к созданию других (текстов) («на бумаге») и отправной точкой для рецептивной переработки содержащегося в тексте знания в сознании адресата («текста в голове»). Отметим здесь интересное попутное наблюдение ученого: мы говорим в такой связи именно о «текстах». И множественное число в этом случае фокусирует, что работа читательского сознания с (одним) текстом активизирует и актуализирует целую систему концептов, ассоциаций, пресуппозиций, следствием и результатом переработки которых является часто формулирование других текстов — парафразирующих, комментирующих, продолжающих, интертекстуально соотносящих, обобщающих и т.д. (ср.: Antos 1997: 46).

Итак, наше знание большей частью (особому рассмотрению подлежат, конечно, математические или химические формулы!) не только фиксируется и представляется в виде текстов, но и порождается в языковом смысле как текст. И если в соответствии с динамической моделью рассматривать тексты как точки отсчета и промежуточные станции в процессе порождения знания, то каждый конкретный текст / каждое высказывание выступает своего рода генератором новых текстов / смыслов.

В нашем анализе диалектической антиномии «результативность vs процессуальность» сошлемся также на определение Е.А. Гончаровой: «Являясь коммуникативным действием автора и выражая определенную коммуникативно-прагматическую стратегию, текст, с одной стороны, в силу своей знаково-материальной определенности представляет собой некий результат, продукт когнитивно-речевой деятельности субъекта, которым он создан. С другой стороны, будучи включенным в определенные отношения с адресатом, для восприятия которого он предназначен, текст наделяется признаками процесса, процессуальности, поскольку и автор и читатель вольно или невольно вкладывают в создаваемые ими системы текстовых смыслов зависимость от “среды” (исторической эпохи, социальных условий, индивидуального психологического состояния и др.). *Авторский и реципиентский смысл не могут быть адекватны как друг другу, так и инвариантным языковым значениям компонентов текстовой структуры*» (Гончарова, Шишкина 2005: 10; курсив мой. — В.Ч.).

Это утверждение созвучно высказываемой Т.М. Николаевой идее о тексте как организованном семантическом пространстве. Ср: «...Пространство-текст не представляется таким линейным, каким оно предстает в нарративной грамматике, оно многомерно. Единицы этого семантического пространства не равны точно единицам языка... Основной декодируемый смысл текста... передается некими значимыми смысловыми квантами, не привязанными ни к линейному контакту, ни к оформленности грамматических уровней. Текст оказывается прошитым этими смысловыми переключками» (Николаева 2000: 418; 436).

Если текст — это вербальная форма речемыслительной деятельности адресанта, взаимодействующего с адресатом, то *процессуальность присутствует в нем per se, по сути, как внутренне заложенный признак*. Процессуальность текста поддерживается и объясняется его подчиненностью не только речемыслительной деятельности адресанта и адресата, но и иным видам деятельности антропоцентров коммуникации. Вспомним в этой связи суждения А.Н. Леонтьева о том, что речевая деятельность является своего рода «наддеятельностью», и «строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность — целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую» (Леонтьев 1969: 27).

Констатируя процессуальность текста, заложенную в нем его «деятельностным происхождением», согласимся с Е.А. Гончаровой в том, *как* представить характер этой процессуальности: она детерминирует системность текста, т.е. необходимую и устойчивую внутреннюю связь принадлежащих ему элементов, и направлена именно на внутреннюю системность в большей степени, нежели на связь этих элементов с окружающей средой или с элементами других систем (ср.: Гончарова, Шишкина 2005: 10). Процессуальность текста заключена в том, что «в тексте есть структурирование, нацеленное на длительное существование» (Адмони 1994: 87). Продолжить это высказывание можно тем, что в тексте создается особая системность, «качественная прибавка» к свойствам языковой системы, по М.Н.Кожинной; функционирование языка подчиняется двойной системности — внутриязыковой и коммуникативно-функциональной; если первая реализуется, то вторая строится, организуется в процессе речеобразования (Кожина 1984: 11). И дополняя эту мысль: «текст обуславливает возможность “перекрестного” смыслового взаимодействия элементов разных уровней (текстовой структуры. — В.Ч.) и их интегративное вхождение в общий текстовый смысл, *качественно новое целое по сравнению с суммой системных значений отдельных языковых единиц*» (Гончарова, Шишкина 2005: 10—11, курсив мой. — В.Ч.).

Следовательно, смысл текстового целого — интенция текста — дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его историческим контекстом.

Признание этого факта позволяет по-новому взглянуть на традиционные категории текста и в целом на феномен текстuality.

Литература для углубленного чтения по главе I

1. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык. — М.: Высшая школа, 2005.
2. Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. — СПб., 2005.
3. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. — СПб.: Книжный Дом, 2006.
4. Adamzik K. Textlinguistik. — Niemeyer, 2004.
5. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. — Niemeyer, 2002.

Г л а в а II. Типологизация текстов

РАЗДЕЛ 4. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В основе предпринимаемых здесь рассуждений о тексте как лингвистической категории лежит принципиально значимое положение: всякий текст существует как представитель определенного типа текстов и каждое конкретное текстовое произведение, т.е. экземпляр текста, существует только и именно как реализация соответствующего текстотипа. Нет текста вообще, но есть текстовые экземпляры, представители определенного типа текста.

Проблема типологии текстов, т.е. членения и классификации текстового пространства, выделилась в самостоятельный раздел общей теории текста и находится в последние годы в центре повышенного исследовательского внимания. При этом типология — это та область лингвистики текста, в которой на сегодняшний день не существует однозначной общепринятой точки зрения на основания выделения отдельных типов / классов текста, т.е. отнесения текстов к тому или иному таксономическому разряду. Это связано с меняющимися взглядами лингвистов на феномен текста и текстуальности. Если первоначально текстуальность как система признаков и факторов, обеспечивающих текстопорождение, определялась исходя из внутритекстовых критериев (текстограмматических и семантических), то в последующем значительную роль стал играть учет экстралингвистических критериев. И все дальнейшие попытки совместить интра- и экстралингвистические признаки как классифицирующую основу приводили к разного рода взаимоналожениям и противоречиям. Это с одной стороны.

Другая сложность связана с тем, что не существует единых интегративных терминов для классификации текстов, что особенно очевидно при сопоставлении отечественных разработок

с текстотипологическими исследованиями зарубежных авторов. Нередко употребление, казалось бы, одних и тех же терминов теоретически не совпадает.

Наконец, в-третьих, и это представляется принципиально важным, выделение определенных оснований для типологизации текстов связано с общим исследовательским подходом, принятым за основу. Обращаем внимание на два пути создания текстовых классификаций: так называемый путь «сверху вниз» — от общих параметров к конкретным текстовым реализациям; и путь «снизу вверх» — от реально существующих текстов к их объединению на основе общности тех или иных характеристик.

4.1. Функциональный стиль и жанр речи в традициях отечественной лингвистики

В отечественных исследованиях советского периода, а затем с 90-х годов XX в. в разработках российских ученых определяющее значение имел и имеет функционально-стилистический метод. Его суть состоит в выявлении закономерных особенностей организации речи / текста и способов осуществления текстовой деятельности как предопределяемых спецификой формы общественного сознания и вида социокультурной деятельности. Этот подход положен в основу выделения основных функциональных стилей, соотнесенных с важнейшими сферами человеческого сознания и деятельности. К их числу относят сферу художественной литературы, прессы и публицистики, науки, общественно-деловую, обиходно-бытовую, церковно-религиозную и некоторые другие. Научный стиль традиционно выделяется в системе функциональных стилей. Традиция функционально-стилистического анализа, как известно, была заложена задолго до оформления лингвистики текста в самостоятельную языковедческую дисциплину и в России и за рубежом. Разработки в этой области восходят к трудам В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Э.Г. Ризель и полу-

чили свое наиболее системное воплощение в фундаментальных исследованиях М.Н. Кожиной, Пермской лингвистической школы, чехословацких ученых К. Гаузенбласа, М. Елинека, а также О.Б. Сиротининой, А.Н. Васильевой, Н.А. Кожина, В.В. Одинцова и др.

Функциональный стиль в соответствии с этой традицией представляет собой «исторически сложившуюся, общественно осознанную речевую разновидность, обладающую... своей речевой системностью... соответствующую той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания. (...). Это исторически сложившийся тип функционирования языка, который ... создается под влиянием комплекса базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов» (СЭС РЯ, 2003: 581). Это определение, приведенное М.Н. Кожиной в изданном ею Стилистическом энциклопедическом словаре, подчеркивает важнейшие аспекты в традиционном представлении о функциональном стиле: функционально-стилистическая классификация речевого / текстового континуума детерминируется внеязыковыми факторами, как то: форма общественного сознания, вид деятельности, коммуникативные цели в социуме, типовое содержание в соответствующей сфере общения и др.

Функциональный стиль не является монолитным образованием и моделируется по полевому принципу: следует говорить о ядре стиля и его периферии, пограничных областях функциональных стилей с учетом действия не только базовых, но и других экстралингвистических факторов. «В стилевой стороне речи (текста) можно найти как инвариантные для данного функционального стиля (основные, стилевые черты), так и черты, идущие от подстиля или жанра» (там же, с. 582).

Таким образом, выделение дальнейших единиц анализа, т.е. более частных разновидностей речевых произведений шло по принципу понижения уровня научной абстракции и учета не только самых общих признаков (как при выделении основных функциональных стилей), но общих и особенных черт. Анализ шел в направлении выделения подсистем, т.е. «сверху вниз».

Исследователи активно оперировали понятием «подстиль». В частности, при дифференциации научного стиля выделялись собственно научный (академический) подстиль, научно-информационный, научно-критический, научно-популярный, научно-учебный подстили. Конкретная разновидность текстовых произведений, объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью, называется при этом жанром. В период 70–80-х годов активно обсуждалась идея о полевой структуре стиля и соответственно о ядерных жанрах, в которых стандарт стиля находит наиболее яркое выражение, и периферийных жанрах, имеющих неизбежные отклонения от стандарта.

Отметим, что проблематика жанров речи восходит в отечественной науке во многом к идеям М.М. Бахтина. Очевидная ориентированность на представления о жанре, по Бахтину, отмечается всеми исследователями в отечественной науке. В специальной литературе встречаются несколько вариативных терминов для обозначения единицы текстового членения: жанр текста, речевой жанр, жанр речи, жанровая форма, жанровая разновидность. Ведущими центрами, занимающимися интенсивными жанровыми исследованиями, являются в России Пермский университет — Пермская лингвистическая школа и Саратовский университет (см. работы М.Н. Кожинной, В.А. Салимовского, В.Е. Гольдина, О.А. Сиротининой, В.В. Дементьева).

В этой связи примечательны разработки В.В. Дементьева и сделанные им аналитические обзоры по проблемам изучения речевых жанров в России конца XX и начала XXI в. (Дементьев 1997; 2007). Тенденции развития российского жанроведения, по Дементьеву, в наиболее общих чертах таковы: развивается, с одной стороны, лингвистическое изучение речевых жанров, или генристика, и, с другой, прагматическое изучение речевых жанров, или жанроведение.

Первое направление, генристика, опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов — этим российские жанроведы основательно занимались в 80-х и 90-х годах, исходя из интенции отправителя сообщения. И тог-

да речевой жанр — это, например, просьба, обещание, шутка, флирт, издевка и т.д. Обозначенное термином «генристика», это направление, по мнению исследователей, заимствует и продолжает зарубежные разработки в теории речевых актов применительно к речевым разновидностям в русскоязычном социуме. Здесь исследования группируются как раскрывающие преимущественно синтактику речевого жанра или его семантику. Синтактика речевого жанра описывает его как системно-структурный феномен в совокупности многих составляющих коммуникативно-прагматической ситуации, социальных и психологических мотивов коммуникантов, изучает тематическую прогрессию внутри жанра, обеспечивающую его связность и цельность (см. Дементьев 2007: 168 — 170).

Семантика речевых жанров занимается толкованием, лингвистической интерпретацией содержания отдельных жанров как устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказываний. Здесь теоретические разногласия могут быть вызваны представлением о том, сколько существует жанров и какие типичные речевые формы следует считать или не считать жанрами. При этом также применяется полевой принцип структурирования речевого жанра с центром и периферией в выражении основной функции. Для иллюстрации: приказ, просьба, мольба, требование рассматриваются как императивные жанры, причем центральное место в поле языковых средств для их выражения занимают перформативные глаголы (см. там же, с. 171 и след.).

Генристику, по мнению В.В. Дементьева, можно упрекнуть в серьезном упрощении и обеднении представления о речевом жанре, в недостаточной прагматичности.

Другое направление, обозначенное как собственно прагматическое изучение речевых жанров, или жанроведение, исходит из диалогической природы жанра, опираясь на диалогически ориентированную культурно-семиотическую концепцию М.М. Бахтина. Это направление имеет исторически сложившиеся корни в советской и затем российской лингвистике,

функциональной стилистике. Жанр в прагматически ориентированных концепциях описывается в связи с речевыми особенностями высказываний / текстов в типичных ситуациях социального взаимодействия. Определяющим признаком речевого жанра признается его диалогичность в том смысле, что его (жанра) целостность, завершенность, внутренняя речевая системность проистекают из функционального аспекта. Жанр, по М. Бахтину и его последователям, есть единица речевого общения и деятельности людей. Жанровая форма предстает как типизированная модель речевого взаимодействия коммуникативных партнеров.

Так, в докторской диссертации В.А. Салимовского (2002), базирующейся на функционально-стилистической традиции российской науки, представлена современная концепция жанра речи и жанрового стиля применительно к научным академическим текстам. Жанры речи рассматриваются автором как «устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, в художественной, научной, правовой и др. сферах) на ступени ее объективации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения» (Салимовский 2002: 13). Речевой жанр, таким образом, отличается от стиля различным уровнем исследовательской абстракции, охватом общих и особенных признаков объекта, а не природой последнего (там же, с. 25). В свою очередь, жанровый стиль определяется в диссертации как «разновидность стилистико-речевой системности, как способ организации последовательности высказываний на основе взаимосвязи их типовых целеустановок» (там же, с. 17), «выделяемых из коммуникативно-познавательных целей более общего характера» (там же, с. 8).

Таким образом, функционально-стилистический подход задает направление анализа текстового произведения, его стилистических черт от наиболее общих характеристик, абстрагированных от частных явлений, к типичным и особенным, т.е. понижая уровень теоретической абстракции.

4.2. Тип текста и лингвистическая типология в зарубежной лингвистике

В зарубежной лингвистике текста (мы основываемся, главным образом, на анализе немецких и английских публикаций), которая как самостоятельная дисциплина сложилась позднее функциональной стилистики и развивалась в иных национально-исторических условиях, сложился принципиально иной подход к выделению типологической единицы текстового анализа. Этот подход, с нашей точки зрения, справедливо назвать путем «снизу вверх» — от эмпирического наблюдения за конкретными речевыми произведениями к их систематизации, классификации и типологии.

Так, в немецкой лингвистике текста традиционно оперируют понятием *Textsorte* — род или «сорт» текста, если использовать буквальный перевод. Оно вошло в научный оборот после конференции 1972 г. в Билефельде и выхода фундаментального исследования (Gülich, Raible 1972), а восходит к работам П. Хартмана (1964) и М. Бензе (1962). Понятие *Textsorte* является основным, наряду с ним в научном обороте существуют *Textgenre*, *Textemtyp*, *Textklasse*, *Textgruppe*, *Texttyp*, *Textart*. Поскольку сложно подобрать абсолютно точный перевод, который соответствовал бы значению *Textsorte* в русском языке и не выглядел бы неорганичным в системе типологических разработок (калька представляется также неудачной), мы будем использовать здесь и далее термин *тип текста* как наиболее адекватный для обозначения того, что в немецкой лингвистике называется *Textsorte*. Далее мы несколько подробнее обратимся к сложностям перевода и заимствования терминологии, используемой в зарубежных источниках.

Итак, под типом текста понимается модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов (*Textbildungsmuster*, *Textschemata*, *Textentfaltungsmuster*) или «структурный прототип» (*struktureller Prototyp*, Krause 1986), по образцу которого могут создаваться другие тексты с различным содержательным наполнением. Как нормирующий образец тип тек-

ста характеризуется набором обязательных текстообразующих признаков и предполагает их регулярную повторяемость при текстопроизводстве — в этом смысле тип текста тождественен понятию инвариантной модели.

Принципиально важно обратить внимание на следующие существенные моменты. В таком понимании типы текста (Textsorten) имеют в известной степени *индуктивно-эмпирический статус*. Это значит, что они обеспечиваются определенным минимумом конкретных наблюдаемых языковых и неязыковых признаков и соотносятся с обыденной («наивной») сферой коммуникации; они могут и должны спонтанно распознаваться как таковые среднестатистическим носителем языка. Наименования типов текста совпадают с их обиходными названиями: объявление, некролог, инструкция по эксплуатации, кулинарный рецепт, извещение, рецензия, интервью, аннотация, реклама, газетная статья и т.д. и являются собственно лексическими обозначениями. В силу этого перечень типов текстов представляет собой открытое множество. В исследовании немецкого лингвиста М. Димтера указывается ок. 1600 таких обиходных названий для видов / классов текстов, наиболее часто встречаемых (Dimter 1981). В работе Е. Рольф речь идет о более чем 2000 текстов так называемого повседневного употребления (Gebrauchstextsorten; Rolf 1993).

Такая классификация имела место первоначально в 70—80-е годы без теоретического сопровождения в том смысле, что текстовые типологии имели «дотеоретический статус»: разделение текстового континуума на его отдельные составляющие по видам / типам текста происходило, так сказать, в сознании носителей / пользователей языка. В этой связи примечательно, что основные классификации в зарубежной германистике касались текстов повседневного употребления (Gebrauchstexte), с которыми человек имел дело в своей каждодневной практической деятельности. *Gebrauchstext* (предлагаемое нами русскоязычное соответствие этого термина *текст повседневного общения*) рассматривается, таким образом, в оппозиции к текстам литературной коммуникации. Для выделения различных

типов текста повседневного употребления принципиальную роль играют их общественно-историческая и социальная обусловленность и эмпирическая наглядность. Соответственно в основе классифицирующих подходов лежали признаки монологичный / диалогичный; устный / письменный; спонтанный / подготовленный текст с учетом далее коммуникативных целей и типового содержания (см., например: Sandig 1972).

Итак, тип текста как обозначение конвенционального образца организации для текстов с аналогичными структурными и функциональными признаками имеет «дотеоретическое происхождение» и соотнесен изначально с эмпирическими, конкретно наблюдаемыми различиями устных и письменных текстов (ср.: Sandig 1972, Ermert 1979: 50; Heinemann, Vieweger 1991: 144 f.f.; Vater 2001: 187 f.; и др.).

При этом следует исходить из того, что каждый носитель языка обладает определенной «типологической компетенцией» (Textsortenkompetenz; Lux 1981; Textmusterwissen; Heinemann, Viehweger 1991), благодаря которой он способен идентифицировать тексты одной типологической принадлежности, различать тексты разных типов и узнавать нарушения текстообразовательной нормы (распознавать неверно написанное заявление о приеме на работу, объявление о продаже и т.п.). Это означает, продолжая примеры, что читатель научной статьи или монографии, в том числе и неспециалист, ожидает получить в определенных отрезках текста информацию о достигнутых результатах, выводы; такими стандартизированными отрезками являются заключительные части текста или его разделов.

Текстотипологическая компетенция подразумевает также у лиц, принадлежащих к одному коммуникативно-языковому сообществу, способность не только распознавать, но и создавать тексты в соответствии с коммуникативными нормами, т.е. корректных в языковом отношении и адекватных ситуативно. Иными словами, продуктивное обращение с текстами не исчерпывается эмпирическим уровнем познаний, интуицией или имитацией, но должно систематически развиваться и формироваться через усвоение теоретических знаний (ср.: Gläser 1990:

26 f.f.). Естественно, что объем этих знаний различен для носителя языка и изучающих иностранный язык. Заметим здесь, что, несмотря на различие в научных традициях, выводы зарубежных ученых полностью повторяют те идеи, которые высказывал в своих ранних трудах и в несколько иной терминологии М.М. Бахтин. «Чем лучше мы владеем жанрами, тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (там, где это можно и где это нужно)» (Бахтин 1979 б: 259).

Эмпирическое понимание, лежащее в основе первоначального выделения самостоятельных типов текста, обосновывается и развивается собственно научной систематизацией текстовых признаков и их теоретическим осмыслением. При этом вырабатываются абстрактные понятия, объединяющие характерные черты нескольких типов текста: классы текстов, функциональные типы текстов. Цель научной классификации текстов состоит в том, чтобы свести бесконечное множество конкретных текстов к обозримому числу их основных видов на основе общих признаков.

4.3. Проблема разграничения понятий «жанр» и «тип текста» в отечественной и зарубежной лингвистике

Различия в традициях и сложившихся подходах к членению текстового континуума в отечественных и зарубежных разработках, а также объективные трудности создания более или менее универсальной классификации с непротиворечивыми иерархическими отношениями порождают определенные проблемы при выработке единого интернационального понятия.

Начнем с того, что и в зарубежных исследованиях нет общепринятого термина для текстотипологического анализа. В немецких работах, как указывалось, используется понятие *Textsorte*, общепринятое немецкими лингвистами, но не ставшее, однако, интернациональным термином. Наряду с ним используется понятие «жанр» (*Genre*), закрепленное преимущественно

но за сферой литературоведения для обозначения исторически возникших структурно-организационных форм произведения. Их терминологическое разграничение, когда термин «жанр» закреплён за описанием поэтических текстов, а тип текста (Textsorte) — нехудожественных, специальных текстов, порождено, скорее, конвенциональными нормами. При этом не исключается использование термина «жанр» применительно к исследованию специальных текстов (существуют термины Fachtextgenre, wissenschaftliche Textgenres), что, однако, имеет место в единичных случаях и не отражает общей тенденции.

Иная ситуация наблюдается в британских и американских работах по лингвистике текста. В них термин Genre, Genre analysis типичен для обозначения образца, формы организации типа текста (Text type organization). Иногда используется термин field-related genre, соответствующий немецкому Textsorte (по: Gläser 1990: 31).

Вместе с этими терминами используются и собственно text type и также неоднозначно. С одной стороны, в англоязычных источниках text type (тип текста) используется для выражения того же содержания, что и немецкое Textsorte. Ср.:

“Text types are classes of the text with typical patterns of characteristics”;

A text type is a set of heuristics for producing, predicting and processing textual occurrences, and hence acts as a prominent determiner of efficiency, effectiveness and appropriateness... (de Beaugrand, Dressler 1981: 10; 186).

С другой стороны, в известной работе (Werlich 1975) термин text type обозначает общие типовые когнитивные операции по структурированию текста. При этом выделяются дескриптивный, нарративный, аргументивный, инструктивный, экспозиторный типы текста, реализующиеся уже в конкретных текстовых формах (Text form), в терминологии автора.

Итак, существование нескольких конкурирующих и перекрещивающихся терминов в англо- и немецкоязычных работах затрудняет заимствование той или иной терминологии для достижения единообразия подходов.

4.4. Тип текста как лингвистическая категория и как единица типологического анализа

В качестве базового понятия для определения типологического статуса конкретных текстов мы используем **тип текста**. В силу того, что термин «жанр» закрепился в литературоведении и тесно связан с традициями описания художественно-эстетических произведений, мы не будем использовать его применительно к типологическим описаниям в лингвистике нехудожественного текста, чтобы отделить ее от литературоведческих разработок.

Итак, нам представляется целесообразным использовать понятие **тип текста для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием**. Каждый тип текста отличается определенной системой закрепленных за ним специфических признаков, на основании которых к нему могут быть отнесены отдельные тексты. При этом тип текста существует в единстве как инвариантных, строго обязательных и постоянных признаков, так и вариативных, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре.

Каждое конкретное текстовое произведение — экземпляр текста — существует как представитель соответствующего типа текста и должно рассматриваться именно в таком отношении.

В свою очередь, тип текста может охватываться типологической единицей более высокого уровня абстракции, а именно **классом текстов**, объединяющим тексты с одинаковой функциональной спецификой, но отличающихся принадлежностью к определенной сфере коммуникации, предметом, кругом получателей и уровнем теоретических обобщений.

4.5. Типологическая интертекстуальность

Отношения текстового экземпляра и его текстообразовательной модели описывает, как известно, категория интертекстуаль-

ности, а именно та ее составляющая, которая называется **системно-текстовой интертекстуальностью**. В другой терминологии это обозначается как **прототипическая / типологическая интертекстуальность**.

Как известно, в исследованиях по интертекстуальности наряду с содержательно-смысловым уровнем открытости одного текста по отношению к другим выделяется еще и прототипический уровень, подразумевающий типологическую открытость текстов одного функционального стиля, типа, класса друг к другу, или их системнотекстовую открытость (Pfister 1985: 52 – 58; Holthuis 1993: 51 – 88; Sandig 2006: 105 – 109). Типологическая интертекстуальность наряду с другими факторами текстопорождения является конституирующей характеристикой текстового типа, который определяется набором инвариантных, строго обязательных текстообразующих признаков. Последние обладают прототипической повторяемостью в процессе создания новых текстов одной типологической принадлежности.

Типологическая интертекстуальность, таким образом, базируется на явлении стереотипности компонентов в структурно-композиционной организации соответствующих текстов и ориентирована на типологически мотивированные отношения между текстами. Эти отношения могут быть двоякого рода и предполагают, что отдельный текст интертекстуально соотносен, во-первых, с определенным текстовым типом — канонизированной моделью производства и восприятия аналогичных текстов и, во-вторых, с другими, конкретными текстами, имеющими такую же типологическую принадлежность. В первом случае речь идет о системнотекстовых референциях в результате актуализации инвариантных признаков текстового типа; во втором — о межтекстовых референциях, которые мотивированы определенными текстовыми канонами.

Таким образом, текстотипологическая интертекстуальность делает акцент на целенаправленном выражении типичных и повторяющихся текстовых характеристик в процессе человеческого познания и коммуникативной практики.

РАЗДЕЛ 5. ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Основные итоги дискуссий 80-х, 90-х и 2000-х годов вокруг проблемы типологизации текстов следует, с нашей точки зрения, свести к ряду принципиально значимых заключений, существенных при определении тенденций и основных направлений развития языковедческой науки в целом.

5.1. Тип текста как форма упорядочивания человеческой коммуникации

Первое. И в зарубежных, и в отечественных исследованиях *тип текста или же жанр речи рассматривается как форма упорядочивания, формализации человеческой коммуникации*. Можно еще раз сослаться на М.М. Бахтина в том, что «коммуникация не является хаотичной потому, что ее упорядочивают жанры», т.е. формальные модели, канализирующие речевой поток. Речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» (Бахтин 1979 б: 260).

Сложившиеся модели текстопостроения и восприятия, закрепляющие в социальном опыте способ выражения замысла автора, взаимодействующего со своим адресатом, приносят системность в коммуникативно-речевую практику. Эти модели, называемые жанром речи, жанровой формой или же типом текста, выступают инструментом согласования коммуникативно-речевой деятельности автора сообщения и его адресата в том смысле, что речевой замысел индивидуума-автора воплощается более или менее регулярными, повторяющимися способами и, значит, регулирует и канализирует восприятие индивидуума-адресата.

«Подведение первичного замысла под типовую целеустановку и его актуализация с помощью системы типовых действий, очевидно, может рассматриваться как важная сторона

механизма приспособления замысла к избранному жанру». «Жанровая форма предстает как типизированная модель речевого взаимодействия партнеров по общению, в ней запечатлеваются диалогические отношения» (Салимовский 2002: 37, 42; см. там же подробнее об истории вопроса о системности речи и системности жанра, с. 44 — 57).

По мнению В.В. Дементьева, понятие жанра речи (речевого жанра) необходимо для противопоставления двух типов коммуникации — нормированной, формализованной и неформализованной, неупорядоченной и служит своего рода способом преодоления энтропии в коммуникации. «Жанры составляют буферное пространство между отчужденной от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры приносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в “борьбе” с недостатками непрямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами» (Дементьев 2007: 178 — 179). Иными словами, при создании и при восприятии речевого произведения / текста создается «жанровое предписание адресанту»: привести в соответствие с текстообразовательной схемой тематическое, функциональное и иллокутивное наполнение и «жанровое ожидание адресата», согласующие их коммуникативную деятельность как партнеров по общению.

5.2. Процессуальность как вектор современной типологии

Еще одно из перечисленных базовых для современной типологии положений можно обозначить как проекцию когнитивно-психологических факторов на лингвистические структуры.

Ясно, что точность и адекватность любой типологии достигаются благодаря множеству и многообразию принимаемых во внимание характеристик и признаков текста. Противоречия, с одной стороны, могут быть сняты благодаря расширению иссле-

довательского кругозора и выходу на другие уровни коммуникативной иерархии. *И такое расширение своих исследовательских горизонтов типология текста получила вместе с когнитивной переориентацией лингвистических разработок.* Постановка проблем для типологии текста в начальный период в 70-е и далее в 80-е годы принципиально отличается от того вектора развития, который был задан в последнее десятилетие XX столетия.

Эмпирическое наблюдение и описание текстовых разновидностей, систематизация и обобщение текстообразующих признаков характерны, таким образом, для раннего этапа типологических разработок. И определенное время эмпирическая и теоретическая составляющие исследований существовали в известном равновесии: теория объясняла и научно упорядочивала результаты эмпирических наблюдений. Конец XX в., отмеченный усилением дискуссий о статусе текста вообще, сущности текстуальности и ее качественных характеристиках, показал и кардинальную проблему для текстотипологических исследований. Слово «проблема» употреблено здесь в его первичном значении, т.е. как противоречие между уже известным и научно объяснимым и пока еще не полученным знанием; как осознаваемое наукой противоречие между наличным и перспективным знанием. Очевидно, что лингвистика текста и ее центральная часть — типология текста — должны обладать объяснительным потенциалом, чтобы избежать маргинальной роли и вообще растворения своего предмета в общем потоке теорий и направлений.

Что должна объяснить лингвистическая теория в связи с вопросами стандартов и моделей текстопостроения, чтобы не «топтаться на месте» и избежать циркулярных определений «по замкнутому кругу»? Включение каких фактов и новых разработок в поле зрения обеспечит расширение исследовательского кругозора и, значит, расширение «сферы влияния» традиционной дисциплины на общее поступательное развитие науки о языке?

Представляется, что новый этап в лингвистике текста в целом и в части типологических разработок связан с проникно-

вением в них данных когнитивной психологии. Новый рубеж был перейден исследователями вместе с осознанием того факта, что производство, воспроизводство и восприятие типов (жанров) текста предполагает знание о типах текстов. Иными словами, это предполагает существование неких когнитивных систем и процедур, приводящих к созданию в речи высказываний / текстов по определенным моделям. С осознанием этого обстоятельства, точнее, с перемещением его в фокус лингвистических разработок был осуществлен подход и переход к точке зрения на *типологию текста в ее процессуальности*. Снятие ряда существенных противоречий в «типологической дилемме» становится возможным благодаря проекции психолингвистического и когнитивного вектора на внутрилингвистические элементы в жанровых / типологических подходах.

Динамическая процессуальная модель текста и текстопорождения, выдвинутая сегодня на первый план, позволяет дать новое объяснение, казалось бы, парадоксальному факту: отсутствие резких, непреодолимых границ в текстовом континууме, еще точнее — гибкость и подвижность таких границ, сама возможность нарушить стандарт не ставит под сомнение объяснительную силу научных теорий, но как раз является необходимым условием для успешной коммуникации в человеческом обществе в ее многообразных ситуативно обусловленных проявлениях. Норма предполагает варианты потому, что она живая. «Для того, чтобы нечто жило, нужен резерв неправильностей, вариантов, повторяемостей, отклонений» (Лотман 2005: 292). Добавим также, это является необходимым следствием творческого антропоцентрического характера коммуникации. «Феномен креативности раскрывается при анализе текстовой деятельности конкретного субъекта речи, в частности, в выборе последним разноплановых моделей, в их видоизменениях, особенностях интеграции в когерентную целостность, при установлении соответствия / несоответствия продуцируемых текстовых структур принятым стандартам, выяснении причин отклонений от этих стандартов, рассмотрении возникающих в результате эффектов и др.» (Witosz 1999: 46, 48; цит. по: Салимовский 2002 б: 32).

Как известно, в когнитивной психолингвистике и базирующихся на ее основе теориях межкультурной коммуникации, методики и дидактики преподавания иностранного языка говорится о «когнитивном модуле», т.е. коммуникативно-когнитивной компетенции и компетентности, детерминирующих процессы текстопорождения и восприятия. «Когнитивный модуль» охватывает 1) лингвистическую компетенцию, предполагающую языковое знание в его структурированности; 2) социолингвистическую компетентность, т.е. способность использовать системные языковые знания в соответствии с коммуникативно-прагматической ситуацией; 3) функциональную компетентность, связанную с регулятивным взаимодействием участников интеракции; 4) социокультурную компетентность, т.е. готовность и способность к ведению диалога культур на основе знания собственной и иноязычной культуры; 5) дискурсивную и стратегическую компетентности, под которыми понимают способность идентифицировать различные виды высказываний / текстов, а также продуцировать целостные высказывания, адекватные в языковом и коммуникативном отношениях. (ср.: Алмазова 2003).

Как видим, существенную роль в «когнитивном модуле» играет знание о стандартах текстопроизводства.

5.3. Текстотипологическая компетенция в когнитивном аспекте

Затронутый здесь вопрос текстотипологической компетенции / компетентности является существенным и при этом одним из наиболее сложных, не имеющих однозначного ответа в современной типологии текста. Это вопрос о том, каким образом отображается в нашем сознании представление о текстотипологических образцах. Таким образом, это вопрос о когнитивном / ментальном статусе типа текста.

С одной стороны, мы исходим из того, что определенная текстовая разновидность (тип или жанр текста — терминология

здесь значения не имеет) является теоретическим конструктом, результатом аналитико-синтетической деятельности лингвиста и существует в его сознании. Одновременно с этим очевидно, что текстовые разновидности, будучи социально-исторически изменчивыми, культурно вариативными, отражают действительно существующие, типовые формы языковой коммуникации: теоретический конструкт соответствует существующей в языке форме. Из этого должно следовать, что типы текстов должны быть онтологически зафиксированы в индивидуальном сознании носителя языка. Такое предположение сопряжено со многими дальнейшими вопросами, крайне сложными для очевидного представления. И в первую очередь, как видится, это вопрос о степени осознанности текстотипологического знания отдельными носителями / пользователями языка.

В рассуждениях в связи с поставленным вопросом следует основываться на тех разработках, которые лингвисты считают на современном этапе наиболее перспективными и эвристически значимыми, а именно: *знание о глобальных текстовых разновидностях, т.е. текстотипологическое знание, является обязательной составляющей коммуникативной компетенции в целом.* В немецкой лингвистике в этой связи базовым выступает понятие «текстотипологическое знание» (Textsortenwissen, Texttypenwissen; Wissen über globale Textstrukturen). В англоязычной литературе этому соответствует термин «суперструктура (-ы)» (superstructure), широко используемый Т. ван Дейком, В. Кинчем и их последователями. В суперструктурах манифестируется знание о глобальных коммуникативно-речевых типах, и «это знание актуализируется не только в тексте, но и присутствует в голове» (ср.: “superstructures must be not only in the text, but also in the reader’s or listener’s mind. One must know about conventional schemata before one can use them” (van Dijk, Kintsch 1983: 25). При этом суперструктуры в духе ван Дейка охватывают такие коммуникативно-речевые формы, как рассуждение, аргументация, повествование и др., что существенно шире обозначаемой как тип текста текстообразовательной модели в соответствии с обиходно-бытовыми

разновидностями текстов — кулинарный рецепт, гороскоп, статья и т.д.

В любом случае принципиально важным остается вопрос о том, как соотносятся интуитивные представления о текстовых разновидностях и их ментальный образ в сознании человека. Эта проблема сопряжена в современной типологии текста и в целом когнитивной лингвистике со многими дискуссиями. Высказываются различные, часто противоречивые точки зрения, например, о существовании так называемого этнотипологического (т.е. национально специфического) знания о текстообразовательных моделях; или же о сложности и даже невозможности экспериментального исследования этой проблемы и ее нерелевантности для лингвистики (ср.: Steger 1983: 30 и след).

Заслуживает здесь внимания та точка зрения, в соответствии с которой текстотипологическая компетенция рассматривается как градуальный феномен с различной выраженностью «меры и объема» наших знаний о текстовых моделях. Так, очевидно, что степень осознанности при обращении с текстовыми типами при их производстве или восприятии зависит от фоновых и энциклопедических знаний носителя языка, его жизненного опыта, образовательного уровня. Это значит, что юрист обладает большими знаниями о том, каким требованиям должен отвечать, например, тип текста «защитная речь адвоката» или «приговор», ученый знает больше о текстообразующей специфике научной статьи, экономист — о том, какой должна быть биржевая сводка и т.д. Приводя здесь эти примеры, мы различаем умение интуитивно распознавать в языковой среде тип текста как таковой, с одной стороны, и операциональный уровень текстовой компетенции — компетентность, то, что называется “knowing how” в процессе производства текста данного образца — с другой.

Принципиальные различия имеют, далее, продуктивная и рецептивная текстотипологические компетенции.

Рецептивная компетенция означает здесь способность безошибочно распознавать текстовые особенности и идентифицировать какой-либо текстовый экземпляр в его типологической принадлежности, например, распознавать прогноз погоды, некролог и проч., как таковое.

Продуктивная компетенция означает способность и умение создавать текстовые экземпляры, адекватные своему текстообразовательному образцу в языковом и коммуникативном отношении. От носителя языка требуется наряду с языковым знанием, энциклопедическим знанием знание об общих — инвариантных — текстовых признаках и структурах, архитектонике и композиции, форме тематического развертывания, особенностях формулирования.

В практической плоскости различие двух видов текстовой компетенции выливается в проблему перехода — перевода! — рецептивных умений в продуктивные. В методическом и дидактическом плане это осуществляется через целенаправленное представление и анализ структурных и языковых особенностей различных типов текста при обучении в том числе и носителей языка (очевидно, что и в последнем случае адекватное создание, например, официального извинения, резюме, заявления о пропаже, претензии и т.д. может вызывать трудности).

Отвечая далее на вопрос о том, как, собственно, происходит отражение в сознании наших представлений и знаний о текстообразовательных моделях, сошлюсь на мнение немецкого ученого В.Д. Краузе, развивающего наиболее взвешенную и убедительную точку зрения. Так, с большой долей вероятности мы можем полагать, что когнитивное отражение типа текста (или иной глобальной формы коммуникации) разнообразно и сопряжено с различными возможностями выражения.

Возможны *иконические формы ментальной репрезентации и архивирования знания о типах текстов*. Это предположимо в случае текстов стереотипной структуры, таких как счет, заказ (товаров и услуг), официальная благодарность, рецепт, вкладыш к лекарственному средству и др.

Возможны так называемые *модульные формы ментальной репрезентации типов текста*. Под модулем здесь понимается некий относительно автономный компонент знания, взаимодействующий с остальными его компонентами в процессе производства и понимания текста. В этом случае речь может идти о «децентрализации» процессов планирования и порождения

текста и свободном варьировании элементов текстовой структуры между собой. Это происходит предположительно в текстах нежестко стандартизированных — например, публичная дискуссия, статья, комментарий, рецензия и др.

Предположительно можно говорить и о *прототипической форме когнитивной репрезентации типа текста в сознании*. Большинство текстов / типов текстов обладают гибкой структурой, когда содержательные и формальные элементы могут добавляться, вариативно изменяться, отсутствовать. В этих случаях речь идет о когнитивном равновесии «центрального планирования», т.е. строгой ментальной предзаданности, и децентрализованного варьирования. По мнению В.Д. Краузе, подобный когнитивный характер имеют большинство типов текста. И если вторгаться в глубь нейропсихологических механизмов, то в детальном объяснении происходящих процессов можно опираться на механизмы ассоциативной памяти (подр.: Краузе 2000: 46 и след.).

Будучи одной из возможных концепций в широком ряду дискуссий, представленная позиция служит основой для объяснения сути того, что называется сегодня текстотипологической компетенцией.

5.4. Взаимодействие текстовых моделей: текстовая гетерогенность

Еще одно принципиально значимое для типологических дискуссий положение состоит в том, что научная типологизация текстов не сводится только к установлению дифференциальных признаков текстовых разновидностей, необходимых и достаточных для отграничения их от других текстов / типов текста. Все критерии, так или иначе избираемые для членения текстового пространства, различны по своей практической, т.е. эмпирической и теоретической значимости и степени абстракции. Создание единой, удовлетворяющей всем классифицирующим аспектам и внутренне непротиворечивой типологии вряд ли возможно.

Выявление определенных текстовых прототипов, т.е. образцов текстового построения и восприятия, является лишь одной из операций в типологических исследованиях текстов, при этом, как замечают специалисты, операцией начального уровня. Как видно из анализа всевозможных классифицирующих попыток, тип текста (или жанр) рассматривается как первичная ступень типологической иерархии, с повышающейся степенью абстрагированности и обобщенности основополагающих признаков.

Конкретный тип текста рассматривается в его включенности в типичные, повторяющиеся коммуникативные ситуации — с одной стороны. При этом, с другой стороны, в центре внимания оказывается *функционирование текста в нетипичных для него коммуникативных условиях*. И это уже *проблема взаимодействия текстовых стандартов*, проблема не однородности, но *гетерогенности текстовых типов*, занимающих пограничное положение на стыке коммуникативных сфер. Подчеркнем, что традиционные разработки, сформировавшие современный взгляд на типологию текста, в той или иной связи показывают существование на фоне типизированных, строго стандартизированных текстовых типов разного рода пограничных, «нежанровых» текстовых форм и высказываний (ср. в этой связи более ранние исследования подстилей, периферийных жанров в отечественной функциональной стилистике). Повторим здесь вывод В.В. Дементьева, показательный для наших рассуждений: «Многообразие коммуникативных смыслов и — шире — интенциональных состояний коммуникантов не может быть полностью формализовано ни значениями языковой системы, ни вообще средствами какой-либо языковой системы. Таким образом, это многообразие не может быть полностью формализовано и речевой жанровой системностью» (2007: 180).

Приведем примеры, иллюстрирующие на данном этапе наших рассуждений явление гетерогенности в текстообразующей модели.

1. Он полюбил ее с первого взгляда. Со второго взгляда он понял, что без нее он никто. С третьего — что она его разорит.

С четвертого — что отношения с ней разрушат его семью. С пятого — что она отнимет у него все свободное время. С шестого он понял, что опоздал, и ею овладел другой. ...

Покупку автомашины [...] нельзя откладывать до лучших времен. Наш адрес [...].

2. Об меня здесь долго вытирали ноги, били меня, зверски со мной обращались, пытались меня замочить. Но я их всех здесь переживу.

Tarkett. Безупречный паркет.

Как можно понять, действительная функция этих текстов — создать рекламу товара, в данном случае автомобиля определенной модели и паркета. Тип текста — рекламное объявление — воспроизводит модель той коммуникативной ситуации, которая типична для рекламной коммуникации: «адресант (фирма, производитель, продавец) информирует, с целью привлечения внимания и побуждения к совершению действий в интересах адресанта, о чем-либо (продукте, услуге) адресата (называя его прямо или подразумевая с помощью особых лингвистических сигналов адресованности)». Такова модель или инвариант рекламного текста, обобщающий наиболее общие, регулярно повторяющиеся в типичных ситуациях и, значит, преобладающие признаки рекламного сообщения.

В реальной практике, однако, конкретные текстовые экземпляры воспроизводят свою модель с той или иной вариативностью. Приведенный первым пример рекламы содержит обязательную часть текстового инварианта, а именно, обозначение рекламируемого товара и характеристику потенциального адресата — мужчины, главы семьи, носителя известного социального статуса. Вариативной составляющей этого текста, т.е. модификацией основного образца, можно считать образную составляющую, делающую этот текст содержательно и экспрессивно похожим на иную текстовую модель: анекдот, остроту. Ведь именно в остротах главный воздействующий эффект заключается в коммуникативной неожиданности, в содержательном контрасте.

Очень сильный эмоциональный настрой создается в анализируемом примере лексико-грамматическими средствами. Лексические единицы выстраиваются в положительно окрашенный семантический ряд: «вспыхнувшие чувства — принадлежность к близкому семейному кругу — желание обладать». Синтаксический параллелизм расположенных предложений обеспечивает в своей совокупности экспрессивное нарастание и одновременно создает эффект обманутого ожидания у читателя текста. Резкий смысловой контраст, обычная черта анекдотов и острот, становится здесь особым персуазивным инструментом привлечения внимания и побуждения к действию потенциального адресата. Этот эффект обманутого ожидания и контраст содержательных пластов также с очевидностью просматривается во втором из приведенных примеров — реклама остроумно имитирует обиходно-бытовую ситуацию жалобы на унижение.

Приведенные примеры иллюстрируют ту лингвистическую и текстотипологическую проблему, которая называется сегодня *контаминация текстовых прототипов, смешение текстотипов, монтаж текстотипов*. Речь идет, таким образом, о существовании конкретных текстов, которые в своем языковом оформлении (структуре, содержательном наполнении) обнаруживают признаки нескольких текстовых моделей. Описание подобных гетерогенных образований отражает одну из ведущих тенденций современной лингвистики текста. Исследование феноменов именно такого рода подводит наблюдателя к существенным и перспективно ориентированным заключениям. Однозначная гомогенность, гладкость классифицирующих моделей невозможна в условиях коммуникативно-речевой практики. При этом «типологическая дилемма» (ср. Isenberg 1978) получает новое концептуальное наполнение и новое звучание.

Завершая анализ основных результатов и тенденций развития в современной типологии текстов, повторим еще раз ключевые суждения. Объяснительный потенциал современной лингвистической теории связан с подходом к типологии текста в ее процессуальности. Гибкость, подвижность границ текстов

в коммуникативном пространстве, возможность нарушить стандарт и играть с нормой являются не препятствием, но условием успешной коммуникации в человеческом обществе. Научная типологизация текстов не ставит и не решает задачу создания единой, всегда непротиворечивой классификации. Дальнейшее поступательное развитие самой типологии текста связывается с проблемой изучения взаимодействия текстовых стандартов, функционирования текста в нетипичных для него пограничных коммуникативных условиях. Это коррелирует с теоретическими представлениями о текстовой компетенции личности как градуальном феномене: наши знания о текстах направляются и корректируются коммуникативным и социальным опытом.

Литература для углубленного чтения по главе II

1. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ современной русистики // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
2. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2010.
3. Adamzik K. Textlinguistik. — Niemeyer, 2004.
4. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. — Niemeyer, 2002.

Глава III. Текст в системе дискурса

РАЗДЕЛ 6. ОТКРЫТЫЙ ТЕКСТ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Итак, интенсивное развитие лингвистического анализа, стремящегося выйти за пределы отдельного предложения, породило условия для того, чтобы с конца 1960-х годов сложилась как самостоятельная дисциплина лингвистика текста. В дальнейшем движущей силой в ее развитии был исследовательский интерес к межтекстовым или, в терминологии И. Варнке, транс-текстовым феноменам. Выйдя за границы отдельного предложения, лингвистика текста распространила свои интересы на процессы взаимодействия текстов между собой. Был проделан путь от трансфразовости к транстекстуальности. Центральным понятием здесь, безусловно, является концепция интертекстуальности.

Феномен текстовой открытости рассматривается традиционно в связи с категорией интертекстуальности, отражающей процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми / смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения. Это традиционный и неоднократно обсуждавшийся взгляд на открытый текст. Интертекстуальность как текстовая категория в собственно лингвистическом смысле выражает особый способ построения смысла текста. Как категория «разгерметизации» и открытости текста интертекстуальность охватывает качественно различные стратегии содержательного и формального соотнесения текста с другим (-и).

6.1. Интертекстуальность как культурно-семиотический феномен

Нельзя не заметить, что, вступая на современном этапе языковедческих и, вообще, культурологических исследований в сфе-

ру притяжения интертекстуальности, мы рискуем вовсе не преодолеть ее мощной силы тяги и постоянно оставаться в рамках этой теории. Интертекстуальность сегодня — это то волшебное слово, которым исследователи хотят открывать все двери, ведущие в «текстовый универсум». В этой связи говорится даже о так называемом интертекстуальном синдроме (ср.: Heppmann 1997: 35): любые, всякие межтекстовые отношения и связи называются интертекстуальными. При этом все чаще высказываются сомнения о целесообразности такого очень широкого и всеобъемлющего понимания интертекстуальности. Ведь в конечном итоге лингвисты оказываются — оказались! — перед побочным эффектом девальвации термина и девальвации его «практической работоспособности», операциональной значимости.

Термин «интертекстуальность» сегодня один из ключевых в языковедческой науке, а сам феномен, описываемый интертекстуальностью, входит в ряд фундаментальных, основополагающих для поступательного развития и литературоведения, и лингвистики. В научный оборот этот термин ввела, как широко известно, Юлия Кристева, болгарка по происхождению, работающая в Париже, литературовед, семиотик, психоаналитик. С момента выхода в 1967 г. ее знаменитой статьи (Kristeva 1967) термин «интертекстуальность» с самым широким охватом используется для обозначения явления текстовой диалогичности. В ряду смежных с ним понятий и терминов, таких как *полифония*, *полилогизм*, *транспозиция*, *диалогичность*, *бивокаличность*, *транстекстуальность*, *интерсемантическая*, интертекстуальность оказалась явным фаворитом и самым востребованным термином. Разумеется, и перечисленные термины только в общих чертах соотносимы друг с другом и не являются полностью взаимозаменяемыми, так как отражают различные теоретические подходы к трактовке содержательного и формального диалога текстов. Более того, при использовании самого понятия «интертекстуальность» авторы вкладывают в него не всегда одинаковый смысл, исходя из особых идейных и методологических предпосылок, которыми они руководствуются в своем понимании интертекстуальности.

Основные итоги четырех десятилетий дискуссий вокруг феномена интертекстуальности вкратце таковы.

Многочисленные определения интертекстуальности представляют ее как наличие одного или нескольких предтекстов в другом и как отношение, возникающее между текстом и его предтекстом (-ами). В семиотическом плане это означает отношение между одной языковой знаковой системой и другой, референциально соотнесенной с первой. В прагматическом же плане интертекстуальность выступает как специфическая стратегия соотнесенности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел. Иными словами, интертекстуальность покрывает всю шкалу возможных виртуальных обоюдонаправленных отношений между текстами или их частями (ср.: Grivel 1983: 56). В таком смысле интертекстуальность можно рассматривать как категорию «разгерметизации» и открытости текста (ср.: eine Kategorie der Dezentrierung und der Offenheit), ибо благодаря ей текст способен вступать в отношения «живого подобия» (bewegliche Identität) с другими текстами (по: Stierle 1983: 12).

Если в определении сути интертекстуальности как открытости одной текстовой (смысловой) системы по отношению к другой существует известное единомыслие, то при выяснении ее статуса в исследовании текстуальности в целом прослеживаются различные, во многом противоположные подходы. Иначе говоря, предлагаются разные ответы на вопрос о том, является интертекстуальность постоянным или переменным качеством текста.

Анализ современных исследований интертекстуальности как теории взаимодействия между текстами выявляет существование *двух моделей интертекстуальности — широкой, радикальной и более узкой. В строгом смысле речь идет о противопоставлении литературоведческой и лингвистической концепций интертекста.* В соответствии с ними интертекстуальность рассматривается либо как универсальное свойство текста вообще, т.е. предполагает понимание всякого текста как интертек-

ста, либо как специфическое качество определенных текстов (класса текстов).

6.2. Радикальная модель интертекстуальности

То, что сейчас принято называть радикальной концепцией интертекста, имеет своим теоретическим источником историческую поэтику А.Н. Веселовского, учение о пародии Ю.Н. Тынянова и, конечно, теории полифонического литературоведения М.М. Бахтина. Один из наиболее полных и глубоких обзоров в отечественных исследованиях содержится в работе Г.В. Денисовой (2003: 30 – 116); см. также статью Е.А. Баженовой «Интертекстуальность» в СЭС РЯ, 2004; Кузьмина 1999; Фатеева 2000.

В связи с широкой теорией интертекстуальности наиболее часто вспоминают М.М. Бахтина, утверждавшего, что литературная коммуникация не может существовать как *tabula rasa*, и «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряженную среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одним, отталкивается от других, пересекается с третьими» (Бахтин 1975: 89 – 90). В каждом существующем тексте обнаруживаются следы целого универсума корреспондирующих друг с другом текстов. В данном случае «каждый текст» означает не только целое литературно-художественное произведение, но и любое высказывание вообще.

Идея диалогичности, провозглашенной впервые в оригинальной форме Бахтиным в качестве конституирующего признака текстопорождения, была развита и радикализована Ю. Кристевой. Заменяя в своей концепции термин «диалогичность» «интертекстуальностью», автор неразрывно связывала последнюю с текстовым статусом в целом. Текст, по Кристевой, предстал

как историко-культурная парадигма, «транссемиотический универсум», вбирающий в себя все смысловые системы и культурные коды как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. В этом смысле всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем.

Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности. Интертекстуальность, по Кристевой, предстает как **теория безграничного бесконечного текста**, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Настаивая на принципиальной неограниченности интертекстуального диалога, Ю. Кристева вслед за М. Бахтиным выдвинула идею открытого поливалентного текста, существующего в процессе потенциально бесконечной трансформации. Эта широкая концепция интертекстуальности была продолжена в тех или иных вариантах как в отечественном (Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Б.М. Гаспаров, П.Х. Тороп), так и в зарубежном языкознании (R. Barthes, Ch. Grivel, M. Riffaterre, G. Genette и др.), предложившем своеобразное развитие концепции интертекстуальности.

Особой вехой становится теория французского семиотика-постструктуралиста Ж. Дерриды, обусловившего формирование нового подхода к изучению художественного текста в целом. Основными идеями, провозглашенными Ж. Дерридой, стали: относительность всяких границ — текста, сознания человека, всех областей человеческого знания; утверждение принципа рассеивания всякого смысла среди множества его различных оттенков. Согласно концепции Дерриды, всякий текст живет, лишь «бесконечно ссылаясь на нечто», среди откликов и следов одного текста в другом, не сводимых ни к какому синтезу. Все внимание исследователя должно быть сосредоточено на открытости смысла. И если М. Бахтин опирается на текст, открывая в нем принципиальную диалогичность (в этом смысле его концепция в строгом терминологическом

значении скорее интратекстуальна, ибо рассматривает полифонию голосов преимущественно внутри одного отдельно взятого текста / высказывания), то постструктуралистские исследования в духе Кристевой и Дерриды делают акцент на общем интертекстуальном пространстве, на модели центростремительной в отличие от центробежной модели Бахтина.

Новые ракурсы в эти исследования привнес и романист Р. Барт. Продолжая учение о раскрытости текста в бесконечность, он делает акцент в первую очередь на рецептивно ориентированной стороне интертекстуальности, уточняя ее как «непрерывное чтение в бесконечном тексте». Этот взгляд дополняется размышлениями М. Риффатера о рецептивном акценте в теории универсальной интертекстуальности, согласно которому механизм «интертекстуального чтения» приводится в действие только при участии воспринимающего сознания читателя.

Провозглашенная в радикальной теории интертекстуальности открытость текста рассматривается как идейная основа постструктурализма / постмодернизма — того широко распространенного и влиятельного течения в западной культуре, которое провозглашает свободную игру с текстом и его деконструкцию, децентрацию основой интерпретации. Постструктуралисты отказывали в самодостаточности отдельному — индивидуальному — тексту и осмысливали каждое отдельное высказывание / текст только и именно как элемент общего культурно-семиотического кода. Каждый текст рассматривался как множество явных и неявных цитат, «осколков чужого голоса». Принцип «децентрации» структуры текста, рассеяния его смысла наиболее последовательно формулируется в работах Ж. Дерриды и связывается с утверждением принципа «свободной игры» (*free play*) с текстом. Фактически интерпретация приравнивается к деконструкции текста и предполагает обнаружение смыслов, не обязательно осознаваемых автором. «Открытость текста» подразумевает неограниченность «открытий» читателя в этом тексте (подр. см.: Щирова, Тураева 2005: 118—126).

В целом констатируется, что развитие радикальной постструктуралистски ориентированной теории интертекстуально-

сти происходило во Франции и в США и связано с культурно-семиотическим подходом к литературе, культуре, обществу как открытому безграничному явлению. И в этом случае интертекстуальность оказывается чрезвычайно широкой концепцией с далеко идущими методологическими последствиями. В основе такой концепции лежит сложный комплекс идей структурализма, философии Гегеля и Маркса, психоанализа в духе Фрейда и Лакана. Подобная широкая теория открытого общества и открытого текста достаточно сложно совместима с практикой лингвистического анализа. Эта теория, повторим, не задумывалась и не создавалась как собственно лингвистика текста с ее специальными задачами и взглядами на текст как объект анализа.

Широкая концепция интертекстуальности, создаваемая именно как литературоведческий и культурно-семиотический подход, оказывалась трудноприменимой в практике конкретного лингвистического анализа. Рассматривая всякий текст как интертекст, а интертекстуальность как сущность литературной коммуникации, широкая радикальная концепция тем самым растворяла сами понятия текста и текстуальности. По логике радикальной концепции в центре внимания оказывались не (столько) тексты, а лишь отношения между ними. Недифференцированная универсальность этой теории не позволяла отличить, во-первых, собственно интертекстуальность от неинтертекстуальности, во-вторых, различные исторические и типологические формы интертекстуальности. При такой интертекстуальной абсолютизации происходит растворение самоценности авторского сознания в коллективном.

6.3. Интертекстуальность как «узкая концепция» межтекстовых связей

Несмотря на то что термин «интертекстуальность» был введен в 1967 г. Ю. Кристевой как представителем «радикального лагеря», активное употребление в научном обороте он полу-

чил благодаря так называемый узкой концепции. Заметим здесь, что сама Ю. Кристева не использовала свой термин «интертекстуальность» уже с середины 1970-х годов и заменила его в последующих рассуждениях термином «транспозиция». Собственно этим термином она пользуется уже в своей докторской диссертации 1974 г. «*Revolution du langage poetique*». (См. об этом Linke, Nussbaumer 1998: 109.) Разумеется, термин «транспозиция» не просто заменяет собой «интертекстуальность», но показывает большую радикализированность, расширенность взгляда на взаимодействие текстов и связанных с ними смыслов. Очевидно также, что глобальная теория интертекстуальности приводила к неизбежному размыванию границ этого понятия, его инфляции.

Узкая концепция интертекстуальности преодолевала этот чрезвычайно широкий разброс и нацеливалась на конкретно очерченные и обозначенные отношения между текстами (их фрагментами). Фактически узкая концепция интертекстуальности обращалась к тем явлениям, которыми давно занималось литературоведение в связи с исследованием проблем литературного заимствования, влияния, внутренних мотивов произведения и т.д. (см. представленные ранее приемы стилизации, пародирования, коллажа). В силу этого отношения за рамками нелитературного дискурса, в смысле широких психоаналитических и культурологических экскурсов, не выдвигались в центр интересов узкой интертекстуальности. Ее задачами объявлялись дифференциация и классифицирование, т.е. фактическое обозначение типа отношений, в которые один конкретный текст вступает с другим (-и).

Такая интертекстуальность должна была заниматься изучением цитат, различных форм чужой речи, аллюзий, реминисценций как включений в чужой текст. Именно такое определение интертекстуальности и такого рода классификация предлагаются, например, в учебнике И.В. Арнольд «Стилистика. Современный английский язык» (2002: 71–72). Заметим, однако, что понимаемая так узко маркированная интертекстуальность, часто и, согласимся, не без оснований, «бойкотиру-

ется» учеными как не содержания новой исследовательской точки зрения.

Узкая концепция интертекстуальности, по мнению ряда авторов, повторяет под новой этикеткой старые взгляды литературоведения, риторики, классической филологии. Действительно, перспективным направлением анализа со значительным эвристическим потенциалом следует считать представления об интертекстуальности как текстовой категории, т.е. в перспективе задач и категорий лингвистики текста.

6.4. Интертекстуальность как текстовая категория

В лингвистику текста концепция интертекстуальности пришла, как известно, позднее получившей известность радикальной теории интертекста. В соответствии с текстолингвистическим пониманием интертекстуальность выступает как текстовая категория и как особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами. Интертекстуальность рассматривается в системе критериев текстуальности в целом и предполагает воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных текстообразующих признаков, определяемых моделью его текстопостроения и восприятия — типом / жанром текста. В этом случае речь идет о *типологической интертекстуальности*. Она характеризует роль текстообразовательной модели или, точнее, текстотипологического знания о модели в производстве и восприятии отдельных текстовых экземпляров. Это принципиально важное дополнение, и именно в этом смысле интертекстуальность — типологическая интертекстуальность — понимается как признак текста вообще. После того как Р.-А. де Богранд и В. Дресслер одними из первых предложили свою модель текстуальности и типологической интертекстуальности в ее системе (см. раздел I), этот взгляд утвердился и повторялся во многих авторитетных изданиях, в том числе справочного характера.

В связи с размежеванием так называемых широкой и узкой концепций интертекстуальности Рената Лахманн, одна из ведущих немецкоязычных исследователей интертекстуальности предложила различать онтологический и дескриптивный текстовый аспекты, т.е. 1) диалогичность как всеобщее измерение текста, его внутренне заданную, имманентную структуру и 2) диалогичность как особый способ построения смысла, как диалог с определенной чужой смысловой позицией, т.е. собственно интертекстуальность.

Эта точка зрения дополняется исследованиями другого германиста — К. Штирле, который выделяет, с одной стороны, универсальную интертекстуальность, позволяющую так или иначе коррелировать практически каждый текст с другим существующим, а с другой — собственно «привилегированную», актуализированную интертекстуальность (Stierle 1983: 10). В этом случае интертекстуальность ограничивается такими диалогическими отношениями, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельным предтекстам (группам предтекстов) и / или лежащим в их основе смысловым кодам.

Авторитетный немецкий лингвист М. Пфистер и его соавтор по коллективной монографии У. Бройх разделяют интертекстуальность по принципу «системно-текстовая референция» — «однотекстовая референция» (Systemtextreferenz — Einzeltextreferenz; Pfister, Broich 1985). Таким образом, противопоставляются отношения между двумя и более конкретными текстами, с одной стороны, и между текстом и системой текстов — с другой. Такой подход и в такой терминологии получил широкое распространение и заимствуется в последующих публикациях (ср.: Гончарова, Шишкина, 2005: 23).

Отсюда следует, что согласно лингвистическому толкованию об интертекстуальности следует говорить в том случае, когда автор **намеренно тематизирует** взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Интертекстуальность в таком ее понимании сводится к **намеренно маркированной интертекстуальности**. Это предполагает, что не только автор намеренно и осознанно

включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат способен верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Речь идет, следовательно, о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является «интертекстуальное сознание» обоих партнеров. При этом адресат направляется автором в его интертекстуальном чтении «по следам». В работе Сюзанны Хольтуис (1993) предлагается в этой связи особый термин «интертекстуальная диспозиция», который означает наличие в тексте определенных интертекстуальных сигналов, или индикаторов, способных мотивировать реципиента к поиску связей данного текста с иными. Примечателен в этой связи подход С. Загера, который выделяет три формы интертекстуальности:

- 1) абстрактную — потенциально возможную интертекстуальность;
- 2) актуальную, когнитивную интертекстуальность;
- 3) текстуально выраженную интертекстуальность.

Первая форма характеризует широкие культурно-семиотические отношения в текстовом универсуме — то, что принято называть радикальной интертекстуальностью. Когнитивная интертекстуальность, по Загеру, подразумевает отношения между текстом и его реципиентом, возникающие в процессе декодирования и интерпретации. Третья из перечисленных форм означает выраженность в текстовой ткани текстового диалога через разного рода сигналы (ср.: Sager 1997: 111).

6.5. Функционально-прагматическое содержание интертекстуальности как категории открытости текста

Принимая первоначальное определение интертекстуальности как «категории открытости текста» в качестве базового,

следует уточнить содержание, которое передается им в соответствии с моделью тематизированной интертекстуальности. Если радикальная широкая концепция интертекстуальности подразумевает в качестве своей основы открытость текста в бесконечность, то ее «прикладная» модель вносит в понятие открытости иное содержание, более определенное в прагматическом и тематическом отношениях. Можно выделить несколько содержательных граней открытости.

Во-первых, это содержательно-смысловая незамкнутость текста по отношению к иным конкретным текстовым системам и структурам и, во-вторых, его открытость читателю, тезаурус которого также представляет собой незамкнутую систему предположений, обуславливающих полноту восприятия всех элементов текстового целого. Эти аспекты очень тесно связаны между собой, их можно рассматривать как две проекции единого измерения. Здесь уместно воспользоваться предложенным М. Пфистером делением интертекстуальности на «вертикальную проекцию», ориентирующую текст на определенные предшествующие или современные ему тексты, и «горизонтальную», т.е. рецептивно-ориентированную проекцию, в которой текст соотносится с субъектом речи и ее адресатом (Pfister 1985:11).

«Вертикальная проекция» концентрируется на такой стороне интертекстуальной открытости, которая показывает, как комбинации конкретных текстовых наложений друг на друга создают дополнительные смыслы. За счет введения чужого текста во внутреннее смысловое поле другого происходит трансформация семиотической ситуации внутри принимающего текстового мира. Текст, выведенный из состояния семиотического равновесия, начинает выступать как «генератор смыслов» (термин Ю.М. Лотмана). Смыслообразующие процессы приводятся в действие за счет соположения разнородных смысловых пластов, через смысловую напряженность между данным текстом и инородным для него включением.

Следовательно, здесь на первый план выходит смыслообразующий потенциал интертекстуальности, ее способность высту-

пать средством построения смысла произведения. Показательно, что немецкий лингвист В. Шмид прямо переводит интертекстуальность в план «интерсемантической» (Intertextualität als Intersemantizität), т.е. в такой тип отношений, который вместе с диалогом текстов (т.е. интертекстуальностью. — В.Ч.) также имплицитно диалог текстовых значений (Schmid 1983: 144 — 145).

Итак, специфика «межтекстовой открытости» заключается в том, что она обеспечивает диалог смысловых позиций и мнений, являющийся по своей сути моделью «виртуального» общения авторов, разделенных пространственно-временной реальностью, для создания новых смыслов в процессах текстотворчества.

«Горизонтальная проекция» текстовой открытости ведет к диалогу автора и адресата как основных антропоцентров коммуникации и лежит в основе заложенной автором программы рецептивных действий, оптимизирующей текстовое восприятие.

Уже отмечалось, что предпосылкой адекватного декодирования произведения является наличие интертекстуальной компетенции у читателя. Интертекстуальный потенциал, заложенный в тексте, реализуется через взаимодействие текста с читателем, его фондом знаний и установок на восприятие. Именно читательское восприятие приводит в действие интертекстуальную диспозицию и обеспечивает интертекстуально направленную интерпретацию текста (“intertextuell gelenkte Textinterpretation”, ср.: Holthuis 1993: 32 — 33). Иными словами, индикаторы интертекстуальности, внесенные в текстовую ткань автором, идентифицируются как таковые лишь воспринимающим сознанием. Именно читатель сообщает им интертекстуальную значимость. Поэтому автор должен «открыть» получателю сообщения свой замысел через систему средств интертекстуальной адресованности.

Эти утверждения с очевидностью подводят наш анализ к факту взаимообусловленности между интертекстуальностью как категорией «открытости текста» и *адресованностью*. Под адресованностью в ее антропоцентрическом толковании понимается «свойство текста как реального объекта, посредством

которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» (Воробьева 1993: 2). Наличие чужого воспринимающего сознания является основополагающим условием всякой коммуникации вообще и онтологически присуща языку во всех его функциональных проявлениях.

Во-вторых, в специальных исследованиях высказывается мысль, что содержательный объем адресованности шире ее толкования как коммуникативно-прагматической направленности текста на субъект его восприятия. Категория адресованности самым прямым образом связана с адресованностью текста к иным текстам. Такое единство интересубъектной и интертекстуальной адресованности как текстообразующих факторов обусловливает когнитивную и коммуникативно-прагматическую активность антропоцентров литературной коммуникации: автора и читателя (Гончарова, Бондарева 1995: 15–16). Эти выводы дополняются идеей о возможности членения общей коммуникативно-прагматической категории адресованности на три вида в зависимости от направленности и характера адресатных отношений, а именно: на межсубъектную адресацию как реализацию диалога основных участников коммуникации — автора и читателя; междискурсную / внешнетекстовую / адресацию, включающую адресатное отношение между текстовой и объективной, внешней по отношению к нему действительностью; внутритекстовую адресацию как замкнутую на реципируемый текст программу интерпретативных действий, предложенную автором потенциальному читателю (Романова 1996). Два основных сегмента в представленной таким образом полевой структуре адресованности — межсубъектная и междискурсная адресация — связаны между собой интегративными отношениями и в комплексе влияют на коррелирующую с ними внутритекстовую адресацию.

Существуя в неразрывной интегративной связи друг с другом, *межсубъектная* и *межтекстовая проекции* раскрывают основное содержание интертекстуальности как категории открытости текста.

И в-третьих, следует выделить *тематическую и логическую открытость текстов одного автора друг другу*. Несомненно, что творчество каждого писателя осуществляется в рамках его индивидуальной идейно-тематической системы, объединяющей его духовные ценности и познавательные приоритеты. Каждое последующее произведение одного автора является реализацией этой тематической макросистемы и относится к ней как часть к целому. В этой связи Е.А. Гончарова предлагает рассматривать индивидуальную систему определенного писателя, все созданные им художественные произведения как некий *архетекст*, теоретически вероятную текстовую форму, выводимую путем сопоставления реально существующих текстов с единой содержательной основой — авторской концепцией действительности. Отдельные литературные тексты, имеющие фиксированную словесно-письменную форму, выступают как части этой глобальной структуры, связанные глубинными смысловыми отношениями (Гончарова 1993: 21). Интертекстуальность как внутренняя открытость глобально понимаемой авторской концепции мира связывает по принципу тематической прогрессии весь комплекс идейных позиций, смыслов и тем, когда-либо актуализированных субъектом творчества и объединяет в единую макросистему все созданные им тексты.

Наряду с этим об открытости можно говорить и в случае *внутренней содержательно-тематической прогрессии отдельно взятого текста*, раскрывающейся в его поступательном движении от смысла к смыслу (глубинный уровень) и от одной структурно-композиционной части к другой, как то: введение, отдельные разделы, заключение — к другой (поверхностный уровень). Такая «внутритекстовая» открытость важна как идея разложимости целого текста на некие составляющие его части, коррелирующие между собой тематически и формально и обеспечивающие смысловое развитие его основной темы.

Еще одной сущностной формой интертекстуальности как открытости следует считать *типологическую открытость текстов одного жанра (типа, класса) друг другу*. Типологическая принадлежность текстов имеет чрезвычайно важное и

во многом определяющее значение. Каждый тип текста отличается определенной системой закрепленных за ним специфических признаков, на основании которых к нему могут быть отнесены отдельные тексты. При этом тип текста существует в единстве как инвариантных, строго обязательных и постоянных признаков, так и вариативных, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре.

Учет альтернатив, т.е. различных способов реализации модели, всегда важен при рассмотрении сложившихся типов текста. Однако их коммуникативно-функциональное ядро составляют инвариантные признаки, которые обладают прототипической повторяемостью всякий раз в процессе создания новых текстов соответствующей типологической принадлежности. Это означает, что тексты одного типа «открыты» друг другу и интертекстуальны в том смысле, что в них всегда обнаруживаются общие черты их текстуальности, маркирующие в восприятии реципиента их принадлежность к одному и тому же типу. Открытость подразумевает здесь наличие типологически мотивированных отношений между сходно построенными текстовыми целыми.

Продолжая градацию различных ракурсов интертекстуальной незамкнутости текста, необходимо отметить и такую ее сторону, как *открытость (отдельного) типа текста более общим функционально-стилистическим и дискурсивным системам*. Тип текста охватывается типологической единицей более высокого уровня абстракции, объединяющей тексты с одинаковой функциональной спецификой, принадлежностью к определенной сфере коммуникации, типу дискурса. Следовательно, отдельный текст через общие стилевые черты «открыт» по отношению к глобальным функционально-коммуникативным классам текстов или дискурсам: через определенные конструктивные параметры он обнаруживает свою общность со всеми иными текстами разговорно-обиходного, газетно-публицистического, научного и т.п. класса, входит в общую с ними типологическую нишу.

6.6. Виды интертекстуальных связей

Наиболее дифференцированная попытка создать типологию интертекстуальных отношений представлена в трудах французского лингвиста — классика в исследовании интертекстуальности Ж. Женнета, а в немецкоязычной литературе в работе М. Пфистера (1985).

Так, Ж. Женнет, который оперирует своим особым термином «транстекстуальность» для общего обозначения межтекстового взаимодействия, выделяет пять типов интертекстуальных отношений: 1) *интертекстуальность* как непосредственное сосуществование двух или более текстов в одном, как то: цитата, намек, плагиат; 2) *паратекстуальность* как отношение между текстом и его заголовком, предисловием, послесловием, эпиграфом и т.д.; 3) *метатекстуальность*, т.е. комментирующее, критически-оценочное обращение одного текста к другому предтексту; 4) *гипертекстуальность*, когда один текст берет за основу другой, который, в отличие от случая интертекстуальности, не обязательно присутствует в нем — имитация, адаптация, пародия, травести и 5) *архитекстуальность* как типологическая соотнесенность текстов одного класса / типа (цит. по: Pfister 1985: 16 — 17; Holthuis 1993: 46).

Следует признать, что такая иерархизация отражает главным образом идеальные случаи тематизации интертекстуальных (или «транстекстуальных», в терминологии автора) отношений. Во многих вариантах возможны перекрещивания типов между собой. Например, критика как форма интертекстуальности может быть отнесена и к типу архитектстуальности, и к метатекстуальности, равно как и цитата отражает одновременно интертекстуальность и гипертекстуальность, по Женнету. А такой качественный признак, как архитектстуальность, может характеризовать любой текст по признаку его жанровой (типологической) принадлежности.

Другую модель интертекстуальности предлагают М. Пфистер и его соавтор по коллективной монографии У. Бройх. Здесь основу для дифференциации отдельных видов интертек-

стуальных связей составляет, во-первых, разделение интертекстуальности по принципу «системно-текстовая референция» — «однотекстовая референция» (Systemtextreferenz — Einzeltextreferenz). Таким образом, разделяются отношения между двумя конкретными текстами, с одной стороны, и между текстом и системой (других) текстов — с другой. И во-вторых, осуществляется дальнейшая детальная дифференциация этих типов на основе шести качественных критериев, определяющих интенсивность интертекстуальных отсылок.

Первый критерий — *референциальность* — постулирует, что отношения между текстами тем интенсивнее, чем в большей степени один текст тематизирует другой, раскрывая его специфичность. В этом смысле последующий текст становится метатекстом для предшествующего, но не в хронологическом смысле «после»-текста, а в семиотическом — «над»-текста. Второй критерий *коммуникативность* обозначает степень осознанности интертекстуальной отсылки со стороны автора и реципиента, степень ее интенциональности. Третий критерий — *авторрефлексивность* — тесно связан с предыдущими. Он показывает, что автор не только осознанно и явно маркирует интертекстуальные отсылки, но и уделяет особое значение метакоммуникативному аспекту, т.е. разъясняет обусловленность интертекстуальной включенности другого текста. Далее, четвертый критерий — *структуральность* — определяет, в какой степени предтекст становится структурной основой для нового целого текста.

Селективность, или *избирательность*, как пятый критерий уточняет степень отчетливости и показательности заимствования в новом контексте, его способность выступать как *pars pro toto*. И наконец, последний шестой критерий — *диалогичность* — должен определить характер новой контекстуализации заимствованного фрагмента, степень его дистанцированности или ассимилированности с новым принимающим контекстом (Pfister 1985: 26—29). Согласно точке зрения М. Пфистера, эта модель интертекстуальности может быть представлена как система концентрических кругов, центр которой маркирует максимальную степень интертекстуальности, убывающей по мере удаления от центра.

Так, рассмотрим экзemplарно цитату с точки зрения ее интертекстуального статуса. В соответствии с критерием референциальности отдельная цитата обнаруживает незначительную интертекстуальную интенсивность, так как эпизодически обращается к своему базисному произведению, равно как эта интенсивность незначительна и с точки зрения структуральности. Если же рассматривать цитату с позиций коммуникативности, авторефлексивности и диалогичности, то она имеет большой интертекстуальный заряд, особенно значительным он может оказаться в смысле селективности, когда одна точная и емкая цитата способна передать основной смысл или содержательный нерв целого произведения.

Другая форма интертекстуальности — плагиат, например, отмечена слабой интертекстуальностью на основании критериев референциальности и коммуникативности, поскольку автор не только не обозначает, но и всячески стремится скрыть соотнесенность своего текста с первоисточником. Однако с точки зрения структуральности плагиат, напротив, сильно интертекстуален, подобно пародиям, имитациям и травести.

Качественные критерии, по Пфистеру, дополняются такими количественными параметрами, как *плотность и количество введенных во взаимодействие текстов* (Pfister 1985: 30). Вместе с соответствующими качественными параметрами они определяют общую интенсивность интертекстуальности в конкретном текстовом примере.

Добавим, что релевантность тех или иных критериев интертекстуальности должна определяться для конкретных случаев текстопорождения и взаимодействия, так как не все они имеют одинаковую качественную выраженность в разных типах коммуникации, например, в художественной и научной коммуникации. Это согласуется с представлением об интертекстуальности как градуальном, прототипическом явлении.

6.7. Маркированность интертекстуальных связей

Понятие маркированности занимает ключевое место в системе межтекстовых связей. Это вопрос о том, как, с помощью

каких лингвистических сигналов делается видимым взаимодействие одного текста (и его автора) с другим текстом или же системой текстов на разных уровнях коммуникативно-прагматической открытости текста. **Маркированность** подразумевает **наличие на фонетическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом, композиционном уровнях лингвистических сигналов межтекстового диалога**. Понятие маркированности связывается прежде всего с осознанными, намеренными, отчетливыми, материализованными в тексте, т.е. актуализированными отсылками к другим текстам. Это значит, что маркированность оценивается со стороны авторской интенциональности.

В области литературной коммуникации проблема маркированности смыкается с концепцией *актуализации*, в трактовке Пражской лингвистической школы, или *выдвижения*, по И.В. Арнольд. В художественном, поэтическом тексте намеренное и сознательное усиление какой-либо структурной или семантической черты возможно даже у самой нейтральной единицы. Она становится выразительным средством, выдвинутым на первый план в сложной структуре текстового целого. Выдвижение, или актуализация, означает здесь нарушение привычной языковой нормы. «Выдвижение — это способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» (Арнольд 2002: 99). Стилистика декодирования, разработанная в трудах И.В. Арнольд, базируется на ряде принципов выдвижения, «один из которых заключается в облегчении декодирования сообщения и создании такой упорядоченности информации внутри текста, благодаря которой читатель сможет расшифровать ранее неизвестные ему элементы кода» (там же).

Наряду с терминами «выдвижение» и «актуализация» в современных исследованиях в области семантики, прагматики, нарратологии, когнитивной психологии известны термины «прагматический фокус», «коммуникативный фокус», «фокус внимания», «фокализация».

Понятие *фокуса*, или *акцента*, предполагает существование в текстовом пространстве некоего центра видения, делающего изображаемый предмет наиболее отчетливым и выпукло «материализованным» в тексте, и периферии видения, смещающей акценты в соответствии со значимостью того или иного языкового явления в текстовой системе. Понятие *прагматическое фокусирование* выступает как интегративное, генерализующее понятие. В связи с ним показательны исследования Т.А. ван Дейка. Согласно мнению ученого, при передаче информации в тексте некоторые ее фрагменты получают «специальную обработку вниманием». Так, некоторому объекту может отводиться особое, привилегированное место, и тогда этот объект считается находящимся в фокусе и выделяется из множества других, образующих его окружение (ван Дейк 1978: 316). Прагматический фокус, по ван Дейку, ставится во взаимосвязь с вниманием и интересом читателя.

В тексте прагматическое фокусирование предстает как «иерархизированная система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования тестовых элементов, несущих наиболее значимую информацию» (Богданова 2000: 4). Прагматическое фокусирование обеспечивает «остановку» читателя в процессе восприятия текста на одном из его участков путем концентрации всех когнитивных усилий для его выделения и распознавания. Важным качеством прагматического фокусирования является его *нежесткий характер*: это *гибкая* стратегическая *процедура* в рамках творческого замысла автора, реализуемая в каждом конкретном тексте специфическим образом.

Применительно к интертекстуальности и сигналам интертекстуальности сказанное здесь означает выявление тех средств, которые обеспечивают межтекстовому диалогу привилегированное место в центре читательского внимания. Следовательно, маркированность подразумевает средства привлечения внимания реципиента через нарушение однородности текстовой ткани. Маркированность означает некий «шов» в текстовом целом, делающий видимым соединение «своего» и «чужо-

го». Это как бы оттиск текстовых контактов. При таком подходе, повторим, дифференциальным признаком становится намеренность и целенаправленность интертекстуального соприкосновения, осознаваемого как таковое автором.

Здесь возможен и иной взгляд с рецептивно-ориентированных позиций: читатель способен увидеть и узнать диалог текстов независимо от того, намеренно или ненамеренно (интуитивно) сам автор использовал его. Это значит, что признаком маркированности можно считать распознаваемость лингвистического сигнала со стороны адресата: маркировано — значит идентифицируется получателем сообщения как сигнал интертекстуальной связи.

В специальной литературе существуют различные классификации, систематизирующие виды межтекстового взаимодействия по параметрам их интенсивности и, значит, «броскости» для читателя.

Итак, маркированность является необходимым компонентом интертекстуального взаимодействия в его различных формах. Ее релевантным признаком выступает мера, степень отчетливости, однозначности, т.е. эксплицитности выражения границы или «шва» между чужим и своим текстом. Маркеры интертекстуальности могут быть введены автором в виде прямого указания на источник в сносках, пояснениях, словах персонажей, но могут основываться на очевидной для читателя гетерогенности текста. Она создается за счет введения во внутреннее поле текста чужеродных ему элементов, нарушающих общую стилистику повествования. В этом случае эффективность декодирования обеспечивается интертекстуальной компетенцией читателя, хранящего в своей памяти следы ранее прочитанного.

О маркированности следует говорить в том случае, когда заимствованный текстовый фрагмент обозначен с помощью принятых *графических знаков* и *библиографических ссылок*. Такими знаками в практике цитирования являются кавычки, смена шрифта, разрядка, подчеркивание, а также точные ссылки с общепринятыми сокращениями и сноски.

Возможны также неполные ссылки — сноски без точного указания страниц для использованного текстового фрагмента — так называемые фоновые ссылки с указанием лишь источника (автора) цитирования, но без дополнительной графической маркировки. Такие маркеры широко распространены в научной коммуникации.

Отсылка к чужому смыслу может осуществляться как намек, рассчитанный на активное соучастие читателя, его интертекстуальное знание. Художественная коммуникация, стилистический эффект которой во многом связан с подтекстовой информацией, тяготеет к завуалированности, имплицитности сигналов интертекстуальности, тем самым оставляя широкое интерпретационное пространство для адресата. В этом случае авторская стратегия поддерживается за счет таких единичных или существующих в комплексе интертекстуальных маркеров, как заголовок, эпиграф, выбор «говорящих» имен, повтор ритма.

Заголовок представляет собой наиболее явное средство для обозначения соотнесенности собственного произведения с другим, современным или предшествующим, когда в заглавие выносятся или имя персонажа предтекста, или намек на схожесть с сюжетной линией. Характер заголовка обращает читателя в нужную автору текста сторону и напоминает ему предтекст. Например: «Страдания молодого В.» у Пленцдорфа — «Страдания молодого Вертера» Гёте; «Доктор Фаустус» Т. Манна — «Фауст» Гете; «Мсье Кихот» Г. Грина — «Дон Кихот» Сервантеса и т.д. Интертекстуальный потенциал произведения может обнаруживаться и в *заголовке отдельных глав*, а не только целого текста, как, например, в романе «Волшебная гора» Т. Манна глава «Вальпургиева ночь» недвусмысленно отсылает читателя к гётевской «Вальпургиевой ночи» из «Фауста».

Эпиграф в художественных произведениях также имеет большую возможность для актуализации интертекстуальных связей, особенно в силу своей расположенности в сильной позиции текста. Обращаясь к чужому голосу для подкрепления своей точки зрения, автор направляет читателя к прототипическим произведениям (см. об этом подробно Кузьмина 1999, главы 3 и 4).

Выбор *имени* персонажа или введение в текст действующих фигур из иных произведений также существенны. Здесь можно сослаться на яркий и потому часто комментируемый пример из романа У. Эко «Имя розы»: соотнесенность детективной линии романа из истории Средневековья с традицией детективных романов Конан Дойла актуализируется благодаря одному только имени главного героя — Баскервиль. Этого оказывается достаточно, чтобы обратить внимание читателя на межтекстовую взаимосвязь и активизировать его фоновые историко-филологические знания.

Повтор текстовой формы (структуры, ритма), отдельных лексических средств, напоминающих читателю другой текст, как тип интертекстуальной маркированности широко используется в пародийных текстах, где должна хорошо узнаваться структура предтекста. Пародия может устанавливать сюжетные связи с пародируемым текстом. При этом в пародии выбирается: а) один из эпизодов предтекста; б) одна (из многих возможных) сюжетная линия; в) соединение нескольких сюжетных ситуаций; г) заимствование персонажа, образ которого изменяется, иронически переосмысливается. Так, создано достаточно много пародий на широко известную сказку о Красной Шапочке и Сером Волке, в которых Красная Шапочка становится злой, а Волк безобидным и слабым, либо меняются отношения героев между собой: Волк не съедает Шапочку, и т.д. и т.п. Например:

Das neue Rotkäppchen

Es war einmal ein Mädchen, das trug seit jeher eine rote Kappe. Eines Tages schickte die Mutter Rotkäppchen zu ihrer Großmutter. Die Mutter gab ihr einen Korb mit Wodka und ein Spanferkel mit. Rotkäppchen schwang sich auf ihr Motorrad und düste los.

Als Rotkäppchen an einer Ampel stand, sah sie den Wolf in einem Trabi neben sich. Sie raste los, obwohl die Ampel noch auf Rot stand. Der Wolf raste hinterher. Es wurde eine spannende Verfolgungsjagd, aber Rotkäppchen hängte den Wolf an einer Kreuzung ab.

Rotkäppchen mußte sich jetzt beeilen, denn sie hatte wertvolle Zeit verloren. Sie hatte Omas Haus schon in Sicht, aber konnte nicht

mehr bremsen und raste ins Hühnergehege. Als sie ins Haus kam, bekam die Großmutter einen großen Schreck, denn Rotkäppchen war voller Hühnerkacke. Rotkäppchens Großmutter steckte sie sofort die Badewanne. Als Rotkäppchen in der Wanne war, machte Großmutter sich über den Wodka aus, von dem sie dachte, dass es Mineralwasser sei. Als Rotkäppchen aus der Badewanne kam, sah sie Oma im Zimmer heruntorkeln. Die Oma erkannte Rotkäppchen erst gar nicht und schmiß sie hochkant raus. Rotkäppchen fuhr wütend nach Hause. Als sie auf dem Heimweg war, sah sie den Wolf im Straßengraben, denn er hatte sich bei der Verfolgungsjagd den Motor überhitzt. Der Wolf war sauer auf Rotkäppchen, die Großmutter war auch sauer auf Rotkäppchen, und Rotkäppchen war auf beide sauer. Und so waren sie alle aufeinander sauer. Und wenn sie nicht verunglückt sind, dann leben sie noch heute.

(Märkische Allgemeine. 1995 № 1)

В пародии «Новая Красная Шапочка» мы видим комичное воспроизведение и преобразование базисного — пародируемого — текста. Преобразования здесь касаются сюжетной ситуации и социофункционального характера изображения (того, что в социолингвистике называется «регистр»): Красная Шапочка едет к бабушке на мотоцикле, в корзинке несет водку, которую бабушка выпивает, приняв ее за минеральную воду. Волк, в свою очередь, едет в «Трабанте» — типичном для времен социалистической Германии автомобиле. И собственно конфликт сказки сводится в пародии к обыгрыванию сказочной и обиходно-бытовой картины мира. Содержание оригинала в целом сохраняется, меняется атмосфера изображаемого — из сказочного мира действие переносится в современную действительность и пародируются уже реалии этого современного мира.

Заемствование синтаксической структуры в качестве интертекстуального сигнала показывает пример рекламного слогана “Brave Autos kommen in die Garage. Der Rocsta kommt überall hin”. Здесь заимствуется название книги У. Эрхардта “Brave Mädchen kommen in den Himmel, böse überall hin” (1994), известной немецкому читателю. При сохранении синтаксической структуры вариативно ее лексическое наполнение.

К сигналам интертекстуальной адресованности относится также *смена языкового кода*, обнаруживаемая, например, через иноязычные, иностилевые, архаичные и т.д. включения в ткань изложения, как это показано в примерах стилизации или сказа. Интертекстуальным сигналом может стать *изменение формы тематического развертывания* (функционально-смыслового типа речи, в иной терминологии). Примером может служить включение аргументативного изложения, свойственного научному стилю, в информационно-оценочное сообщение, внутри текста рекламы или гороскопа.

Очевидно, что названные маркеры интертекстуального диалога по-разному функционируют в различных коммуникативных сферах или дискурсах. Показателем различий может стать сравнение научной коммуникации, с одной стороны, и художественно-эстетической — с другой. Будучи важнейшими сферами человеческого познания и деятельности, они в разной мере и с разными целями обращаются к интертекстуальности как к средству создания новых смыслов.

6.8. Визуализированная интертекстуальность как интериконичность

Понятие **«интериконичность»** обозначает такие ситуации коммуникативного взаимодействия, когда в основе создания последующего вербального текста лежит исходный — прецедентный — текст не вербального, но визуального характера (Kessler, Hellwig 2004: 389). В этих случаях речь идет о том, что на основе интерпретации существующих визуальных изображений — картин, карикатур, плакатов и т.п. выстраивается иное содержательно-смысловое единство. Возникающее таким образом текстовое и — шире — знаковое взаимодействие может быть представлено как **визуализированная интертекстуальность**. Показательны следующие примеры.

Текст 1 — американский плакат периода Второй мировой войны, изображающий американскую женщину, готовую от-

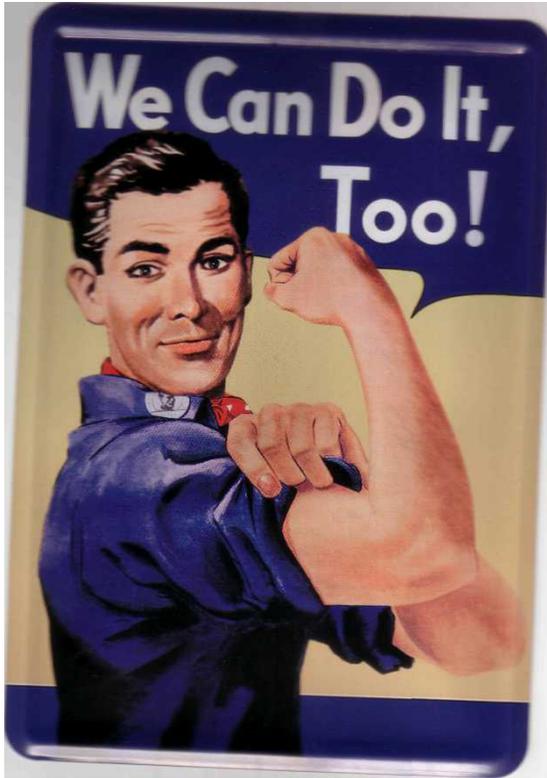
дать все силы ради победы в то время, когда мужчины сражаются на фронте. В последующем лозунг «We can do it!» и визуальный образ женщины с плаката многократно повторялся в ином контексте для утверждения идеи сильной самостоятельной независимой женщины.

В свою очередь, текст 2 — своего рода «мужской ответ» на вызов эмансипированных женщин, претендующих на лидерство в обществе. «We can do it, too!» / «И мы можем!» в сочетании с повтором визуального образа, только в мужской версии создают ироничный эффект. При этом мужская версия поликодового текста поддается декодированию в таком ракурсе только и именно в интертекстуальном осмыслении с опорой на знание о существовании прецедентного текста.

Текст 1

Текст 2

Другие примеры. В основе рекламной акции специального выпуска журнала “Bild” положено измененное изображение широко известной фрески Микеланджело из Сикстинской Капеллы «Сотворение Адама». Изменение коснулось одной детали в исходном изображении: вместо направленных навстречу и соединенных рук Адама и Создателя показана лишь рука Адама, пальцы которой сложены в виде «фиги». В сочетании с сопроводительным текстом “Alles über die Generationenkonflikt. Jetzt im Handeln” («Все о конфликте поколений. Теперь в продаже») создается совершенно иной смысл о противоречиях между отцами и детьми, контрастный заложенному в первичном тексте (фреска Микеланджело) смыслу (см. об этом: Kessler, Hellwig 2004: 390).

Другой пример визуализированной интертекстуальности: карикатура, помещенная в газете “Berliner Morgenpost”, изображает канцлера Германии Г. Шредера как «Властелина Колец». Это сопровождается обозначением “Herr der Ringe”, соответственно названию узнаваемого массами предтекста. Визуальный же компонент этой карикатуры не соответствует содержанию книги: слово «кольцо» (“Ring”) визуализируется как множество нулей в стоящем под изображением тексте: “Arbeitslosenzahl: 4 000 000” (“Число безработных — 4 000 000”) (там же, с. 397).

Эти примеры, а также представленные выше рассуждения об отношениях текстов друг с другом в широком межтекстовом пространстве позволяют утверждать, что для понимания отдельного текста существенное значение могут иметь не только языковые единицы и правила их комбинации между собой *внутри* текстового целого, но и *внешние* по отношению к этому тексту языковые структуры, знаки.

РАЗДЕЛ 7. ТЕКСТ И ДИСКУРС: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В этом разделе мы вводим новое в рамках наших рассуждений понятие — дискурс.

Логика предшествующих рассуждений показывает, что текст является элементом в системе коммуникативных действий. Текст — результат коммуникативно-речевой деятельности, та структура, которая возникает в ходе этой деятельности, — структура, имеющая свои внутренние (внутритекстовые) закономерности, связывающая последовательность высказываний в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности. Но не только. Текстовое целое возникает, как показано выше, под воздействием определенной совокупности экстралингвистических, т.е. вне- и надъязыковых, стиле- и текстообразующих факторов.

Итак, текст является одним из элементов, безусловно, основополагающим, но не единственным в сложной системе ком-

муникативного процесса. Акцентированное признание этого факта в современной теории текста привело к решительному перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам тексто- и смыслопостроения. Само понятие целостности, цельности текста получает свое реальное наполнение и осмысление через неразрывную связь с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном. Данные языковой системы (т.е. интралингвистический аспект) недостаточны для раскрытия специфики целого текста. Сущность целого текста может быть объяснена только при учете коммуникативного, социокультурного, когнитивного факторов, сплетенных с собственно лингвистическими.

Такое осмысление лежит в основе современного разделения понятий *текст* и *дискурс*.

Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры — текста. Становится очевидным разделение понятий «текст» и «дискурс» и задач традиционного текстового анализа и анализа дискурса. Если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние — внутритекстовые — отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса.

Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения. Это определение является во многом предварительным, вводящим в проблему соотношения понятий «текст»

и «дискурс». Для основательного анализа необходимо следующее уточнение.

Дискурс — понятие многозначное и используется не только в лингвистике, но и в литературоведении, философских, исторических, психологических разработках. Следует подчеркнуть, что в современной лингвистике при определении понятия «дискурс» существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно друг с другом национальные школы дискурсивного анализа. В зависимости от исследовательской традиции в теоретической разработке принципов дискурсивного анализа вносятся различные акценты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер.

Рассмотрение теоретических концепций, лежащих в основе современного дискурсивного анализа, позволяет говорить о существовании по меньшей мере трех различных исследовательских традиций и национальных школ изучения дискурса: англо-американской, французской, немецко-австрийской. В отечественной науке термин «дискурс» оказался привнесенным и наложился на уже существующие традиции функционально-стилистического анализа речи. Результатом такого заимствования стало калькированное употребление термина «дискурс» без последовательной опоры на стоящие за этим термином разные теории. Во многом мозаичная и часто эклектичная картина в российских публикациях о дискурсе обусловлена тем, что один термин представляет разные теории и связанные с ними методы анализа. Приведем в общих чертах доминирующие представления о категории дискурса.

7.1. Понятие дискурса в различных школах дискурсивного анализа

Согласно *англоамериканской* лингвистической традиции под дискурсом понимается связная речь (*connected speech*), при

этом дискурс отождествляется с диалогом. Дискурсивный анализ (discourse analysis) направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего. В немецкой лингвистической традиции соответствующим понятием является *Konversationsanalyse* (анализ связной речи), а собственно термин *diskurs* оказался связанным с иным подходом.

Особое теоретическое наполнение и историческое звучание получила *французская школа дискурсивного анализа*. Во Франции анализ дискурса как самостоятельное направление возник в 60-е годы XX в. и изначально развивался как интегративное учение, соединяющее исторические, философские, в особенности марксистские, психоаналитические и в последнюю очередь лингвистические представления о дискурсе.

Особая концепция дискурса развивается с середины 70-х годов в работах французского историка, социолога и лингвиста Мишеля Фуко, который использует это понятие (*discours*) при обозначении общественно-исторически сложившихся систем человеческого знания. Основные идеи ученого представлены в его книге «Археология знания», переведенной на немецкий, английский и русский языки. Мы цитируем здесь эту книгу по немецкому переводу 1973 г.

Дискурс, по Фуко, выступает как часть «дискурсивной практики» — совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания, но «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» (Foucault, 1973). Настаивая на исторической обусловленности дискурса (там же, S. 170), Фуко хочет подчеркнуть, что дискурс — не только совокупность знаков, используемых для обозначения предметов, явлений. Это нечто большее, что подлежит собственно дискурсивному анализу (там же, S. 74). Это социально-историческая информация, фон, соотносящий события с дискурсом, или «мир дискурса». Поэтому в отличие от клас-

сической герменевтической традиции дискурсивный анализ, по Фуко, ищет ответ не столько на вопрос «Что было действительно сказано в том, что сказано?», сколько: «Почему имеет место данное высказывание и никакое другое на его месте?» (там же, S. 42, 43).

Теория дискурса, по Фуко, занимает особое положение в системе представлений о дискурсе. Прежде всего ее самобытность определяется тем, что это теория исторической реконструкции условий возможности знаний и теорий вообще: то, что названо самим Фуко археологией знания, в которой лингвистические аспекты, лингвистический анализ как таковой занимает второстепенное место или даже оказывается вовсе не релевантным.

Сложность совмещения концепции Фуко с лингвистической теорией, невозможность их полного «наложения» друг на друга проистекают из того, что ключевые понятия в системе рассуждений Фуко не тождественны тому содержанию, которое вкладывается в них языковедами. Не углубляясь в многие сложные и проблематичные аспекты концепции французского исследователя, остановимся здесь кратко на наиболее существенных вопросах.

Так, Фуко определяет дискурс как «множество высказываний (*énoncés*), принадлежащих одной формации». При этом высказывание, по Фуко, — это не вербальное высказывание, не лингвистически определяемая последовательность знаков, но сегмент человеческого знания, структурная часть его, знания, и одновременно соответствующей дискурсивной практики. Интерес и цель дискурсивного анализа заключаются в том, чтобы определить историческое место каждого высказывания, теории, текста, каждой новой идеи — т.е. каждого дискурсивного события; показать и объяснить, «почему имеет место определенное высказывание и никакое другое на его месте». Исторический анализ дискурса, по Фуко, направлен на то, чтобы выяснить, почему участвующие в свое время в дискурсивной практике индивиды будучи ограничены рамками своего знания не могли думать, говорить иначе, чем они это делали; благодаря

каким предпосылкам стало возможным появление новых идей, тем и какие условия воспрепятствовали развитию иных взглядов. Дискурсивная формация детерминирует конституирование самих тем, выбор, точнее, отбор релевантных понятий и речевых высказываний и выбор коммуникативных стратегий их связи между собой. «Власть дискурса» проявляется в том, что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий (дискурсивная практика по Фуко включает в себя как речевые, так и неречевые действия!) и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний. Теоретическое описание дискурсивной формации возможно только ретроспективно, *post factum*.

Очевидно, что распространение знания осуществляется через язык, и включение в дискурсивный анализ собственно языкового анализа в смысле историко-семантического анализа эволюции понятий не отрицается французским ученым. Однако роль последнего у него очень ограничена. Фуко определяет единство вводимой им дискурсивной формации не через системность понятий, а, наоборот, описывает дискурс как «место возникновения понятий». И уже системность как таковая обеспечивает единство самих понятий. Существо дискурсивной формации определяют правила, условия и возможности соединения высказываний между собой в единую когнитивную систему. Дискурсивная формация — это сеть когнитивных отношений между понятиями, теориями, высказываниями — между всем тем, что в той или иной степени релевантно для возникновения данного знания.

Анализ возникновения и становления определенного знания предполагался и осуществлялся М. Фуко именно как исторический анализ, как археология знания в соответствии с замыслом, методологией и целями его самобытной концепции. Провозглашенный им принцип анализа дискурсивной формации как когнитивного единства через определение правил, условий и возможностей их возникновения содержит с очевидностью огромный эвристический потенциал, обеспечивающий возмож-

ность соединения этой теории с приоритетными направлениями когнитивной и коммуникативной лингвистики.

Наряду с работами М. Фуко дискурсивный анализ во Франции связывается с трудами Л. Альтюссера, Ж. Лакана, М. Пеше и франкоязычного швейцарского лингвиста П. Серио. Основной составляющей анализа дискурса у этих исследователей стала наука об идеологии. При этом «идеология обозначает любой языковой и еще шире — любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности... И не следует понимать это как «организованная система идей» (Квадратура смысла, 1999: 20 — 21). Тексты / высказывания рассматриваются как продукты «идеологической и психической практики». Они ненейтральны, но культурно, социально, идеологически обусловлены.

Анализ дискурса во французской школе — это анализ текстов, произведенных в институциональных рамках, наделенных исторической, социальной, интеллектуальной направленностью. Высказывание типа «Франция — французам» обнаруживает связь с социально-историческими условиями возникновения этого высказывания.

Это значит, далее, что слова могут изменять значения, утрачивать одни и получать другие оттенки смысла в соответствии с позициями, занимаемыми теми, кто их употребляет. «Не проповеди как проповеди и не политические листовки как политические листовки интересуют анализ дискурса. В анализе дискурса исследуется совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане на определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую» (Квадратура смысла, 1999: 28).

Понимаемый таким образом анализ дискурса у французских исследователей представляет собой нечто намного большее, чем собственно лингвистическая интерпретация текстов. Здесь анализ дискурса покидает пространство лингвистики и соединяется с широким историческим, психологическим анализом. Традиционные методы и категории лингвистики текста часто

не соответствуют тем понятиям, которые органичны для французской школы анализа дискурса. Подробнее о содержании, исторических истоках и приоритетах этого направления см. сборник научных статей «Квадратура смысла» (1999), который предваряет статья П. Серию «Как читают тексты во Франции».

Идеи М. Фуко стали стимулом и предпосылкой для последующих разработок в этом направлении. Они были заимствованы *немецкой школой дискурсивного анализа*, связанной, в первую очередь, с именами немецких ученых — Утца Мааса, Юргена Линка, Юргена Хабермаса. Концепция дискурса развивается в их трудах преимущественно как концепция литературоведческая. Продолжая во многом главные принципы французского исследователя, У. Маас выделяет следующие концептуальные положения для теории дискурса. Любой текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов («ein Text ist Ausdruck bzw. Teil einer bestimmten gesellschaftlichen Praxis, die bereits eine bestimmte Menge von möglichen Texten definiert, die die gleiche Praxis ausdrücken bzw. als Repräsentanten der gleichen Praxis akzeptiert werden können» (Маас, 1984: 18)). При этом анализ текста становится идеологически ориентированным анализом дискурса, который выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике (Diskurs [steht] für eine sprachliche Formation als Korrelat zu einer ihrerseits sozialgeschichtlich zu definierenden gesellschaftlichen Praxis) (там же). Дискурсивный анализ рассматривается как средство исторической, идеологической, психологической реконструкции «духа времени». Примечательно, что теория дискурса У. Мааса была представлена на основе анализа текстов периода немецкого национал-социализма в работе соответствующим названием “Sprache im Nationalsozialismus” («Язык в национал-социализме»).

В этой связи интересна также известная и ставшая в определенном смысле классической работа франко-швейцарского лингвиста П. Серию «Анализ советского политического дискур-

са» (Париж, 1985) Ее автор строит исследование советской идеологии 70-х годов, анализируя два основополагающих для нее текста: отчеты ЦК КПСС соответственно XXII и XXIII съездам партии. В результате исследование, начатое как историческое, приводит к выявлению типичных языковых особенностей советского политического дискурса.

Существенно, что понятие системы или, точнее, системности языковых явлений, общих принципов их использования, стоящее за конкретным дискурсом, является ключевым для концепции дискурса у М. Фуко, У. Мааса и других последователей этой концепции. Дискурсивный анализ охватывает правила, которые конституируют определенный дискурс. Этот существенный для понимания концепции дискурса аспект подчеркивает и Ю.С. Степанов в своем аналитическом обзоре «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности»: «Дискурс — это особое использование языка... для выражения особой ментальности, ...особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики. И... в свою очередь создает «особый ментальный мир» (Степанов 1995: 38 — 39, 44). Вместе с тем подчеркивается, что дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», а в текстах — таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления, особая семантика, в конечном счете — особый мир.

Особое место в концепциях дискурса занимает так называемый *критический анализ дискурса* (*Critical Discourse Analysis / CDA*). Эта концепция сложилась в 1980-е годы главным образом благодаря трудам английских ученых Н. Фэрклоу, П. Хилтона, голландского лингвиста Т. ван Дейка и австрийского исследователя Р. Водак (N. Fairclough, P. Chilton, T. van Dijk, R. Wodak). Последняя представляет свои публикации в основном на английском языке, что обособляет ее от школы дискурсивного анализа в немецкоязычном пространстве. Цель критического анализа дискурса заключается в наиболее общей формулировке в изучении социальных и политических структур

через анализ языкового употребления. Проблемы дискурса и власти, языка как инструмента социальной власти, социальных, национальных, расистских, гендерных стереотипов занимают здесь центральное место. Круг сходных вопросов изучается немецким ученым З. Егером и представлен в публикациях на немецком языке. Методически важный акцент в критическом анализе дискурса, по Р. Водак и З. Егеру, делается на изучении текстов: дискурсы актуализируются в текстах, дискурс — это совокупность взаимосвязанных текстов. При этом текстовая взаимосвязь обеспечивается темой, тематической прогрессией макротемы в отдельных суб- и микротемах в высказываниях / текстах. Таким образом, *текстоцентрический принцип* является центральным в анализе дискурса.

7.2. Дискурс: к определению понятий

Идея анализа различных дискурсов оказалась чрезвычайно продуктивной для современных лингвистических исследований. Достаточно привести лишь некоторые примеры: политический дискурс, юридический, медицинский, рекламный дискурс; дискурс расизма, фашизма; советский дискурс, дискурс перестройки. Этот ряд может быть многократно продолжен. Всплеск интереса к этому феномену приходится на 1990-е годы, когда текстовый анализ полномасштабно переориентировался в анализ дискурса. В целом для современной ситуации дискурсно ориентированных исследований, например в немецкой германистике, характерна совершенно отчетливая *тенденция отграничивать понимание дискурса в философии и социологии* по М. Фуко, Ю. Хабермасу и др., *и лингвистические подходы к дискурсу*. Своего рода линия демаркации лингвистического и нелингвистического подходов к дискурсу определяется вопросом «сколько от Фуко заключено в данном дискурсивно ориентированном подходе?». Если «Фуко», т.е. «социологии» слишком много, этот подход отмежевывается от собственно лингвистических. Последние ограничиваются таким кругом исследовательских вопросов, как:

- анализ дискурса как связной речи (connected speech, Konversationanalyse);
- макросемантический и глубинносемантический анализ текстов;
- анализ дискурса как институционализованного языкового коррелята общественной практики;
- анализ дискурса как содержательно-смысловой совокупности текстов, в том числе объединяемых в единый дискурс ретроспективно.

Для такого подхода к дискурсивному анализу существенно, что он предполагает работу с текстом, от него значительно, если не сказать вовсе, отходят социологические и психоаналитические модели дискурса. *Начальным этапом в дискурсивном анализе всегда является уровень конкретной языковой реализации дискурсивного содержания, т.е. уровень текста.* Его лингвистическая интерпретация осуществляется в русле традиционного стилистического анализа, когда устанавливается коммуникативная функция текста, его коммуникативные центры, выявляется, что сообщается в тексте, кому адресовано сообщение, как актуализируется в текстовой ткани адресат, каковы стратегии тематического развертывания, обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, как актуализируются определенные сегменты знания и т.п.

Собственно дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и других факторов. На этом этапе проникновение в глубинную структуру текста, т.е. в заключенный в нем смысл, осуществляется через обращение к специфическому вокругтекстовому фону. В дискурсивном анализе ключевой вопрос ставится так: почему в определенных условиях те или иные слова и понятия начинают играть центральную роль в смысловой прогрессии? Иначе говоря, уровень дискурсивного анализа начинается там и тогда, когда исследователь

задается вопросом, какие условия (эпистемического рода) позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл.

При этом разграничим, по меньшей мере, два уровня понимания, два рабочих определения того, что представляет собой дискурс.

Так, условно говоря, **дискурс 1** обозначает **конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве**. Иными словами, это текст плюс его вокругтекстовый фон. Значит, с одной стороны, что прототипический характер коммуникации обнаруживается в соотнесенности с конкретными моделями текстопорождения и восприятия: текст функционирует как представитель определенного типа текста. С другой стороны, коммуникативная деятельность и продукты этой деятельности — тексты соотносятся с определенной ментальной сферой, сосредоточивающей в себе соответствующие знания.

С этой точки зрения дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния экстралингвистического фона — социальных институтов, культурных, идеологических и прочих факторов — на формирование тех или иных языковых закономерностей. Он призван дать ответ на вопрос, как различные слагаемые коммуникативного процесса (автор сообщения, его адресат, сфера коммуникации, канал сообщения, интенция и т.д.) отражаются во внутритекстовой организации и обуславливают в ней специфическую — ту, а не иную упорядоченность языковых единиц и структур? Таким образом, использование дискурса как единицы операционального анализа представляется перспективным и органичным в связи с постулируемыми в последние годы приоритетами развития лингвистики, в частности с функциональным подходом к языку в смысле изучения проблем употребления языка человеком в процессах общения и деятельности.

Подчеркнем, что в таком понимании дискурс как лингвистическая категория не дублирует и не подменяет понятия «текст».

Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции — текста. Конкретные тексты составляют эмпирический базис для описания дискурса, который, однако, не может быть сведен только к характеристике пропозиционального и иллокутивного аспекта, а требует включения данных об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов.

В ряде современных исследований, особенно широко представленных в германо-австрийской школе лингвистики текста, термин дискурс используется для обозначения иного содержания. Так, под **дискурсом 2** понимается **совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов.**

С такой точки зрения, дискурс представляет собой комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы. При этом отдельные социально-исторически сложившиеся сферы человеческого познания и коммуникации (М. Фуко называл их дискурсивными формациями) предлагается рассматривать в качестве *специальных дискурсов* или, в другой терминологии, — *типов дискурса*. Примерами могут служить медицинский, юридический, политический, рекламный и иные дискурсы. Исследования идут в направлении того, каким образом обеспечивается тематическое единство дискурса, т.е. какие элементы отдельных текстов являются общими, типичными для дискурса в целом, а также какие типы текста (Textsorten, text types) репрезентируют соответствующие дискурсы. Например, политический дискурс соотносится с такими коммуникативно-речевыми сферами, как законодательство, внутрипартийное строительство, политическая реклама, которые, в свою очередь, отражаются специальными типами текста: законопроект, закон, протокол; партийная программа, комментарий; предвыборная речь, листовка, опрос, рекламный лозунг и др.

Существенно, что один дискурс может конституироваться текстами различных типов и, с другой стороны, тексты одного типа могут выступать элементами различных специальных дискурсов, например, рекламное объявление может включаться в уже упомянутый политический дискурс как политическая реклама, а в дискурс литературы и искусства как реклама фильма, спектакля и в обиходно-бытовой дискурс (реклама товаров и услуг).

Если текст можно рассматривать как последовательность высказываний, связывающихся в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности, то дискурс предстает как совокупность текстов, так или иначе коррелирующих друг с другом. При этом дискурс «продуцируется» коллективным субъектом — например, партией, политическим или социальным институтом, движением. Тогда речь идет, например, о дискурсе Коммунистической партии Советского Союза, дискурсе перестройки, дискурсе феминизма и т.п.

Преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как относительно законченной, формально ограниченной сущности, построенной по своим внутритекстовым законам, идти к другим, уже существующим или потенциально возможным текстам. И здесь важно следующее уточнение: *дискурс — принципиально открытое множество текстов / высказываний. Дискурс не может быть приравнен к одному тексту и не конституируется отдельным текстом. В свою очередь текст есть фрагмент дискурса и должен рассматриваться именно в этой связи.*

Рассмотренные здесь два основных подхода к определению дискурса не являются, по нашему мнению, принципиально различными и несовместимыми. Они акцентируют разные стороны одного и того же познаваемого явления. Так, в первом определении дискурса, условно дискурсе 1, акцент делается на конвенциональном характере коммуникации: исходящей из наличия некой коммуникативной нормы, конкретное коммуникативное событие осуществляется в соответствующем когни-

тивно и типологически заданном пространстве, т.е. привязано к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения — типам текста. С такой точки зрения дискурс обозначает не что иное, как условие успешной коммуникации, т.е. производства и восприятия сообщений, вообще.

И это понимание дискурса не противоречит, на наш взгляд, другому его определению (дискурс 2) как совокупности тематически соотнесенных текстов. Здесь дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определенных типов текста, следовательно, включает в сферу «притяжения» дискурса не одно коммуникативное (дискурсивное) событие, но целый их комплекс, во взаимосвязи. Описывая дискурс как содержательно-тематическую общность текстов (экономический, юридический дискурс и т.п.), исследователь должен характеризовать и коммуникативно-прагматические, социальные условия, в которых функционируют данные тексты и которые обуславливают их тематическую общность в той или иной сфере коммуникации, а также общие (надындивидуальные) когнитивные стратегии, воплотившиеся в текстах. Представляется, что оба подхода находятся в отношении взаимодополнения друг друга, и в практике лингвистического анализа дискурса и репрезентирующих его текстов следует учитывать их оба.

Вышеизложенное можно свести к следующим заключениям.

Под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую — ту, а не иную — упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте.

Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной структуры — текста. В зависимости от исследовательских задач дискурс,

в одном случае, обозначает **отдельное конкретное коммуникативное событие**, в другом — подразумевает **коммуникативное событие как интегративную совокупность определенных коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов**.

Последнее определение наиболее точно и органично раскрывает, на наш взгляд, суть таких понятий, как экономический дискурс, научный дискурс, дискурс рекламы и т.п.

7.3. Дискурс и функциональный стиль: к различию понятий

Категория дискурса и в целом лингвистика дискурса предлагает исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике, принцип разделения коммуникативных сфер и коррелирующих с ними речевых систем.

Традиционные функциональные стили выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, с типовыми и социально-значимыми сферами общения и деятельности, понимаемыми как масштабные, глобальные сегменты общечеловеческой практики. На современном этапе говорят о художественном, научном, официально-деловом, разговорном, публицистическом, религиозном стилях как о системных речевых разновидностях, соответствующих той или иной социально значимой сфере общения и деятельности и соотносенных с определенной формой сознания.

В практике исследования различных типов дискурса (или дискурсивных формаций, в терминологии ряда исследователей) имеет место разделение общей сферы коммуникации на более дробные сегменты. Главное и принципиальное *отличие* от традиций функциональной стилистики следует усматривать в том, что тот или иной «участок» коммуникации, с которым коррелирует дискурс и который определяет особую системность и упорядоченность языковых единиц и правил их употребления в отдельных высказываниях / текстах как фрагментах одного дис-

курса, рассматривается как *эвристическая величина*, т.е. устанавливается опытным путем. Опытным путем и эвристично — не значит произвольно, волюнтаристски сравнивая «шаровары Ивана Ивановича с нравом Ивана Никифоровича».

Путь выделения этой единицы — так называемый путь «снизу вверх», от конкретно наблюдаемых, повторяющихся, типизирующихся коммуникативных сфер и ситуаций. Исследователи говорят, например, о дискурсе микробиологии, о медицинском дискурсе, политическом дискурсе, дискурсе фашизма, коммунизма и др. Причем в качестве эмпирической основы изучения дискурса того или иного типа берутся тексты, объединяющиеся по содержательно-смысловым и интенциональным критериям. Это содержательно-тематическое сходство должно быть объективно наблюдаемо и интерпретируемо, а не произвольно конструируемо.

Рамки дискурса-анализа не устанавливаются, во всяком случае, не должны устанавливаться по принципу «я так вижу». В зависимости от коммуникативно-прагматических и когнитивных целей *границы дискурса могут устанавливаться по-разному — гибко, подвижно*, относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов и других объективно существующих параметров. Определение дискурсивного корпуса, т.е. того, какие тексты входят в рамки данной тематической общности, базируется на понимании и лингвистической интерпретации текстов. Его предпосылкой является интерпретирующая деятельность исследователя, который выявляет и аргументирует общие содержательно-тематические отношения между текстами одного дискурса. Дискурс — это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется (!) как языковой коррелят определенной социально-культурной практики.

Одновременно с этим следует избегать попыток объявить о полной совместимости категорий «функциональный стиль» и «дискурс», «функциональная стилистика» и «лингвистика дискурса». Общим является методологический принцип, лежащий в основе функционально-стилистического и дискурсивно ори-

ентированного подходов, а именно, анализ языковой специфики в ее экстраязыковой детерминированности, учет внешнего текстового фона как сильнодействующей основы для внутритекстовой системности.

Отличие заключается в том, что функциональный стиль основывается на *форме общественного сознания*. Это фундаментальный базис, фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого. В данном отношении перечень функциональных стилей не бесконечен, но по определению конечен. Дискурсивный анализ повторяет методологический принцип функциональной стилистики в своей ориентированности на взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического. При этом используется иной делимитирующий критерий: содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания. В таком понимании *дискурсов может быть бесконечно много*, внутри научного дискурса, например, выделимы дискурс химии, дискурс органической химии, дискурс генетики, дискурс лысенковщины в генетике и т.п. в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в единую дискурсивную формацию. Дискурс — это конструируемый объект.

Функциональный стиль в границах теории функциональной стилистики ориентирован на облигаторные модели языковой деятельности, он связан, в первую очередь, с общественно значимой коммуникативной функцией, формой общественного сознания и видом деятельности. Ввести в научный оборот дополнительный функциональный стиль, доказать его существование как объекта анализа — значит доказать объективность существования коррелирующей с ним формы сознания. В этом смысле пока неубедительны такие конструкты, как «функциональный стиль химии, функциональный стиль фашизма, расизма» и проч. При этом безусловно существуют отдельные *дискурсивные практики* фашизма, расизма, феминизма и т.д., имеющие в качестве языкового коррелята совокупность тех или иных высказываний / текстов.

Последние могут образовывать своего рода горизонтальное сечение сквозь различные функциональные стили. Например, тексты, конституирующие дискурс расизма, могут возникать внутри научного стиля (ср.: евгеника в период немецкого национал-социализма), в рамках обиходно-бытового стиля как бытовое разделение на «лучших» и «худших», в публицистическом стиле и т.д. Дискурсивных практик / дискурсов может быть бесконечно много, при этом «наделяя дискурс самостоятельным существованием, учтем, что пределы этого существования ограничены именно дискурс-анализом» (Золян 2009: 21).

Функциональные стили делят коммуникативное пространство на гораздо более крупные сегменты, коррелируют с базовыми — фундаментальными, онтологически заданными, формами познания и деятельности. *Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много.* Функциональный стиль и функциональная стилистика не могут отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим в качестве единицы операционального анализа, добавляющей детализацию в наши представления о коммуникативной практике.

Литература для углубленного чтения по главе III

1. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999.
2. Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. — London, New-York: Longman, 1995.
3. Fairclough N. Language and power. — London: Longman, 2010.
4. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. — Opladen, 1984.
5. Wodak R., Meyer M. (Hg.) Methods of critical discourse analysis. — London: Sage, 2001.

Глава IV. Лингвистика дискурса

РАЗДЕЛ 8. К ОБОСНОВАНИЮ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СТАТУСА ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА

Возникновение и развитие дискурсивного анализа и лингвистики дискурса связано с интересом к системному изучению языка, выходящим за границы традиционных единиц — предложения и теперь уже текста. Категория дискурса позволяет преодолевать закрытость и статичность (лингвистических) систематизаций и показывать *текст в его процессуальной природе*. Вообще говорить о дискурсе как о самостоятельном объекте лингвистического анализа и — шире — о лингвистике дискурса как о самостоятельной дисциплине можно только и именно в контексте вопроса о том, чем особенным располагает лингвистика дискурса / дискурсивный анализ по сравнению с иными самостоятельными дисциплинами: лингвистикой текста, семантикой, социолингвистикой, корпусной лингвистикой.

Новизна, привносимая категорией «дискурс», связывается с акцентом на его изучении как совокупности многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных. Преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как относительно законченной, формально ограниченной сущности, построенной по своим внутритекстовым законам, идти к другим текстам. Здесь дискурс подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность отдельных высказываний / текстов. Содержание дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов. В свою очередь, это заставляет по-новому взглянуть на критерий текстуальности и понимание текста не как (относительно) законченной единицы, но как открытой в межтекстовое пространство сущности.

8.1. Дискурсивность как свойство текста и как критерий текстуальности

Приведенные утверждения позволяют по-новому, в системе дискурса, взглянуть на сложившиеся представления о качественной определенности текста, т.е. текстуальности. Очевидно, что вместе с традиционно выделяемыми признаками текста, обеспечивающими его семантическую, синтаксическую, прагматическую целостность, можно и целесообразно выделить еще один текстовый признак — **дискурсивность**.

Постулируя, что *дискурс* — это принципиально открытая система, мы должны исходить из понимания его как типа дискурса, дискурсивной формации, т.е. совокупности тематически соотнесенных текстов — тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов. В таком понимании дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определенных типов текста, следовательно, в сферу притяжения дискурса включается не одно коммуникативное событие, но целый комплекс.

Только и именно в дискурсе ясно, что такое завершенность отдельного, существующего внутри дискурса текста. Действительно ясно, что завершено, а что нет. Например, мы слышим разговор двух собеседников о том, что дела Петра идут хорошо, он в порядке и все еще не в тюрьме. Подлинная тема этого текста — здесь устного диалога, может быть определена только в связи с другим, неизвестным нам, но потенциально прогнозируемым текстом, предшествующим услышанному разговору. Почему Петр не в тюрьме, почему это значит, что он в порядке, почему выбрана такая, а не другая прагматическая и семантическая связь элементов в текстовое целое, почему сказано так, как сказано, становится ясно на уровне дискурсивной связности этого текста с другими — предшествующими и последующими, потенциально возможными текстами.

В таком смысле следует рассматривать приведенные далее примеры текстов фашистского дискурса: и военный приказ об уничтожении мирного населения, и листовка с призывом доносить на соседа, нерационально использующего пищевые отходы, и тексты детских песен и речевок, заставляющих думать в унисон с официальной идеологией, — это тексты одного дискурса. Дискурс конституируется различными типами текстов.

Дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства. Ведь именно в метатекстовой перспективе у текста обнаруживаются признаки, позволяющие воспринимать отдельный текст / высказывание как часть надындивидуальной коммуникативно-речевой практики. Приведем следующую вспомогательную иллюстрацию. Исследователю предстоит анализ некоего текста, формулируемого отправителем сообщения как сказка для детей и публикуемого в сборнике сказок. Примерное содержание сказки (в оригинале она на английском языке) таково:

Бог создал всех людей, вынув их после обжига из большой печи. Все люди вышли на свет Божий закопченными и черными, и создатель велел им идти к воде и отмыться от копоти. Прилежные и старательные отмылись добела, а ленивые и нерадивые оттерли от сажи только ладошки и ступни ног. Вот поэтому люди оказались разного цвета — белые и черные.

На этом сказка заканчивается, оставляя выводы воспринимающему сознанию. Очевидно, что в текстовой ткани нет ни одной языковой единицы с семантикой «раса», «расизм». При этом исследователь с позиций дискурсивного анализа может этот текст интегрировать в дискурс расизма, провозглашающий превосходство одной расы над другой по признакам «лучшее — худшее», тогда сказка воспринимается завершено и тематически определено — только и именно в системе соответствующего дискурса, дискурса расизма. Подчеркнем, что при объединении содержательно однородных текстов в единый тип дискурса начинает действовать особая «регулярность дискурса». Именно в таком смысле можно говорить об особой семантике

дискурса, наряду с семантикой слова, предложения и текста. В фокусе дискурсной семантики оказывается не столько лексическое значение употребленных единиц, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений. Например, незамысловатый стишок, известный в советский период:

Я на вишенке сажу,
Не могу накушаться,
Дядя Ленин говорил,
«Надо маму слушаться»,

раскрывает свой семантический потенциал именно в дискурсной перспективе. Он воспринимается именно и только как фрагмент советского дискурса с его вторгающейся во все сферы человеческого общения и все регулирующей идеологией. Ирония и социальная критика, которые могут быть приписаны этому тексту, проступают именно при восприятии его в интертекстуальном отношении на фоне других текстов — политического официоза, средств массовой информации. Только зная эти тексты, можно верно оценить и декодировать приведенный «фрагмент дискурса».

Продолжая ряд примеров из советского прошлого, укажем еще на такой. Широко известное детское стихотворение «Мой-додыр» К.И. Чуковского доставило его автору немало волнений в сталинскую эпоху. Слова «А нечистым трубочистам стыд и срам» были расценены как насмешки и оскорбление людей, занимающихся пролетарским трудом, что в тот исторический период было опасно. В контексте наших рассуждений произошла идеологически ангажированная интерпретация текста, приписывание ему смысла, позволяющего объединить стихотворение для детей с «буржуазным» дискурсом и другими текстами, порочащими советские ценности.

Дискурсивность следует рассматривать как тот признак текста, который характеризует его **открытость метасистеме дискурса** при понимании под последним совокупности содержательно однородных текстов.

8.2. Когда анализ текста становится анализом дискурса

Исходным для анализа дискурса является анализ текста — положение принципиально значимое для развиваемой здесь концепции. Если подразумевать под дискурсом языковое выражение определенной общественной практики, представленной теми или иными текстами, то лингвистический анализ дискурса должен начинаться на уровне конкретного текста. Лингвистический анализ текста, в свою очередь, предполагает определение коммуникативной функции текста, средств актуализации адресанта и адресата в текстовой ткани, выявление форм тематического развертывания, обеспечивающих связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию в рамках текстового целого. Таким образом, установление текстовой связности — первый и начальный этап. Установление дискурсивной связности как содержательно-тематической связности отдельных текстов в один дискурс — следующий этап.

Что касается тематической связности на уровне текста, то принципиально значимо следующее. В одном из возможных пониманий тема текста (*Textthema, topic*) — это его содержательное ядро. Методы и процедуры анализа темы текста разработаны ван Дейком (1980) в его концепции семантической макроструктуры текста. Принимая, что текст — это взаимосвязь не столько между предложениями, сколько между пропозициями, следует признать, что содержательный остов (макроструктура) складывается из микроструктур отдельных топикальных цепочек. Семантическое единство внутри отдельной цепочки и затем внутри текстового целого устанавливается, в первую очередь, с опорой на лексические сигналы. Семантическое тождество устанавливается через прямой или вариативный повтор лексем, синонимию, антонимию, гиперонию, парафразы, грамматическую субституцию как замена имени местоимением (например, муж / супруг / жена / мужчина / лучшая половина / он) и т.п. функциональную эквивалентность.

Опираясь на приведенный ниже текст, продемонстрируем принцип установления тематической связи внутри текстового целого и далее установление дискурсивной связности.

Wie der Atem, wie der Wind. Die Seele

1. Da sitzt sie, tatsächlich. Makellos schön, in der eisigen Kälte des Wiener Winters, weiß wie der Neuschnee, der ihr Knie nun bedeckt, und splinternackt: Das ist *Psyche, die Seele*. Sie trägt *Flügel*, wie der junge Mann neben ihr, *Amor* oder *Eros* genannt. *Psyche* und *Amor* sind zwar seit langem zusammen, seit nämlich das spätantike Märchen von Apuleius vor etwa 1850 Jahren das Traum-paar erfunden hat, in *Kunst und Wissenschaft* tauchen sie seither vielerorts auf. Aber dass die flüchtige Schöne hier, vor aller Augen, einen Sitz hat, als schimmernde Statue an der Fassade des Kunsthistorischen Museums zu Wien, ist doch merkwürdig.
2. Denn in Wien hat in jenen liberalen Gründerjahren um 1880, als am Ring auch das Kunsthistorische Museum mit dieser Psyche entstand, ein Arzt namens Freud gewohnt, der die umfassendste Theorie der Seele seit Aristoteles aufgestellt hat. *Freud wurde als Jude verjagt*, die Existenz der Seele wird heute von vielen Wissenschaftlern bestritten, aber da sitzt sie, die Schöne, und scheint zu sagen: *Erinnert euch doch!*
3. Wer heute meint, die Seele gäbe es nicht, in der naturwissenschaftlich verstandenen Welt habe dieser eigentümliche Resonanzraum von Empfindung, Erinnerung, Wahrnehmung, Selbstgefühl und Charakter eines Menschen keinen Platz mehr, den könnte das marmorne Paar umstimmen.
4. Die Seele ist von eigener Realität, auch wenn sie sich im Gehirn nirgends punktgenau lokalisieren lässt. Ohne den Gott *Amor*, der sie liebte, den sie um ein Haar für immer verlor und der sie schließlich aus den Tiefen des Totenreichs zur Göttin erhob, ist die Seele nicht zu verstehen. Ohne *Amor*, mit dem sie das Kind *Voluptas* bekam, die Lust, ist *Psyche* nicht zu begreifen. Zu *Psyche* gehören ihr Mythos und eine Geschichte, die vielschichtig ist wie die Archäologie einer Stadt und abgründig wie die Katakomben voller Pesttoter unter dem Wiener Stephansdom.

5. Die geflügelte Psyche, der liebende Gott, die Archäologie der Bedeutungen, die Toten der Un-terwelt: Fast unweigerlich sind Metaphern, Mythen, Bilder zur Stelle, wenn von der Seele die Rede ist, und nicht erst, seit Freud folgenreich bemerkte, Psyche sei ein griechisches Wort. *Es gibt ohne Sprache, ohne Übersetzungen*, ohne all die *Schichten von Bedeutungen* keine Seele. Psyche trägt ihre Flügel aus gutem Grund. *Das Wort heißt* nicht nur Atem, Seele und Lebenskraft, *das Wort bedeutet* auch „Schmetterling“.
6. Ob im alten Ägypten, im alten China oder in der biblischen Genesis, in welcher der monotheistische Gott dem Menschen bei dessen Erschaffung den Odem des Lebens einhaucht: Die Seele hat Eigenschaften des Atems, des Windes. Geflügelt war die Seele in der europäischen Vorstellungswelt, seit Homer sie um 800 vor Christus in Verse brachte, als Lebensatem, der aus dem Sterbenden fortfliegt und erst dann als Seele erkennbar, benennbar ist. Der Unterschied zwischen Leben und Tod: An ihm erkennt man, was eine Seele ist oder war.
7. Diese Geschichte der Seele spielt in Wien, in der Berggasse 19, im 9. Wiener Gemeindebezirk, ein paar Straßenblöcke von der musealen Psyche entfernt. FREUD steht da jetzt in Riesenlettern plakatiert, die ins Trottoir hineinragen. Dort lebte und arbeitete Sigmund Freud seit 1891, *bis die Nazis den 82-Jährigen 1938 in die Emigration zwangen*. In dieser Berggasse 19, die jahrzehntelang im Wortsinne ein Ort der Erkenntnis war, stellte der neuro-biologisch kenntnisreiche Arzt, Kulturtheoretiker und Leser die bis heute weitreichendste Theorie der Seele auf.
8. Die Psyche, das war nun der vielschichtige Ort, an dem sich ein kaum zugängliches Unbewusstes mit einem bewussten Ich und dessen Regisseuren um die Herrschaft im Haus stritten. Die Seele als Psyche widersetzt sich rein mechanistischen Deutungen, sie besteht aus Tätigkeit, die ebenso körperlich wie nichtkörperlich ist.
9. Fast alle *Wissenschaften*, die sich für die Seele interessieren, sagen es heute *in ihren jeweiligen Sprachen* vergleichbar: Der Essener Sozialpsychologe Harald Welzer siedelt die Seele in der Interaktion an, sie würde also durch Beziehungen existieren; der Bremer Neurologe und Philosoph Gerhard Roth, der die Wirksamkeit der Psychoanalyse verstehen will, erwägt, dass im Gehirn eine Instanz wie die Amygdala vielleicht nur auf die affektiven Anteile der Spra-

che reagiert, auf den Gefühlsausdruck zwischen Menschen also. Der neurologisch kundige Tübinger Theologe Dirk Evers sieht in der Einfühlung, der Empathie den einzig möglichen menschlichen Zugang zur Seele eines anderen Menschen. Und die Analytikerin Marianne Bohleber, Leiterin des Frankfurter Freud-Instituts, versteht die respektvolle Anteilnahme als Schlüssel. Wer die *Seele* zu hart anfasse, breche ihr *die Flügel* oder erlebe, dass sie entfliehe.

Ob Freud das Märchen von Apuleius mitsamt seiner Psyche gekannt hat? Hat er bei der Arbeit auch eine *geflügelte Psyche* vor Augen gehabt?

10. In der Wiener Berggasse aber haben sich die Neurologie und die Seele eine Zeit lang gut miteinander vertragen. Dort saß Freud im Jahr 1896 an seinem *Entwurf einer Psychologie*, die sollte seine Theorie der Psyche mit der nagelneuen Neuronentheorie verbinden, was beim Stand der Wissenschaft zu Freuds Enttäuschung nicht gelingen konnte. Psychoanalyse sollte auch Naturwissenschaft sein. Freud ging in seinen klassischen Sätzen gelaufig mit dem Wort *Seele* um...
11. „Wenn es zu dunkel wird bei der Seelensuche im Winter“, – hatte vor der Reise ein alter Freund und Kunstkennner gesagt, „geh zu Correggio. Auch dort ist die Seele“. Bei Correggio, dem italienischen Renaissancemaler, wird es tatsächlich heller. Kann das Wesen in der Wolke dort *Psyche* sein? Unmöglich, die Dame ist *flügellos*. Aber welcher göttliche *Atem* wäre es dann, dem die Schöne auf dem Gemälde sich selig hingibt? Das ist nicht der biblische Gott, der einer eben erschaffenen Eva die Seele einhaucht, das ist nicht die Umarmung *Amors*, der Psyche küsst. Dies ist eine nebelartige bläuliche Wolke, die wie aus heiterem Himmel eine nackte irdische Schöne umschließt und sie in Luftküsse taucht, sie fraglos *beseelend*. Das ist Correggios Gemälde *Jupiter und Io*, entstanden um 1530, zu sehen im Kunsthistorischen Museum zu Wien, Abteilung Italien, Obergeschoss. Dicht ist die Traube von Menschen vor diesem Bild.
12. Ein Pärchen steht vor dem Bild, sie liest ihm etwas vor, so leise wie möglich, aber dann hört plötzlich jeder der Umstehenden zu, es ist Eichendorffs Gedicht *Mondnacht*:

Es war, als hätt' der Himmel /
Die Erde still geküßt, /

Daß sie im Blütenschimmer /
Von ihm nun träumen müßt'.
// *Die Luft* ging durch die Felder /
Die Ähren wogten sacht, /
Es rauschten leis die Wälder, /
So sternklar war die Nacht. //
Und meine *Seele* spannte /
Weit ihre *Flügel* aus, /
Flog durch die stillen Lande, /
Als flöge sie nach Haus.

Das ist die romantische Sprache der Seele. Als hätte Eichen-dorff sie, Correggios Gemälde vor Augen, in eine historisch über-nächste Gestalt umgewandelt.

13. Das Museum will schließen, es ist Zeit zu gehen. Draußen, am Aus-gang nur noch ein Blick zurück auf die Fassade des monumentalen Kunstbaus, durch den das liberale Bürgertum sich selbst feiern woll-te. Und auf einmal ist sie zu sehen: *Die geflügelte Psyche* schim-mert weiß durch den Schnee, als wär nichts gewesen, nie. Da sitzt sie, tatsächlich.

(Die Zeit, № 2, 3.01.08; нумерация и выделение курсивом мои. — В.Ч.)

О чем этот текст? Какая фоновая информация, какие энци-клопедические знания и «интертекстуальная память» необхо-димы читателю для его адекватного декодирования? Если сле-довать лексико-семантическому анализу, этот текст предстает как совокупность нескольких тематических рядов, или содер-жательно-тематических блоков. Их можно ясно выделить на поверхности текста по ключевым словам и коррeферентным сочетаниям. И отвечая на вопрос, о чем этот текст, мы гово-рим: этот текст о душе — ср. соответствующий тематический ряд повторяющихся языковых единиц: die Psyche, die Seele; о психоанализе — Freud, die Wiener Berggasse 19, Psychoanalyse, Theorie der Psyche; о Вене, городе музеев — Wien, das Kun-sthistorische Museum, Stephansdom, die Katakomben и др. реал-ии. Но этого утверждения недостаточно.

В контексте наших рассуждений анализируемый текст пред-стает как точка пересечения нескольких дискурсов, если по-

нимать под дискурсом отображение некой тематической и когнитивной общности. Так, с очевидностью можно сказать, что этот текст отражает дискурс науки и дискурс искусства, естественнонаучного, опытного познания и художественно-образного, эстетического представления. И тот, и другой дискурс отчетливо выделены в текстовой ткани 1) по лексическим маркерам, каковыми являются контекстуальные антонимы *Wissenschaft, Naturwissenschaft — Kunst*, противопоставляемые семантические ряды глаголов, существительных, причастий *verstehen, lokalisieren, existieren, Gehirn, Realität, Erkenntnis, bewusst*, с одной стороны, и *wahrnehmen, erinnern, empfinden, fühlen, unbewusstes, Gefühlsausdruck* — с другой; 2) по операциональным стратегиям тематического развертывания: объективного, рационального, экспликативного представления фактов и мнений в одном случае, и эмоционального, образного, нарративного изображения — в другом.

Далее в тексте выделены следы и проекции других дискурсов, рассматриваемых как сегменты человеческой коммуникации и познания: например, дискурса античной мифологии и литературы (ср.: *das spätantike Märchen, Mythos, Apuleius, Aristoteles, Amor, Homer* и др), дискурса теологии, дискурса психоанализа, дискурса антисемитизма и национал-социализма (ср. № 2 и 7: *als Jude verjagt; bis die Nazis... in die Emigration zwangen*); медицинского дискурса, лингвистического дискурса (ср. № 5: обращение к семантике языковых единиц, переводу, толкованию), дискурса итальянского Возрождения (№ 11), дискурса немецкого романтизма (№ 12).

При анализе текстового целого обращает на себя внимание структура его тематического развертывания. Нельзя не заметить, что текстовое целое создается, сплетается из взаимопереходов и взаимопересечений различных дискурсов, причем отдельные темы — и соответствующие им дискурсы — постоянно актуализируются для читателя внутри других тематических блоков. На поверхности текста эта игра дискурсов между собой делается видимой в том числе благодаря повторению ключевых тематических понятий. Они начинают действовать как

слова-катализаторы, ускоряющие и усиливающие процесс понимания текстового замысла. Так, лейтмотив души как «крылатой Психеи», как эфемерной субстанции, недоступной наблюдению, так или иначе повторяется в тематических блоках, актуализирующих объективный медицинский дискурс, дискурс нейрологии (№ 9): наука конфронтирует с мифологическим представлением. Здесь же обнаруживается недвусмысленная внутритекстовая (интратекстуальная) отсылка к блоку № 5: языковое знание, семантическая интерпретация может быть опорой и вспомогательным инструментом научного объяснения сущности души в других отраслях науки.

Далее, тематический блок № 11, вводящий в текст дискурс «изобразительного искусства», делает видимыми корреляции с дискурсом античности через повторение ключевых слов *Psyche, Atem, Amor, beseelend*. Так в тексте на глазах у читателя соединяется вместе рассеянное в различных дискурсах человеческое знание.

Следующий затем блок № 12 переводит восприятие текста в каждодневную реальность: пара влюбленных стоит перед картиной в музее. Все предшествующие рассуждения, конструирующие некое общее, накопленное человеческим познанием и практикой, понимание «души» сталкиваются с индивидуальным опытом, личным пониманием. И здесь стихотворение немецкого поэта-романтика Айхендорфа появляется как фрагмент художественно-эстетического дискурса. Этот дискурс рисует картину души по-другому, в субъектно-личностной, эмоционально-образной форме, отличной от научной — рациональной и надындивидуальной — картины мира. И только игра, взаимодействие этих разных дискурсов как разных типов человеческого знания создает единое смысловое целое: возникает образ души — крылатой, воздушной, бестелесной (*geflügelt, schimmernd, nichtkörperlich*) и человеческой (*körperlich, menschlich*) одновременно. Осязаемой и в то же время невидимой, ускользающей, неподдающейся сложному анализу науки, но, однако, раскрывающейся индивидуальному человеческому чувству.

Внутритекстовые связи, соединяющие отдельные темы / тематические блоки между собой, возникают как проекции междискурсных связей на текстовую плоскость. Текст существует как соединение многих дискурсов, как точка пересечения дискурсов, как интердискурсивное коммуникативное событие.

8.3. «Власть дискурса»

Вынесенное в заглавие раздела определение М. Фуко привлекает внимание к важнейшему принципу дискурсивного анализа: он позволяет провести границу между так называемыми своим и чужим словом / высказыванием.

Дискурс — это система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определенной социальной, идеологической, в том числе научной позиции. Мы утверждаем, что дискурс выражает надындивидуальное, коллективное речевое действие, которое институционализировано, т.е. связано с «относительно устойчивыми типами и формами социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества» (Энциклопедический социологический словарь 1995: 227). Это значит далее, что дискурс предлагает определенные, такие и не иные, стандарты коммуникативно-речевого поведения отдельных лиц в типичных ситуациях.

Власть дискурса означает, таким образом, возможность широкого социального управления и манипулирования, при котором особым образом «канализируются» теории, идеи, оценки, взгляды, суждения, посткоммуникативные действия различных субъектов / коллективов. Канализируются как? С помощью каких приемов, стратегий? Дискурс, будучи, по Фуко, «предзаданным способом мышления» или, в соответствии с лингвистическим определением, содержательной совокупностью текстов, выступающих языковым коррелятом по отношению к тому или иному сегменту человеческой коммуникации

и познания, способен управлять «подключением» к текстовой системе других высказываний / текстов. Дискурс — единая дискурсивная формация — создает границы для коммуникативной и познавательной (а значит, и речевой) деятельности человека:

- 1) *ментальные границы*: дискурс выступает как «предзаданный способ мышления» и устанавливает степень значимости, целесообразности, важности того или иного высказывания относительно всей системы;
- 2) *методологические границы*: охватываются все возможности для (не)появления альтернативных, конкурирующих «чужих» идей и смыслов;
- 3) *содержательные границы*: одни тексты / смыслы / понятия притягиваются в рамочное пространство дискурса как тематически близкие, «свои»; другие — исключаются как нерелевантные, несходные, «чужие»;
- 4) наконец, это *лингвистические границы*, которые создаются совокупностью стереотипизированных, конвенциональных языковых средств, структур, приемов, т.е. возникающих в результате системного отбора для выражения типичных смыслов и распознаваемых адресатом «автоматически».

Дискурс образует, таким образом, рамочное пространство вокруг «своего» — неких однородных идей, теорий, смыслов, овеященных в текстах, когнитивных стратегий автора, взаимодействующего со своим же адресатом. При этом «рамка дискурса» отсекает все то, что не попадает в ее пространство. В этой связи примечательно, что подобная логика взаимодействия текста и читателя типична и для литературно-эстетической коммуникации. Например, В.А. Миловидов характеризует процессы восприятия в литературно-критическом дискурсе применительно к тексту, не понятому читателем: «“Рамка” внетекстовых структур, налагаемых на текст, может быть в большей или меньшей степени жесткой: читатель, адаптируя текст к собственным конвенциям, может “срезать”, оставить без вни-

мания те или иные находящиеся в свернутом, латентном виде потенции текста... Иногда те или иные потенции текста выпадают за “рамку”, и тогда критики начинают говорить о “внехудожественном”, антиэстетическом начале, представленном в произведении» (Миловидов 2000: 56). Эта цитата применима благодаря точности определения к феномену власти дискурса в целом.

Примером установления запретов в науке на «чужие» идеи служат тоталитарные дискурсы в различных научных областях. В советскую эпоху это, например, исключение генетики из общего дискурса науки, объявление ее ненаучным знанием; и, наоборот, включение астрологии и других оккультных наук в научный оборот в нацистской Германии как научного знания. В подобных случаях начинают действовать механизмы суггестивного влияния, порождающие некритичное восприятие «на веру». Итак, дискурс как типологически предзаданный способ мышления и коммуникативно-речевой практики связан с осуществлением социальной власти; *дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе* — через систему взаимосвязанных речевых / текстовых средств, форм и приемов воздействия.

Примечательно, что концепция дискурса как исторически и идеологически обусловленной языковой практики сложилась в период возросшего интереса к изучению языка в так называемых тоталитарных обществах. Немецкая традиция дискурсивного анализа, как уже упоминалось, сложилась на основе интерпретации текстового корпуса времен национал-социализма и Третьего рейха. Именно анализ особых исторических условий господства одной идеологии и подавления, вытеснения других представлений, не совпадающих с генеральной линией правящей партии, системы в целом, позволил сделать выводы о механизмах языкового управления и подавления масс. В том числе, каким образом стало возможно, что идеология одной партии национал-социалистов, т.е. некоторой группы лиц, вытеснила в немецком обществе 30—40-х годов XX в. все другие взгляды; каким образом в короткий времен-

ной отрезок определенная языковая практика стала доминирующей и тотальной?

В наиболее общих чертах ответ на поставленный вопрос таков. Власть дискурса или, точнее, власть тоталитарного дискурса проявлялась в том, что во всех сферах коммуникации навязывались особые — только и именно в интересах коллективного отправителя сообщения: отношения, оценки, типы поведения. (Ниже приведены лингвистические примеры того, как за особым употреблением языка встает особая идеология.)

Так, в этот исторический период имела место массовая, методичная, целенаправленная замена одних слов другими для обозначения реалий и фактов в навязываемой обществу обстановке — то, что можно назвать примерами политических эвфемизмов. Например, *массовые казни* (*Massenhinrichtungen*) именовались как «особые действия» (*Sonderaktionen*), «особое обращение» (*Sonderbehandlung*), *беженцы* (*Flüchtlinge*) — как *переселенцы* (*Umsiedler*); *истребление народов*, в том числе евреев, получило название «окончательное решение еврейского вопроса» (*Endlösung der jüdischen Frage*). То, что оппозиция считала *реакционным* (*reaktionär*), оказывалось в контраргументах национал-социалистов *консервативным* (*konservativ*), сохраняющим традиции. Распоряжением министерства пропаганды Геббельса погибшие немецкие солдаты должны были именоваться как *убитые* (*ermordete*), а не *павшие* (*gefallene*).

Пословицы и поговорки немецкого народа также получили возможность особой интерпретации, опять же в интересах правящей партии и ее идеологии. «Речь — серебро, молчание — золото» (*Reden ist Silber, Schweigen ist Gold*), «Голод — лучший повар» (*Hunger ist der beste Koch*), «Работа делает свободным» (*Arbeit macht frei*) — эти пословицы были написаны на балках и строениях в концентрационных лагерях, на воротах в один из самых страшных лагерей смерти Бухенвальд стояло: «Каждому свое» (*Jedem das Seine*). Включенные в контекст фашистской идеологии, эти пословицы получили иска-

женное, циничное человеконенавистническое значение (подробнее: Mieder 1994).

Отдельные языковые явления с очевидностью объединяются в целостную картину идеологической пропаганды при анализе текстового целого, с позиций того, как разные типы текстов — листовки, партийные программы, политические воззвания, песни, фильмы, учебники, etc. — оказываются связанными в смысловом отношении в единый фашистский дискурс. Проиллюстрируем это на исторических документах — немецких текстах того периода, опубликованных в упоминавшейся работе У. Мааса 1984 г.

Становление и распространение тоталитарного дискурса фашизма прослеживается в книге очень глубоко и детально на всех уровнях общественной жизни: в официальном апофеозе, на производстве, в молодежной среде (Hitlerjugend), в крестьянских хозяйствах и в каждодневном быту отдельных семей. Из большого количества текстовых документов остановимся на одном, дающем отчетливое представление о материале, направлении и методологическом подходе дискурсивного анализа в рамках описываемого немецким исследователем дискурса немецкого фашизма.

Анализируемый текст 1937 г. представляет собой призыв-обращение национал-социалистической партии во время кампании «борьбы с нерачительным использованием продуктов» (Kampf gegen Verderb). Общая выразительность дискурсивного анализа в связи и на примере именно такого текста состоит, на наш взгляд, в возможности показать, как идеологическое концептуализируется в, казалось бы, не идеологической сфере семейного быта.

Прокомментируем основные наблюдения и выводы немецкого ученого (Maas 1984: 27 — 30).

An alle Hausfrauen!

Es ist festgestellt worden, dass **noch immer** ein ganz erheblicher Teil **Küchenabfälle** in die **Müllkästen** — bzw. Tonnen geworfen wird und So dem Ernährungshilfswerk im Rahmen des Vierjahresplanes

verloren geht. Deshalb wird darauf aufmerksam gemacht, dass **alle als Viehfutter verwertbaren Küchenabfälle in die Hausgefäße der NSV zu werfen sind**. Wer weiterhin **Abfälle**, die der Fütterung von vielen tausend Schweinen dienen, **in den Müll wirft**, schädigt Volksgut und **macht sich strafbar**. **Darum Hausfrauen**: bringt Eure Küchenabfälle **täglich** zu den Sammelgefäßen der NSV. **Haltet die Küchenabfälle nicht tagelang zurück! Eure geringen Bemühungen sichern einen großen Erfolg. Einen Erfolg für Alle!**

NSDAP. Gauleitung Berlin.

Ко всем домохозяйкам!

Обнаружилось, что **все еще** очень значительная часть **пищевых отходов** выбрасывается в мусор и таким образом не может быть использована комитетом по распределению питания в рамках 4-летнего плана. Поэтому помните, что **все пригодные для корма скота пищевые отходы необходимо отправлять в специальные баки**.

Кто выбрасывает отходы, и другие на корм многим тысячам свиней, наносит ущерб народному добру и **нарушает закон**.

Поэтому, домохозяйки: приносите ваши пищевые отходы к специальным бакам **ежедневно**. **Не накапливайте отходы!**

Ваши малые усилия обеспечат большой успех. Успех для Всех!

Национал-социалистическая рабочая партия Германии. Гауляйтунг Берлин.

(Жирный шрифт — в оригинале, перевод мой. — В.Ч.)

В листовке речь идет о мерах по рационированию продуктов — заявленная тема текста. Текст содержит прямое обращение к гражданам, а именно женщинам, домохозяйкам, указан отправитель сообщения — национал-социалистическая партия. Фокусируется внимание на новой государственной системе с новым аппаратом (NSV), административным регулированием («необходимо отправлять...»), ее целях и ее врагах («...наносит ущерб... нарушает закон»).

Основной интерес для нас представляет то, как текст показывает социальное положение женщины в Германии. В период Веймарской республики большое количество женщин уже име-

ло работу, это порождало постепенно их новые потребности и притязания на некую общественную роль и некоторое влияние, что было новым в сравнении с традиционной ролью женщины в прусском обществе. Анализируемый в книге У. Мааса текст не просто отражает эти новые общественные претензии женщин, но и особым образом позиционирует их: «малые усилия» (большого женщине не отводится) связываются с действиями государственного значения.

Текст не просто фокусирует устремления и идеалы домохозяйек того времени, но политизирует их, выстраивая тематическую прогрессию таким образом, что рутинное бытовое дело использования отходов перерастает в государственную задачу («для всех»). В текстовую ткань вплетаются организационно-бюрократические детали: Vierjahresplan (четырёхлетний план), täglich (ежедневно); Sammelgefäße der NSV, что в свою очередь «схватывает» каждодневное существование отдельных граждан, ритуализирует и организует в нужном тоталитарному государству направлении сам быт. Каждый раз пригодные и не пригодные для переработки отходы должны были сортироваться, доставляться к мусоросборникам, что, помимо прочего, приводило к созданию собственного бюрократического аппарата, охватывающего и направляющего действия домохозяек. А это уже не только обеспечивало общественную значимость усилий, но приводило в действие государственную машину контроля и принуждения.

Таким образом, подлинная интенция, усматриваемая в анализируемом тексте У. Маасом, состоит в «огосударствлении» внутренней сущности женщины, считавшейся прежде абсолютно внеполитическим элементом общества.

При внимательном анализе этого исторического документа можно вскрыть еще один, лежащий более глубоко смысловой пласт. Использование пищевых отходов было естественным и само собой разумеющимся явлением в крестьянских хозяйствах. Подлинным адресатом обращения национал-социалистов были городские слои населения, рабочие семьи. Особая «взрывчатая» начинка листовки состояла в том, чтобы побудить, дать

политически оправданную возможность женщинам из низших крестьянских слоев контролировать своих соседей, женщин «лучшего качества» — горожанок.

Такой социально ориентированный дискурсивный анализ позволяет связать данный текст с другими, обеспечивающими в своей совокупности изменение складывавшихся десятилетиями общественных устоев и навязывание иной — в данном случае фашистской — идеологии во всех формах существования общества; он позволяет считать этот текст наравне с другими (политическими, военными и прочими), составной частью фашистского дискурса.

Не менее показателен для наших рассуждений и другой документ того же 1937 г., а именно листовка с призывом обменивать рожь на другой корм для скота.

Zur Sicherung
der deutschen
Brotversorgung

Tausch Roggen gegen Futtermittel!

- Warum?* Aller mahlfähiger Roggen dient der Brotversorgung und gehört nicht in den Futtertrog. Wer Brotgetreide verfüttert, begeht Landesverrat (Hermann Göring auf dem Reichsbauerntag 1936)
- Was?* Roggen wird getauscht gegen: Gerste, Mais, Maisfuttermehl; auf Wunsch gegen Kleie
- Wie?* Der Eintausch erfolgt schlicht um schlicht, d.h. für die gleiche Menge Roggen gibt es die gleiche Menge Futtermittel. Dabei werden Gerste und Mais zum Roggenerzeugerfestpreis, Kleie zum reinen Kleiefestpreis, Maisfuttermehl zum Preise von 7,50 RM pro Zentner sämtlich frei Eisenbahnhauptstation geliefert.
- Wann?* Ab sofort.
- Wer?* Es muß jeder, der Roggen noch zur Verfügung hat, eintauschen. Er ist dazu jedoch erst berechtigt, wenn er sein Roggenablieferungssoll voll erfüllt hat.
- Wo?* Der Eintausch erfolgt durch Abschluß eines Erzeuger-Tauschvertrages mit Deinem gewohnten Verteiler. Du mußt Dich an ihn wenden.

Deine zuständige Kreisbauernschaft wird Dir die vollständige Erfüllung Deines Ablieferungssols und damit Deine Berechtigung zum Eintausch an Hand der vorhandenen Unterlagen bescheinigen.

**Bediene Dich also dieser Möglichkeit des Eintausches!
Du erfüllst damit Deine Pflicht gegenüber dem Volksganzen!**

Для обеспечения
немецких
хлебозаготовок

Меняйте рожь на фураж!

Зачем? Вся подлежащая переработке в муку рожь идет на хлебозаготовку и не подлежит использованию на корм скоту. Кто скармливает скоту зерно, совершает государственное преступление (Герман Геринг, выступление на крестьянском съезде. 1936 г.)

Что? Рожь обменивается на: ячмень, кукурузу, кукурузную муку; по желанию на отруби.

Как? Обмен производится в равных объемах: т.е. за один объем ржи дается такой же объем кормовых. При этом ячмень и кукуруза доставляются по установленной цене производства ржи, отруби — по чистой цене за отруби, кормовая кукурузная мука по 7,5 рейхсмарки за центнер бесплатно до железнодорожной станции к месту доставки.

Когда? С этого момента.

Кто? Каждый, кто имеет еще в распоряжении рожь, должен совершить обмен. Но он имеет это право, только если уже полностью выполнил обязательную поставку ржи.

Где? Обмен осуществляется посредством заключения договора заготовки и обмена с Твоим постоянным поставщиком. Ты должен обратиться к нему.

**Воспользуйся возможностью обмена!
Этим ты выполнишь свой долг перед всем народом!**

(Выделение жирным шрифтом в оригинале,
перевод мой. — В. Ч.)

Итак, повторяя исходный вопрос: почему этот текст можно рассматривать наряду с иными — политическими, военными и прочими документами как пример фашистской идеологии? Что делает этот текст элементом фашистского дискурса?

Нельзя не обратить внимание на особую инсценировку послания. Здесь риторически и графически четко выделены содержательные акценты. Вопросы *Зачем? Что? Когда? Кто? Где?* захватывают внимание и выстраивают содержательную ось текста. Листовка имеет сфокусированную персональную обращенность к адресату — «каждый должен»; «ты должен». Инициатива действий очень тонко перелagается на самого адресата: «твой долг»; неопределенное указание на сроки исполнения «с этого момента» имеет сильное мобилизующее значение для читающего листовку: другие могли это сделать уже вчера! Подчеркивается патриотическая значимость дела для Германии — «перед всем народом», возможные последствия невыполнения — «совершает государственное преступление».

В архитектурном отношении выделяются своего рода зачин, представляющий авторитет партии — это актуализируется ссылкой на Геринга и упоминанием санкции; и основная часть, фокусирующая роль отдельной личности в строительстве новой государственной машины. При этом сильные позиции текста — его начало и конец — образуют кольцевую структуру. Лексемы «немецкое» в инициальной строке и «весь народ» в заключительном предложении замыкают все текстовое пространство на идее включения каждого индивидуума в государственную систему.

Призыв охватывает крестьянство, т.е. область сельского хозяйства, традиционно удаленную от политизированного центра. И если посмотреть на анализируемый текст с точки зрения его тема-рематического структурирования, то становится очевидно следующее. Темой, т.е. исходной позицией, здесь является новое государство с его административным аппаратом и партийным руководством, а ремой, коммуникативно новой, утвержденной частью, становится форма «огосударствления», «ополитизирования» и, в итоге, обезличивания отдельного гражда-

нина-крестьянина: «Весь народ» хочет, и «ты» должен делать. Прочитанный таким образом, этот текст становится в один ряд с политической пропагандой национал-социалистической партии, формирующей сознание общества в нужном ей направлении. В таком соположении и иные типы текстов — политические воззвания, официальные речи политиков, газетные статьи, сводки с фронта и прочее — воспринимаются отчетливее, ярче как выражающие общую интенцию фашистского дискурса.

Нельзя обойти вниманием и роль паралингвистических средств, а именно, шрифта и типографского оформления текстов в создании особого воздействующего эффекта. Рассмотренные тексты, как и масса других им подобных периода Третьего рейха, печатались в оригинале готическим шрифтом. В то время с готическим шрифтом связывались ассоциации с эпохой Реформации, кардинальных перемен в Европе и германском обществе и, значит, семантика готического шрифта встраивалась в общий ряд национал-социалистических призывов создать «новую Германию» и Новый рейх и сильно влияла на адресата, актуализируя в его памяти исторические традиции немцев. Эта связь шрифта и тоталитарного дискурса настолько сильна, что и сегодня готическое написание вызывает стойкие ассоциации с фашистской идеологией.

Итак, дискурс может анализироваться как языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность. Каждый текст — часть соответствующей дискурсивной формации квалифицируется как социальное высказывание, — отражение надындивидуальной, коллективной («серийной», по У. Маасу, 1984) речевой практики. Дискурсивный анализ при этом рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл.

Приведенные примеры и наш комментарий позволяют сделать некоторые общие выводы о существовании и принципах дискурсивного анализа.

8.4. Методы дискурсивного анализа

Говоря об особых принципах дискурсивного анализа, мы имеем в виду ответ на вопрос, *чем анализ дискурса отличается от традиционного анализа текста? Где кончается анализ текста и начинается анализ дискурса?* Итак, следует различать несколько уровней языкового анализа, дающих в своей совокупности представление о дискурсивном анализе.

Уровень (отдельного) коммуникативного акта. Здесь определяется коммуникативная функция (интенция, коммуникативное намерение) конкретного высказывания / совокупности высказываний.

Уровень (отдельного) текста. Выявляются особенности актуализации в тексте его коммуникативных антропоцентров: автора и адресата сообщения. Выявляется доминирующая и сопутствующие функции текста, а именно: информативная, оценочная, аппелятивная, декларативная, директивная, контактоустанавливающая, аргументативная, персуазивная и т.п. Устанавливается тема сообщения. Анализ ведется на текстовой плоскости, в системе внутритекстовых взаимосвязей между слагаемыми текстового целого; выявляется, как слова, словосочетания, предложения, соединяясь между собой, создают тематическую прогрессию, или макроструктуру текста.

Уровень глубинного макросемантического анализа текста, его смысловой структуры. При этом главный акцент лежит на выявлении того, какие языковые и композиционные единицы оказываются прагматически сфокусированными, играют центральную роль раскрытия смыслового замысла.

Уровень над- и вокругтекстового анализа. Позволяет связать те или иные слова, высказывания, порождаемые ими смыслы с «духом времени», т.е. историческими, психологическими, идеологическими, социальными, межличностными и другими экстралингвистическими факторами. Выстраивается или, точнее, расшифровывается такой общий смысл, который учитывает все значимые факторы, участвующие в его конструировании.

Уровень межтекстового дискурсивного анализа. Выявляются содержательно однородные типы текстов, обеспечивающие в своей совокупности когерентность внутри одной дискурсивной формации. Механизм анализа диктуется теорией интертекстуальности.

Дискурсивный анализ обнаруживает, таким образом, параллели с герменевтической традицией анализа отдельных произведений, при котором некая интерпретация текста как первоначальная гипотеза нуждается в подтверждении, перепроверке, в конечном счете, в опоре на дальнейшие источники. Различие состоит в том, что в дискурсивной проекции при установлении смысла текста, не заявляемой, но действительно проступающей из сплетения внутритекстовых связей и его широкого экстралингвистического фона темы текста, и, далее, при объединении содержательно однородных текстов в единый тип дискурса начинают действовать особые правила, особая «регулярность дискурса».

Можно говорить об особой семантике дискурса — наряду с семантикой слова, семантикой предложения и семантикой текста. В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употребленных в дискурсе единиц, их узкоконтекстуальное значение, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений. Дискурсивная семантика анализирует и сопоставляет значения слов и / или предложений не только из одного текста, но отобранных для дискурсивного анализа из разных текстов, объединенных тематически.

Таким образом, дискурсивный анализ — это анализ макро-семантический и одновременно глубинно-семантический. На уровне дискурса действует исследовательская стратегия, направленная на выявление эпистемических предпосылок и условий конструирования речевых — текстовых значений, позволяющая обнаружить в данном значении слова или предложения его социально-историческое происхождение (ср.: Busse, Teubert 1994: 27).

В соответствии с принципами дискурсивного анализа некий текст будет считаться «расистским», «фашистским», «перестроечным» и т.д. не потому, что в нем встречается слово «раса», «фашизм» или «перестройка», но потому, что этот — расистский, например, — текст так или иначе рассматривает вопросы, утверждающие неравенство одних людей по сравнению с другими, что может находить свое языковое оформление в самых разных понятиях и концептах: (не) «нормальное», «правильное», «лучшее», «здоровое» и прочее. И наоборот, использование слов «патриотизм, патриот» в текстах националистических партий не ставит их содержание в один ряд с подлинно патриотическими текстами. Ибо значение этих слов в националистических текстах входит в противоречие со смыслом текстового целого.

Дискурсивный анализ обнаруживает также параллели с когнитивно ориентированным анализом. Если исходить из понимания дискурса как языкового отражения коллективной — надындивидуальной — текстовой практики, то лингвистика дискурса приходит в соприкосновение с методами когнитивной семантики или — шире — когнитивной лингвистики. Последняя изучает, как известно, процессы познания, интерпретации, архивирования знания человеком. Здесь отношения между дискурсивным анализом / лингвистикой дискурса и когнитивной лингвистикой обоюдонаправлены: обе дисциплины обогащают друг друга собственной методикой. Дискурсивный анализ может рассматриваться как метод в рамках когнитивной лингвистики, позволяющий анализировать и описывать коллективное знание. Более конкретно это может быть обозначено как вопрос о том, в какой степени «коллективное знание», т.е. то, что подразумевается как известное другим, фоновое знание, сопровождающее порождение и восприятие конкретного высказывания, образует целый дискурс, и как, в свою очередь, дискурс, т.е. корпус определенных текстов оказывает влияние на то, что начинает восприниматься как коллективное знание (см. примеры и комментарии в разделе «Дискурсивность как свойство текста и как критерий тексту-

альности»). Когнитивная лингвистика заимствует при таком подходе принципы дискурсивного анализа, когда интерпретация смысла высказывания осуществляется с опорой на 1) языковое знание (знание семантики, значения в узком смысле слова), 2) ситуативно-обусловленное фоновое знание; 3) энциклопедическое знание о мире, что подразумевает выходящую за рамки лингвистики теорию культурной памяти, культурно-семиотической интертекстуальности.

В свою очередь, в практике лингвистического анализа дискурсов ценными оказываются категории когнитивной лингвистики: фрейм, скрипт, слот и др. В самых общих чертах, фреймовый анализ исходит из того, что человеческое знание организовано в виде «схем» — ментальных образцов, моделей, определяющих восприятие человеком окружающей действительности. Фрейм оказывает существенное влияние на интерпретацию действительности, поскольку создает определенный фокус восприятия. Фрейм как ментальная схема («рамка в сознании») фокусирует определенные факты, процессы, явления как взаимообусловленные и подразумевающие друг друга. Например, фрейм «университет» предполагает ситуативную взаимосвязь: студенты, профессора, библиотеки, лекции, столовая и др. И в дальнейшем в анализе сверху вниз слоты заполняются на основании энциклопедических, процедурных знаний, например, «библиотека» подразумевает книги, тишину.

Дискурсивный анализ осуществляется в ином порядке: через видимые в текстах языковые единицы реконструируется рамочная структура целого фрейма и далее выводится «коллективное знание». Здесь исследователь задается вопросом, какие семантические отношения могут быть установлены в дискурсе между отдельными словами, какие значения слова становятся центральными? Если, например, в окружении слова «лес» среди прочего встречаются такие слова, как «вырубать», «поврежденный», «вред» и т.п., то таким образом возникает фрейм «лес в опасности» и устанавливается дискурсивная связь данного текста с экологическим дискурсом. Если, напротив, «лес» коррелирует с «прогулка», «полезно», «тень», «ти-

шина», «чистый воздух», то возникает фрейм «лес как место отдыха» и связь с иным дискурсом (прим. по: Spitzmüller, Warnke 2011: 91–95).

Итак, говоря об отличиях принципов и дискурсивного анализа и текстового анализа, подчеркнем:

- *Текстовый анализ — анализ тематической прогрессии в рамках отдельного текстового целого, синхронически ориентированный.*
- *Дискурсивный анализ осуществляется как анализ ретро- и перспективно ориентированный, анализ системный, в том числе диахронически ориентированный.*

Представленная концепция дискурса вносит в его определение как текста в совокупности с широким экстралингвистическим контекстом принципиальное уточнение: под контекстом понимается непосредственно общественный контекст, историческая социокультурная, политическая и идеологическая практика. Значимость этой концепции заключена в теоретической и практической разработке методологии и принципов дискурсивного анализа, позволяющего сделать прозрачными отношения между функционированием тех или иных языковых средств и форм и соответствующими институциональными структурами.

Возвращаясь к «власти дискурса», поясним еще раз содержание, которое в него вкладывается. Речь идет о возможности и условии для воспроизводства — многократного тиражирования в форме различного типа текстов некой идеологии. Общая черта рекламы, пропаганды, того, что называется паблик рилейшнз, состоит в том, что *организация, система влияет на индивида, а не столько индивид на индивида*. Будучи представленной во всех возможных сегментах, областях человеческой деятельности и общения — в политике, СМИ, военном деле, в обиходно-бытовом общении и т.д. — с помощью своего особого языкового выражения, определенная идеология способна стать и становится доминирующей и в определенных условиях единственно возможной.

Все иные высказывания, содержательно и идеологически не соответствующие общей теме дискурса, вытесняются за его пределы, значит, становятся неприемлемыми для говорящих «на своем языке и на свою тему». «Серийное производство» объединенных в смысловом отношении текстов делает невозможными альтернативные единичные высказывания — они просто не будут замечены в массе дискурса или же будут насильственно заглушаться, как это происходит в случае тоталитарной диктатуры одной идеи. Власть дискурса возможна постольку, поскольку она воспроизводится везде: в сфере политической деятельности, административного управления, в прессе, через СМИ, в быту, в каждодневном существовании личности транслируются одни и те же идеи, оценки, взгляды, создающие в своей совокупности единое представление.

Властные механизмы дискурса следует понимать как комплексную, систематическую и регулярную реализацию персуазивных стратегий и приемов воздействия, позволяющих в своей совокупности управлять сознанием и поведением индивида и / или социальных групп.

Дискурс — это не только языковое отражение и выражение существующей социальной практики, но и инструмент инсценирования этой практики. Властные механизмы дискурса структурируют общество так, что «выпавший за рамку дискурса» и объявленный, например, виновным, инакомыслящим лишается возможности высказываться потому, что оказывается без инструмента распространения своих взглядов и оценок. Эти оценки будут погашены, подавлены, нейтрализованы в текстовом массиве «своего». Они останутся также без адреса, способного адекватно интерпретировать их. В этом случае сопротивление власти одного дискурса возможно только и именно посредством другого дискурса с теми же по принципу действия механизмами подавления чужого.

Эти утверждения о власти дискурса не нужно понимать только применительно к политической коммуникации. Представленный механизм социальной власти действует как общий, и проследить его можно во всех областях человеческого

общения как в прошлом, так и в настоящем. Чрезвычайно показательным примером в этой связи может стать научная коммуникация, научное познание, несвободное от (частичной) закрытости к «чужим идеям» (подробнее: Чернявская 2011).

Литература для углубленного чтения по главе IV

1. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. — М.: URSS, 2011.
2. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs. — Tübingen: Niemeyer, 2002.
3. Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. — de Gruyter, 2011.

Заключение

Суммируя рассуждения о лингвистике текста как уже традиционной лингвистической дисциплине и о лингвистике дискурса как об относительно новой отрасли исследования, подчеркнем следующее.

1. Развитие лингвистики дискурса и ее статус как самостоятельной лингвистической дисциплины в блоке языковедческих наук связан с выходом исследовательского интереса за рамки отдельного текста. Позиционирование лингвистики дискурса — это одно из проявлений экспансионизма в гуманитарной науке вообще и лингвистике в частности. Прделан путь от «сверхфразового» единства к сверхтекстовому единству, от предложения, текста — к дискурсу. Текст сегодня должен анализироваться (и анализируется!) вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии — дискурсом. Текст не противостоит дискурсу, но сосуществует с ним. Для лингвиста это означает укрупнение объекта анализа, выведение его в метаперспективу и в новую систему координат. Именно с укрупнением и расширением лингвистического объекта следует связывать меняющиеся взгляды на сущность текстуальности и ее признаков. Дискурсивность как один из признаков в системе текстуальности характеризует особое свойство текста — его интегрированность в метапространство дискурса, открытый текст существует в открытом дискурсе.
2. Потенциал современной лингвистической теории, ее развитие связаны, как видится, с подходом к тексту в гибкости и подвижности его границ. Границ внутренних, определяющих статус текстуальности как таковой, и границ внешних, межтекстовых, обуславливающих функционирование текста в нетипичных для него коммуникативных условиях. Процессуальность присутствует в тексте как его внутренне заложенный признак. Процессуальность, потенциально заложенная в тексте, получает свою абсолютную выраженность в дискурсе.

3. Перспективы развития лингвистики дискурса могут и должны быть связаны с изучением различных форм текстовой гетерогенности, гибридности, прослеживаемой на уровне как формы, так и содержания, а также с изучением взаимодействия дискурсов — интердискурсивности, поликодовости. При этом поликодовость означает здесь взаимодействие различных семиотических систем при создании когерентного целого, например, вербально-визуальное единство. О поликодовом тексте можно говорить и в случае взаимодействия различных дискурсов как системы когнитивных стратегий, операциональных шагов, языковых единиц и структур, правил их использования и интерпретации в конкретных коммуникативных целях.

Тексты и задания для самостоятельного анализа

I

Проанализируйте данные ниже тексты с опорой на следующие задания.

- Определите тип текста.
- Установите основную (доминирующую) и сопутствующие текстовые функции.
- Отметьте лингвистические средства, с помощью которых в текстовой ткани актуализируется а) субъект речи / адресант и б) ее адресат. Предстает адресант как единичный, индивидуализированный или же коллективный субъект речи? Каковы коммуникативно-прагматические отношения между адресантом и адресатом в тексте — коммуникативно (не) равноправные, авторитарные, отношения воздействия, управления одного другим?
- Какими способами устанавливается контакт с адресатом (слушающей / читающей аудиторией)? Каковы формы обращения к адресату и их прагматическая функция? Идентифицирует ли себя субъект речи с потенциальным адресатом? С помощью каких средств и для каких целей?
- Каковы лингвистические средства управления вниманием читателя?

II

- Обратите внимание на композиционную организацию текстового целого. Какова основная тема (предмет) сообщения? Каковы основные понятия, ключевые слова текста?
- Какова роль сильных позиций текста — его начала и конца в представлении темы, в установлении контакта с адресатом?
- Определите основные коммуникативные стратегии, лежащие в основе тематического развертывания текстового целого.

Проследите, каким стратегиям и приемам подчинен выбор тех или иных языковых средств, используемых автором текста.

- При этом обратите особое внимание а) на лексический состав текста, наличие оценочных определений, идиоматических выражений, стереотипов, речевых клише, средств образности (метафор, метонимий, аллегорий, гипербол, литот, примеров иронии) и др. и б) на грамматико-синтаксическое наполнение текста (синтаксические повторы, параллелизмы; наличие императивных, вопросительных, риторических конструкций, тип сложных предложений: причины, следствия, временной обусловленности и проч.). Какова роль этих средств в создании общего коммуникативного эффекта текста?

III

- Какие содержательные аспекты находятся в «прагматическом фокусе» текста, т.е. оцениваются как центральные для понимания общего смысла текста?
- С помощью каких средств отправитель сообщения выделяет те или иные высказывания (лексический и грамматический повтор, фигуры контраста, средства образности, ключевые слова и т.п.)?
- Сопоставьте первоначальные предположения о теме и коммуникативном назначении текста с теми, которые сложились по окончании анализа.

Английский язык

Текст 1. Ronald Reagan's address to the Nation on the Economy, 1981

GOOD EVENING

I'm speaking to you tonight to give you a report on the state of our nation's economy. I regret to say that we're in the worst economic mess since the Great Depression.

A few days ago I was presented with a report I'd asked for, a comprehensive audit, if you will, of our economic condition. You won't like it. I didn't like it. But we have to face the truth and then go to work to turn things around. And make no mistake about it, we can turn them around.

I'm not going to subject you to the jumble of charts, figures, and economic jargon of that audit, but rather will try to explain where we are, how we got there, and how we can get back. First, however, let me just give a few "attention getters" from the audit.

The federal budget is out of control, and we face runaway deficits of almost \$80 billion for this budget year that ends September 30th. That deficit is larger than the entire federal budget in 1957, and so is the almost \$80 billion we will pay in interest this year on the national debt.

Twenty years ago, in 1960, our federal government payroll was less than \$13 billion. Today it is 75 billion. During these twenty years our population has only increased by 23.3 percent. The federal budget has gone up 528 percent.

Now, we've just had two years of back-to-back double-digit inflation — 13.3 percent in 1979. 12.4 percent last year. The last time this happened was in World War I.

In 1960 mortgage interest rates averaged about 6 percent. They're two and a half times as high now, 15.4 percent.

The percentage of your earnings the federal government took in taxes in 1960 has almost doubled.

And finally there are 7 million Americans caught up in the personal indignity and human tragedy of unemployment. If they stood in a line, allowing three feet for each person, the line would reach from the coast of Maine to California.

Well, so much for the audit itself. Let me try to put this in personal terms. Here is a dollar such as you earned, spent, or saved in 1960. And here is a quarter, a dime, and a penny — thirty-six cents. That's what this 1960 dollar is worth today. And if the present world inflation rate should continue three more years, that dollar of 1960 will be worth a quarter. What initiative is there to save? And if we don't save we're short of

the investment capital needed for business and industry expansion. Workers in Japan and West Germany save several times the percentage of their income that Americans do.

What's happened to that American dream of owning a home? Only ten years ago a family could buy a home, and the monthly payment averaged little more than a quarter — twenty-seven cents out of each dollar earned. Today, it takes forty-two cents out of every dollar of income. So, fewer than one out of eleven families can afford to buy their first new home.

Regulations adopted by government with the best of intentions have added \$666 to the cost of an automobile. It is estimated that altogether regulations of every kind, on shopkeepers, farmers, and major industries, add \$100 billion or more to the cost of the goods and services we buy. And then another 20 billion is spent by government handling the paperwork created by those regulations.

I'm sure you're getting the idea that the audit presented to me found government policies of the last few decades responsible for our economic troubles. We forgot or just overlooked the fact that government — any government — has a built-in tendency to grow. Now, we all had a hand in looking to government for benefits as if government had some source of revenue other than our earnings. Many if not most of the things we thought of or that government offered to us seemed attractive.

In the years following the Second World War it was easy, for a while at least, to overlook the price tag. Our income more than doubled in the twenty-five years after the war. We increased our take-home pay in those twenty-five years by more than we had amassed in all the preceding one hundred and fifty years put together. Yes, there was some inflation, 1 or ivk percent a year. That didn't bother us. But if we look back at those golden years, we recall that even then voices had been raised, warning that inflation, like radioactivity, was cumulative and that once started it could get out of control.

Some government programs seemed so worthwhile that borrowing to fund them didn't bother us. By 1960 our national debt

stood at \$284 billion. Congress in 1971 decided to put a ceiling of 400 billion on our ability to borrow. Today the debt is 934 billion. So-called temporary increases or extensions in the debt ceiling have been allowed twenty-one times in these ten years, and now I've been forced to ask for another increase in the debt ceiling or the government will be unable to function past the middle of February — and I've only been here sixteen days. Before we reach the day when we can reduce the debt ceiling, we may in spite of our best efforts see a national debt in excess of a trillion dollars. Now, this is a figure that's literally beyond our comprehension.

We know now that inflation results from all that deficit spending. Government has only two ways of getting money other than raising taxes. It can go into the money market and borrow, competing with its own citizens and driving up interest rates, which it has done, or it can print money, and it's done that. Both methods are inflationary.

We're victims of language. The very word "inflation" leads us to think of it as just high prices. Then, of course, we resent the person who puts on the price tags, forgetting that he or she is also a victim of inflation. Inflation is not just high prices; it's a reduction in the value of our money. When the money supply is increased but the goods and services available for buying are not, we have too much money chasing too few goods. Wars are usually accompanied by inflation. Everyone is working or fighting, but production is of weapons and munitions, not things we can buy and use.

Now, one way out would be to raise taxes so that government need not borrow or print money. But in all these years of government growth, we've reached, indeed surpassed, the limit of our people's tolerance or ability to bear an increase in the tax burden. Prior to World War II, taxes were such that on the average we only had to work just a little over one month each year to pay our total federal, state, and local tax bill. Today we have to work four months to pay that bill.

Some say shift the tax burden to business and industry, but business doesn't pay taxes. Oh, don't get the wrong idea. Busi-

ness is being taxed, so much so that we're being priced out of the world market. But business must pass its costs of operations — and that includes taxes — on to the customer in the price of the product. Only people pay taxes, all the taxes. Government just uses business in a kind of sneaky way to help collect the taxes. They're hidden in the price; we aren't aware of how much tax we actually pay.

Today this once great industrial giant of ours has the lowest rate of gain in productivity of virtually all the industrial nations with whom we must compete in the world market. We can't even hold our own market here in America against foreign automobiles, steel, and a number of other products. Japanese production of automobiles is almost twice as great per worker as it is in America. Japanese steelworkers outproduce their American counterparts by about 2.5 percent.

Now, this isn't because they're better workers. I'll match the American working man or woman against anyone in the world. But we have to give them the tools and equipment that workers in the other industrial nations have.

We invented the assembly line and mass production, but punitive tax policies and excessive and unnecessary regulations plus government borrowing have stifled our ability to update plant and equipment. When capital investment is made, it's too often for some unproductive alterations demanded by government to meet various of its regulations. Excessive taxation of individuals has robbed us of incentive and made overtime unprofitable.

We once produced about 40 percent of the world's steel. We now produce 19 percent. We were once the greatest producer of automobiles, producing more than all the rest of the world combined. That is no longer true, and in addition, the "Big Three", the major auto companies in our land, have sustained tremendous losses in the past year and have been forced to lay off thousands of workers.

All of you who are working know that even with cost-of-living pay raises, you can't keep up with inflation. In our progressive tax system, as you increase the number of dollars you

earn, you find yourself moved up into higher tax brackets, paying a higher tax rate just for trying to hold your own. The result? Your standard of living is going down.

Over the past decades we've talked of curtailing government spending so that we can then lower the tax burden. Sometimes we've even taken a run at doing that. But there were always those who told us that taxes couldn't be cut until spending was reduced. Well, you know, we can lecture our children about extravagance until we run out of voice and breath. Or we can cure their extravagance by simply reducing their allowance.

It's time to recognize that we've come to a turning point. We're threatened with an economic calamity of tremendous proportions, and the old business-as-usual treatment can't save us. Together, we must chart a different course.

We must increase productivity. That means making it possible for industry to modernize and make use of the technology which we ourselves invented. That means putting Americans back to work. And that means above all bringing government spending back within government revenues, which is the only way, together with increased productivity, that we can reduce and, yes, eliminate inflation.

In the past we've tried to fight inflation one year and then, with unemployment increased, turn the next year to fighting unemployment with more deficit spending as a pump primer. So, again, up goes inflation. It hasn't worked. We don't have to choose between inflation and unemployment—they go hand in hand. It's time to try something different, and that's what we're going to do.

I've already placed a freeze on hiring replacements for those who retire or leave government service. I've ordered a cut in government travel, the number of consultants to the government, and the buying of office equipment and other items. I've put a freeze on pending regulations and set up a task force under Vice President Bush to review regulations with an eye toward getting rid of as many as possible. I have decontrolled oil, which should result in more domestic production and less dependence

on foreign oil. And I'm eliminating that ineffective Council on Wage and Price Stability.

But it will take more, much more. And we must realize there is no quick fix. At the same time, however, we cannot delay in implementing an economic program aimed at both reducing tax rates to stimulate productivity and reducing the growth in government spending to reduce unemployment and inflation.

On February 18th, I will present in detail an economic program to Congress embodying the features I've just stated. It will propose budget cuts in virtually every department of government. It is my belief that these actual budget cuts will only be part of the savings. As our cabinet secretaries take charge of their departments, they will search out areas of waste, extravagance, and costly overhead which could yield additional and substantial reductions.

Now, at the same time we're doing this, we must go forward with a tax relief package. I shall ask for a 10-percent reduction across the board in personal income tax rates for each of the next three years. Proposals will also be submitted for accelerated depreciation allowances for business to provide necessary capital so as to create jobs.

Now, here again, in saying this, I know that language, as I said earlier, can get in the way of a clear understanding of what our program is intended to do. Budget cuts can sound as if we're going to reduce total government spending to a lower level than was spent the year before. Well, this is not the case. The budgets will increase as our population increases, and each year we'll see spending increases to match that growth. Government revenues will increase as the economy grows, but the burden will be lighter for each individual, because the economic base will have been expanded by reason of the reduced rates.

Now, let me show you a chart that I've had drawn to illustrate how this can be.

Here you see two trend lines. The bottom line shows the increase in tax revenues. The red line on top is the increase in government spending. Both lines turn upward, reflecting the giant tax increase already built into the system for this year

1981, and the increases in spending built into the '81 and '82 budgets and on into the future. As you can see, the spending line rises at a steeper slant than the revenue line. And that gap between those lines illustrates the increasing deficits we've been running, including this year's \$80-billion deficit.

Now, in the second chart, the lines represent the positive effects when Congress accepts our economic program. Both lines continue to rise, allowing for necessary growth, but the gap narrows as spending cuts continue over the next few years until finally the two lines come together, meaning a balanced budget.

I am confident that my administration can achieve that. At that point tax revenues, in spite of rate reductions, will be increasing faster than spending, which means we can look forward to further reductions in the tax rates.

Now, in all of this we will, of course, work closely with the Federal Reserve System toward the objective of a stable monetary policy.

Our spending cuts will not be at the expense of the truly needy. We will, however, seek to eliminate benefits to those who are not really qualified by reason of need.

As I've said before, on February 18th I will present this economic package of budget reductions and tax reform to a joint session of Congress and to you in full detail.

Our basic system is sound. We can, with compassion, continue to meet our responsibility to those who, through no fault of their own, need our help. We can meet fully the other legitimate responsibilities of government. We cannot continue any longer our wasteful ways at the expense of the workers of this land or of our children.

Since 1960 our government has spent \$5.1 trillion. Our debt has grown by 648 billion. Prices have exploded by 178 percent. How much better off are we for all that? Well, we all know we're very much worse off. When we measure how harshly these years of inflation, lower productivity, and uncontrolled government growth have affected our lives, we know we must act and act now. We must not be timid. We will restore the freedom of all men and

women to excel and to create. We will unleash the energy and genius of the American people, traits which have never failed us.

To the Congress of the United States, I extend my hand in cooperation, and I believe we can go forward in a bipartisan manner. I've found a real willingness to cooperate on the part of Democrats and members of my own party.

To my colleagues in the executive branch of government and to all federal employees, I ask that we work in the spirit of service.

I urge those great institutions in America, business and labor, to be guided by the national interest, and I'm confident they will. The only special interest that we will serve is the interest of all the people.

We can create the incentives which take advantage of the genius of our economic system—a system, as Walter Lippmann observed more than forty years ago, which for the first time in history gave men “a way of producing wealth in which the good fortune of others multiplied their own.”

Our aim is to increase our national wealth so all will have more, not just redistribute what we already have, which is just a sharing of scarcity. We can begin to reward hard work and risk-taking, by forcing this government to live within its means.

Over the years we've let negative economic forces run out of control. We stalled the judgment day, but we no longer have that luxury. We're out of time.

And to you, my fellow citizens, let us join in a new determination to rebuild the foundation of our society, to work together, to act responsibly. Let us do so with the most profound respect for that which must be preserved as well as with sensitive understanding and compassion for those who must be protected.

We can leave our children with an unrepayable massive debt and a shattered economy, or we can leave them liberty in a land where every individual has the opportunity to be whatever God intended us to be. All it takes is a little common sense and recognition of our own ability. Together we can forge a new beginning for America.

Thank you, and good night.

Текст 2. Ronald Reagan's Remarks at the Brandenburg Gate, West Berlin, 1987.

Chancellor Kohl, Governing Mayor Diepgen, ladies and gentlemen:

Twenty-four years ago, President John F. Kennedy visited Berlin, speaking to the people of this city and the world at the City Hall. Well, since then two other presidents have come, each in his turn, to Berlin. And today I, myself, make my second visit to your city.

We come to Berlin, we American presidents, because it's our duty to speak, in this place, of freedom. But I must confess, we're drawn here by other things as well: by the feeling of history in this city, more than five hundred years older than our own nation; by the beauty of the Grinewald and the Tiergarten; most of all, by your courage and determination.

Perhaps the composer Paul Lincke understood something about American presidents. You see, like so many presidents before me, I come here today because wherever I go, whatever I do: *Ich hab noch einen Koffer in Berlin*. [I still have a suitcase in Berlin.]

Our gathering today is being broadcast throughout Western Europe and North America. I understand that it is being seen and heard as well in the East. To those listening throughout Eastern Europe, I extend my warmest greetings and the goodwill of the American people. To those listening in East Berlin, a special word: Although I cannot be with you, I address my remarks to you just as surely as to those standing here before me. For I join you, as I join your fellow countrymen in the West, in this firm, this unalterable belief: *Es gibt nur ein Berlin*. [There is only one Berlin.]

Behind me stands a wall that encircles the free sectors of this city, part of a vast system of barriers that divides the entire continent of Europe. From the Baltic, south, those barriers cut across Germany in a gash of barbed wire, concrete, dog runs, and guard towers. Farther south, there may be no visible, no obvious wall. But there remain armed guards and checkpoints all the same—

still a restriction on the right to travel, still an instrument to impose upon ordinary men and women the will of a totalitarian state. Yet it is here in Berlin where the wall emerges most clearly; here, cutting across your city, where the news photo and the television screen have imprinted this brutal division of a continent upon the mind of the world. Standing before the Brandenburg Gate, every man is a German, separated from his fellow men. Every man is a Berliner, forced to look upon a scar.

President von Weizsacker has said, "The German question is open as long as the Brandenburg Gate is closed." Today I say: As long as this gate is closed, as long as this scar of a wall is permitted to stand, it is not the German question alone that remains open, but the question of freedom for all mankind. Yet I do not come here to lament. For I find in Berlin a message of hope, even in the shadow of this wall, a message of triumph.

In this season of spring in 1945, the people of Berlin emerged from their air-raid shelters to find devastation. Thousands of miles away, the people of the United States reached out to help. And in 1947 Secretary of State—as you've been told—George Marshall announced the creation of what would become known as the Marshall Plan. Speaking precisely forty years ago this month, he said: "Our policy is directed not against any country or doctrine, but against hunger, poverty, desperation, and chaos."

In the Reichstag a few moments ago, I saw a display commemorating this fortieth anniversary of the Marshall Plan. I was struck by the sign on a burnt-out, gutted structure that was being rebuilt. I understand that Berliners of my own generation can remember seeing signs like it dotted throughout the western sectors of the city. The sign read simply: "The Marshall Plan is helping here to strengthen the free world." A strong, free world in the West, that dream became real. Japan rose from ruin to become an economic giant. Italy, France, Belgium—virtually every nation in Western Europe saw political and economic rebirth; the European Community was founded.

In West Germany and here in Berlin, there took place an economic miracle, the *Wirtschaftswunder*. Adenauer, Erhard,

Reuter, and other leaders understood the practical importance of liberty—that just as truth can flourish only when the journalist is given freedom of speech, so prosperity can come about only when the farmer and businessman enjoy economic freedom. The German leaders reduced tariffs, expanded free trade, lowered taxes. From 1950 to 1960 alone, the standard of living in West Germany and Berlin doubled.

Where four decades ago there was rubble, today in West Berlin there is the greatest industrial output of any city in Germany—busy office blocks, fine homes and apartments, proud avenues, and the spreading lawns of parkland. Where a city’s culture seemed to have been destroyed, today there are two great universities, orchestras and an opera, countless theaters, and museums. Where there was want, today there’s abundance—food, clothing, automobiles—the wonderful goods of the Ku’damm. From devastation, from utter ruin, you Berliners have, in freedom, rebuilt a city that once again ranks as one of the greatest on earth. The Soviets may have had other plans. But my friends, there were a few things the Soviets didn’t count on—*Berliner Herz, Berliner Humor, ja, und Berliner Schnauze*. [Berliner heart, Berliner humor, yes, and a Berliner *Schnauze*.] [Laughter]

In the 1950s, Khrushchev predicted: “We will bury you.” But in the West today, we see a free world that has achieved a level of prosperity and well-being unprecedented in all human history. In the Communist world, we see failure, technological backwardness, declining standards of health, even want of the most basic kind—too little food. Even today, the Soviet Union still cannot feed itself. After these four decades, then, there stands before the entire world one great and inescapable conclusion: Freedom leads to prosperity. Freedom replaces the ancient hatreds among the nations with comity and peace. Freedom is the victor.

And now the Soviets themselves may, in a limited way, be coming to understand the importance of freedom. We hear much from Moscow about a new policy of reform and openness. Some political prisoners have been released. Certain foreign news

broadcasts are no longer being jammed. Some economic enterprises have been permitted to operate with greater freedom from state control.

Are these the beginnings of profound changes in the Soviet state? Or are they token gestures, intended to raise false hopes in the West, or to strengthen the Soviet system without changing it? We welcome change and openness; for we believe that freedom and security go together, that the advance of human liberty can only strengthen the cause of world peace. There is one sign the Soviets can make that would be unmistakable, that would advance dramatically the cause of freedom and peace.

General Secretary Gorbachev, if you seek peace, if you seek prosperity for the Soviet Union and Eastern Europe, if you seek liberalization: Come here to this gate! Mr. Gorbachev, open this gate! Mr. Gorbachev, tear down this wall!

I understand the fear of war and the pain of division that afflict this continent — and I pledge to you my country's efforts to help overcome these burdens. To be sure, we in the West must resist Soviet expansion. So we must maintain defenses of unassailable strength. Yet we seek peace; so we must strive to reduce arms on both sides.

Beginning ten years ago, the Soviets challenged the Western alliance with a grave new threat, hundreds of new and more deadly SS-20 nuclear missiles, capable of striking every capital in Europe. The Western alliance responded by committing itself to a counterdeployment unless the Soviets agreed to negotiate a better solution; namely, the elimination of such weapons on both sides. For many months, the Soviets refused to bargain in earnestness. As the alliance, in turn, prepared to go forward with its counterdeployment, there were difficult days — days of protests like those during my 1982 visit to this city — and the Soviets later walked away from the table.

But through it all, the alliance held firm. And I invite those who protested then — I invite those who protest today — to mark this fact: Because we remained strong, the Soviets came back to the table. And because we remained strong, today we have with-

in reach the possibility, not merely of limiting the growth of arms, but of eliminating, for the first time, an entire class of nuclear weapons from the face of the earth.

As I speak, NATO ministers are meeting in Iceland to review the progress of our proposals for eliminating these weapons. At the talks in Geneva, we have also proposed deep cuts in strategic offensive weapons. And the Western allies have likewise made far-reaching proposals to reduce the danger of conventional war and to place a total ban on chemical weapons.

While we pursue these arms reductions, I pledge to you that we will maintain the capacity to deter Soviet aggression at any level at which it might occur. And in cooperation with many of our allies, the United States is pursuing the Strategic Defense Initiative—research to base deterrence not on the threat of offensive retaliation, but on defenses that truly defend; on systems, in short, that will not target populations, but shield them. By these means we seek to increase the safety of Europe and all the world. But we must remember a crucial fact: East and West do not mistrust each other because we are armed; we are armed because we mistrust each other. And our differences are not about weapons but about liberty. When President Kennedy spoke at the City Hall those twenty-four years ago, freedom was encircled, Berlin was under siege. And today, despite all the pressures upon this city, Berlin stands secure in its liberty. And freedom itself is transforming the globe.

In the Philippines, in South and Central America, democracy has been given a rebirth. Throughout the Pacific, free markets are working miracle after miracle of economic growth. In the industrialized nations, a technological revolution is taking place—a revolution marked by rapid, dramatic advances in computers and telecommunications.

In Europe, only one nation and those it controls refuse to join the community of freedom. Yet in this age of redoubled economic growth, of information and innovation, the Soviet Union faces a choice: It must make fundamental changes, or it will become obsolete.

Today thus represents a moment of hope. We in the West stand ready to cooperate with the East to promote true openness, to break down barriers that separate people, to create a safer, freer world. And surely there is no better place than Berlin, the meeting place of East and West, to make a start. Free people of Berlin: Today, as in the past, the United States stands for the strict observance and full implementation of all parts of the Four Power Agreement of 1971. Let us use this occasion, the 750th anniversary of this city, to usher in a new era, to seek a still fuller, richer life for the Berlin of the future. Together, let us maintain and develop the ties between the Federal Republic and the Western sectors of Berlin, which is permitted by the 1971 agreement.

And I invite Mr. Gorbachev: Let us work to bring the Eastern and Western parts of the city closer together, so that all the inhabitants of all Berlin can enjoy the benefits that come with life in one of the great cities of the world.

To open Berlin still further to all Europe, East and West, let us expand the vital air access to this city, finding ways of making commercial air service to Berlin more convenient, more comfortable, and more economical. We look to the day when West Berlin can become one of the chief aviation hubs in all central Europe.

With our French and British partners, the United States is prepared to help bring international meetings to Berlin. It would be only fitting for Berlin to serve as the site of United Nations meetings, or world conferences on human rights and arms control or other issues that call for international cooperation.

There is no better way to establish hope for the future than to enlighten young minds, and we would be honored to sponsor summer youth exchanges, cultural events, and other programs for young Berliners from the East. Our French and British friends, I'm certain, will do the same. And it's my hope that an authority can be found in East Berlin to sponsor visits from young people of the Western sectors.

One final proposal, one close to my heart: Sport represents a source of enjoyment and ennoblement, and you may have noted

that the Republic of Korea – South Korea – has offered to permit certain events of the 1988 Olympics to take place in the North. International sports competitions of all kinds could take place in both parts of this city. And what better way to demonstrate to the world the openness of this city than to offer in some future year to hold the Olympic games here in Berlin, East and West?

In these four decades, as I have said, you Berliners have built a great city. You've done so in spite of threats—the Soviet attempts to impose the East-mark, the blockade. Today the city thrives in spite of the challenges implicit in the very presence of this wall. What keeps you here? Certainly there's a great deal to be said for your fortitude, for your defiant courage. But I believe there's something deeper, something that involves Berlin's whole look and feel and way of life—not mere sentiment. No one could live long in Berlin without being completely disabused of illusions. Something instead, that has seen the difficulties of life in Berlin but chose to accept them, that continues to build this good and proud city in contrast to a surrounding totalitarian presence that refuses to release human energies or aspirations. Something that speaks with a powerful voice of affirmation, that says yes to this city, yes to the future, yes to freedom. In a word, I would submit that what keeps you in Berlin is love—love both profound and abiding.

Perhaps this gets to the root of the matter, to the most fundamental distinction of all between East and West. The totalitarian world produces backwardness because it does such violence to the spirit, thwarting the human impulse to create, to enjoy, to worship. The totalitarian world finds even symbols of love and of worship an affront. Years ago, before the East Germans began rebuilding their churches, they erected a secular structure: the television tower at Alexander Platz. Virtually ever since, the authorities have been working to correct what they view as the tower's one major flaw, treating the glass sphere at the top with paints and chemicals of every kind. Yet even today when the sun strikes that sphere—that sphere that towers over all Berlin—the light makes the sign of the cross. There in Berlin,

like the city itself, symbols of love, symbols of worship, cannot be suppressed.

As I looked out a moment ago from the Reichstag, that embodiment of German unity, I noticed words crudely spray-painted upon the wall, perhaps by a young Berliner: "This wall will fall. Beliefs become reality." Yes, across Europe, this wall will fall. For it cannot withstand faith; it cannot withstand truth. The wall cannot withstand freedom.

And I would like, before I close, to say one word. I have read, and I have been questioned since I've been here about certain demonstrations against my coming. And I would like to say just one thing, and to those who demonstrate so. I wonder if they have ever asked themselves that if they should have the kind of government they apparently seek, no one would ever be able to do what they're doing again.

Thank you and God bless you all.

Текст 3. Ronald Reagan's Farewell Address to the Nation, 1989

My fellow Americans:

I've spoken to you from this historic office on many occasions and about many things. The power of the presidency is often thought to reside within this Oval Office. Yet it doesn't rest here; it rests in you, the American people, and in your trust. Your trust is what gives a president his powers of leadership and his personal strength, and it's what I want to talk to you about this evening.

For the past three months, I've been silent on the revelations about Iran. And you must have been thinking: "Well, why doesn't he tell us what is happening? Why doesn't he just speak to us as he has in the past when we've faced troubles or tragedies?" Others of you, I guess, were thinking: "What's he doing hiding out in the White House?" Well, the reason I haven't spoken to you before now is this: You deserve the truth. And as frustrating as the waiting has been, I felt it was improper to come to you with sketchy reports, or possibly even erroneous

statements, which would then have to be corrected, creating even more doubt and confusion. There's been enough of that.

I've paid a price for my silence in terms of your trust and confidence. But I've had to wait, as you have, for the complete story. That's why I appointed Ambassador David Abshire as my special counselor to help get out the thousands of documents to the various investigations. And I appointed a special review board, the Tower Board, which took on the chore of pulling the truth together for me and getting to the bottom of things. It has now issued its findings.

I'm often accused of being an optimist, and it's true I had to hunt pretty hard to find any good news in the Board's report. As you know, it's well stocked with criticisms, which I'll discuss in a moment; but I was very relieved to read this sentence: "... the Board is convinced that the President does indeed want the full story to be told." And that will continue to be my pledge to you as the other investigations go forward.

I want to thank the members of the panel: former senator John Tower, former secretary of state Edmund Muskie, and former national security adviser Brent Scowcroft. They have done the nation, as well as me personally, a great service by submitting a report of such integrity and depth. They have my genuine and enduring gratitude.

I've studied the Board's report. Its findings are honest, convincing, and highly critical; and I accept them. And tonight I want to share with you my thoughts on these findings and report to you on the actions I'm taking to implement the Board's recommendations.

First, let me say I take full responsibility for my own actions and for those of my administration. As angry as I may be about activities undertaken without my knowledge, I am still accountable for those activities. As disappointed as I may be in some who served me, I'm still the one who must answer to the American people for this behavior. And as personally distasteful as I find secret bank accounts and diverted funds—well, as the Navy would say, this happened on my watch.

Let's start with the part that is the most controversial. A few months ago I told the American people I did not trade arms for hostages. My heart and my best intentions still tell me that's true, but the facts and the evidence tell me it is not. As the Tower Board reported, what began as a strategic opening to Iran deteriorated, in its implementation, into trading arms for hostages. This runs counter to my own beliefs, to administration policy, and to the original strategy we had in mind. There are reasons why it happened, but no excuses. It was a mistake.

I undertook the original Iran initiative in order to develop relations with those who might assume leadership in a post-Khomeini government. It's clear from the Board's report, however, that I let my personal concern for the hostages spill over into the geopolitical strategy of reaching out to Iran. I asked so many questions about the hostages' welfare that I didn't ask enough about the specifics of the total Iran plan.

Let me say to the hostage families: We have not given up. We never will. And I promise you we'll use every legitimate means to free your loved ones from captivity. But I must also caution that those Americans who freely remain in such dangerous areas must know that they're responsible for their own safety.

Now, another major aspect of the Board's findings regards the transfer of funds to the Nicaraguan contras. The Tower Board wasn't able to find out what happened to this money, so the facts here will be left to the continuing investigations of the court-appointed Independent Counsel and the two congressional investigating committees. I'm confident the truth will come out about this matter, as well. As I told the Tower Board, I didn't know about any diversion of funds to the contras. But as president, I cannot escape responsibility.

Much has been said about my management style, a style that's worked successfully for me during eight years as governor of California and for most of my presidency. The way I work is to identify the problem, find the right individuals to do the job, and then let them go to it. I've found this invariably brings out the best in people. They seem to rise to their full capability, and in the long run you get more done.

When it came to managing the NSC staff, let's face it, my style didn't match its previous track record. I've already begun correcting this. As a start, yesterday I met with the entire professional staff of the National Security Council. I defined for them the values I want to guide the national security policies of this country. I told them that I wanted a policy that was as justifiable and understandable in public as it was in secret. I wanted a policy that reflected the will of the Congress as well as of the White House. And I told them that there'll be no more free-lancing by individuals when it comes to our national security.

You've heard a lot about the staff of the National Security Council in recent months. Well, I can tell you, they are good and dedicated government employees, who put in long hours for the nation's benefit. They are eager and anxious to serve their country.

One thing still upsetting me, however, is that no one kept proper records of meetings or decisions. This led to my failure to recollect whether I approved an arms shipment before or after the fact. I did approve it; I just can't say specifically when. Well, rest assured, there's plenty of record keeping now going on at 1600 Pennsylvania Avenue.

For nearly a week now, I've been studying the Board's report. I want the American people to know that this wrenching ordeal of recent months has not been in vain. I endorse every one of the Tower Board's recommendations. In fact, I'm going beyond its recommendations so as to put the house in even better order.

I'm taking action in three basic areas: personnel, national security policy, and the process for making sure that the system works. *First*, personnel—I've brought in an accomplished and highly respected new team here at the White House. They bring new blood, new energy, and new credibility and experience. (...)

You know, by the time you reach my age, you've made plenty of mistakes. And if you've lived your life properly—so, you learn. You put things in perspective. You pull your energies together. You change. You go forward.

My fellow Americans, I have a great deal that I want to accomplish with you and for you over the next two years. And the Lord willing, that's exactly what I intend to do.

Good night and God bless you.

Text 4. Dr. Martin Luther King: “I Have A Dream”, 1963

I am happy to join with you today in what will go down in history as the greatest demonstration for freedom in the history of our nation.

Five score years ago, a great American, in whose symbolic shadow we stand today, signed the Emancipation Proclamation. This momentous decree came as a great beacon light of hope to millions of Negro slaves who had been seared in the flames of withering injustice. It came as a joyous daybreak to end the long night of their captivity.

But one hundred years later, the Negro still is not free. One hundred years later, the life of the Negro is still sadly crippled by the manacles of segregation and the chains of discrimination. One hundred years later, the Negro lives on a lonely island of poverty in the midst of a vast ocean of material prosperity. One hundred years later, the Negro is still languished in the corners of American society and finds himself an exile in his own land. And so we've come here today to dramatize a shameful condition.

In a sense we've come to our nation's capital to cash a check. When the architects of our republic wrote the magnificent words of the Constitution and the Declaration of Independence, they were signing a promissory note to which every American was to fall heir. This note was a promise that all men, yes, black men as well as white men, would be guaranteed the “unalienable Rights” of “Life, Liberty and the pursuit of Happiness.” It is obvious today that America has defaulted on this promissory note, insofar as her citizens of color are concerned. Instead of honoring this sacred obligation, America has given the Negro people a bad check, a check which has come back marked “insufficient funds.”

But we refuse to believe that the bank of justice is bankrupt. We refuse to believe that there are insufficient funds in the great vaults of opportunity of this nation. And so, we've come to cash

this check, a check that will give us upon demand the riches of freedom and the security of justice.

We have also come to this hallowed spot to remind America of the fierce urgency of Now. This is no time to engage in the luxury of cooling off or to take the tranquilizing drug of gradualism. Now is the time to make real the promises of democracy. Now is the time to rise from the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice. Now is the time to lift our nation from the quicksands of racial injustice to the solid rock of brotherhood. Now is the time to make justice a reality for all of God's children. It would be fatal for the nation to overlook the urgency of the moment. This sweltering summer of the Negro's legitimate discontent will not pass until there is an invigorating autumn of freedom and equality. Nineteen sixtythree is not an end. but a beginning. And those who hope that the Negro needed to blow off steam and will now be content will have a rude awakening if the nation returns to business as usual. And there will be neither rest nor tranquility in America until the Negro is granted his citizenship rights. The whirlwinds of revolt will continue to shake the foundations of our nation until the bright day of justice emerges.

But there is something that I must say to my people, who stand on the warm threshold which leads into the palace of justice: In the process of gaining our rightful place, we must not be guilty of wrongful deeds. Let us not seek to satisfy our thirst for freedom by drinking from the cup of bitterness and hatred. We must forever conduct our struggle on the high plane of dignity and discipline. We must not allow our creative protest to degenerate into physical violence. Again and again, we must rise to the majestic heights of meeting physical force with soul force.

The marvelous new militancy which has engulfed the Negro community must not lead us to a distrust of all white people, for many of our white brothers, as evidenced by their presence here today, have come to realize that their destiny is tied up with our

destiny. And they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom.

We cannot walk alone.

And as we walk, we must make the pledge that we shall always march ahead.

We cannot turn back.

There are those who are asking the devotees of civil rights. "When will you be satisfied?" We can never be satisfied as long as the Negro is the victim of the unspeakable horrors of police brutality. We can never be satisfied as long as our bodies, heavy with the fatigue of travel, cannot gain lodging in the motels of the highways and the hotels of the cities.

We cannot be satisfied as long as the negro's basic mobility is from a smaller ghetto to a larger one. We can never be satisfied as long as our children are stripped of their selfhood and robbed of their dignity by a sign stating: "For Whites Only." We cannot be satisfied as long as a Negro in Mississippi cannot vote and a Negro in New York believes he has nothing for which to vote. No, no, we are not satisfied, and we will not be satisfied until "justice rolls down like waters, and righteousness like a mighty stream."

I am not unmindful that some of you have come here out of great trials and tribulations.

Some of you have come fresh from narrow jail cells. And some of you have come from areas where your quest quest for freedom left you battered by the storms of persecution and

staggered by the winds of police brutality. You have been the veterans of creative suffering.

Continue to work with the faith that unearned suffering is redemptive. Go back to Mississippi,

go back to Alabama, go back to South Carolina, go back to Georgia, go back to Louisiana, go

back to the slums and ghettos of our northern cities, knowing that somehow this situation can

and will be changed.

Let us not wallow in the valley of despair, I say to you today, my friends.

And so even though we face the difficulties of today and tomorrow, I still have a dream. It is a dream deeply rooted in the American dream.

I have a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed:

“We hold these truths to be selfevident,
that all men are created equal.”

I have a dream that one day on the red hills of Georgia, the sons of former slaves and the

sons of former slave owners will be able to sit down together at the table of brotherhood.

I have a dream that one day even the state of Mississippi, a state sweltering with the heat of

injustice, sweltering with the heat of oppression, will be transformed into an oasis of freedom
and justice.

I have a dream that my four little children will one day live in a nation where they will not be

judged by the color of their skin but by the content of their character.

I have a *dream* today!

I have a dream that one day, down in Alabama, with its vicious racists, with its governor

having his lips dripping with the words of “interposition” and “nullification” one

day right

there in Alabama little black boys and black girls will be able to join hands with little white

boys and white girls as sisters and brothers.

I have a *dream* today!

I have a dream that one day every valley shall be exalted, and every hill and mountain shall

be made low, the rough places will be made plain, and the crooked places will be made straight: “and the glory of the Lord shall be revealed and all flesh shall see it together.”

This is our hope, and this is the faith that I go back to the South with.

With this faith, we will be able to hew out of the mountain
of despair a stone of hope. With
this faith, we will be able to transform the jangling discords
of our nation into a beautiful
symphony of brotherhood. With this faith, we will be able to
work together, to pray together,
to struggle together, to go to jail together, to stand up for
freedom together, knowing that we
will be free one day.

And this will be the day this
will be the day when all of God's children will be able to sing
with new meaning:

*My country 'tis of thee, sweet land of liberty, of thee I sing.
Land where my fathers died, land of the Pilgrim's pride.
From even' mountainside, let freedom ring!*

And if America is to be a great nation, this must become true.
And so let freedom ring from the prodigious hilltops of New
Hampshire.

Let freedom ring from the mighty mountains of New York.
Let freedom ring from the heightening Alleghenies of
Pennsylvania.

Let freedom ring from the snowcapped
Rockies of Colorado.

Let freedom ring from the curvaceous slopes of California.

But not only that:

Let freedom ring from Stone Mountain of Georgia.

Let freedom ring from Lookout Mountain of Tennessee.

Let freedom ring from every hill and molehill of Mississippi.
From every mountainside, let freedom ring.

And when this happens, when we allow freedom ring, when
we let it ring from every village
and every hamlet, from every state and every city, we will be
able to speed up that day when

all of God's children, black men and white men, Jews and
Gentiles, Protestants and Catholics.

will be able to join hands and sing in the words of the old Negro spiritual:

Free at last! Free at last!

Thank God Almighty, we are free at last!

**Текст 5. Winston Churchill's speech
to "Westminster College", Fulton,
Missouri, 5 march, 1946.**

We must never cease to proclaim in fearless tones the great principles of freedom and the rights of man "which are the joint inheritance of the English-speaking world and which through Magna Carta, the Bill of Rights, the Habeas Corpus, trial by jury, and the English common law find their most famous expression in the American Declaration of Independence.

All this means that the people of any country have the right, and should have the power by constitutional action, by free unfettered elections, with secret ballot, to choose or change the character or form of government under which they dwell; that freedom of speech and thought should reign; that courts of justice, independent of the executive, unbiased by any party, should administer laws which have received the broad assent of large majorities or are consecrated by time and custom. Here are the title deeds of freedom which should lie in every cottage home. Here is the message of the British and American peoples to mankind. Let us preach what we practise—let us practise what we preach.

Now I come to the crux of what I have travelled here to say. Neither the sure prevention of war, nor the continuous rise of world organization will be gained without what I have called the fraternal association of the English-speaking peoples. This means a special relationship between the British Commonwealth and Empire and the United States. This is no time for generalities, and I will venture to be precise. Fraternal association requires not only the growing friendship and mutual understanding between our two vast but kindred systems of society, but the continuance of the intimate relationship between our military advisers, leading to common study of potential dangers, the similarity

of weapons and manuals of instructions, and to the interchange of officers and cadets at technical colleges. It should carry with it the continuance of the present facilities for mutual security by the joint use of all Naval and Air Force bases in the possession of either country all over the world. This would perhaps double the mobility of the American Navy and Air Force. It would greatly expand that of the British Empire Forces and it might well lead, if and as the world calms down, to important financial savings. Already we use together a large number of islands; more may well be entrusted to our joint care in the near future.

The United States has already a Permanent Defence Agreement with the Dominion of Canada, which is so devotedly attached to the British Commonwealth and Empire. This Agreement is more effective than many of those which have often been made under formal alliances. This principle should be extended to all British Commonwealths with full reciprocity. Thus, whatever happens, and thus only, shall we be secure ourselves and able to work together for the high and simple causes that are dear to us and bode no ill to any. Eventually there may come — I feel eventually there will come — the principle of common citizenship, but that we may be content to leave to destiny, whose outstretched arm many of us can already clearly see.

The safety of the world requires a new unity in Europe, from which no nation should be permanently outcast. It is from the quarrels of the strong parent races in Europe that the world wars we have witnessed, or which occurred in former times, have sprung. Twice in our own lifetime we have seen the United States, against their wishes and their traditions, against arguments, the force of which it is impossible not to comprehend, drawn by irresistible forces into these wars in time to secure the victory of the good cause, but only after frightful slaughter and devastation had occurred. Twice the United States has had to send several millions of its young men across the Atlantic to find the war; but now war can find any nation, wherever it may dwell between dusk and dawn. Surely we should work with conscious purpose for a grand pacification of Europe, within the structure

of the United Nations and in accordance with its Charter. That I feel is an open cause of policy of very great importance.

In front of the iron curtain which lies across Europe are other causes of anxiety. In Italy the Communist Party is seriously hampered by having to support the Communist-trained Marshal Tito's claims to former Italian territory at the head of the Adriatic. Nevertheless the future of Italy hangs in the balance. Again one cannot imagine a regenerated Europe without a strong France. All my public life I have worked for a strong France and I never lost faith in her destiny, even in the darkest hours. I will not lose faith now. However, in a great number of countries, far from the Russian frontiers and throughout the world, Communist fifth columns are established and work in complete unity and absolute obedience to the directions they receive from the Communist centre. Except in the British Commonwealth and in the United States where Communism is in its infancy, the Communist parties or fifth columns constitute a growing challenge and peril to Christian civilization. These are sombre facts for anyone to have to recite on the morrow of a victory gained by so much splendid comradeship in arms and in the cause of freedom and democracy; but we should be most unwise not to face them squarely while time remains.

I repulse the idea that a new war is inevitable; still more that it is imminent. It is because I am sure that our fortunes are still in our own hands and that we hold the power to save the future, that I feel the duty to speak out now that I have the occasion and the opportunity to do so. I do not believe that Soviet Russia desires war. What they desire is the fruits of war and the indefinite expansion of their power and doctrines. But what we have to consider here today while time remains is the permanent prevention of war and the establishment of conditions of freedom and democracy as rapidly as possible in all countries. Our difficulties and dangers will not be removed by closing our eyes to them. They will not be removed by mere waiting to see what happens; nor will they be removed by a policy of appeasement. What is needed is a settlement, and the longer this is delayed,

the more difficult it will be and the greater our dangers will become.

Last time I saw it all coming and cried aloud to my own fellow-countrymen and to the world, but no one paid any attention. Up till the year 1933 or even 1935, Germany might have been saved from the awful fate which has overtaken her and we might all have been spared the miseries Hitler let loose upon mankind. There never was a war in all history easier to prevent by timely action than the one which has just desolated such great areas of the globe. It could have been prevented in my belief without the firing of a single shot, and Germany might be powerful, prosperous and honoured today; but no one would listen and one by one we were all sucked into the awful whirlpool. We surely must not let that happen again. This can only be achieved by reaching now, in 1946, a good understanding on all points with Russia under the general authority of the United Nations Organization and by the maintenance of that good understanding through many peaceful years, by the world instrument, supported by the whole strength of the English-speaking world and all its connexions. There is the solution which I respectfully offer to you in this Address to which I have given the title "The Sinews of Peace".

Let no man underrate the abiding power of the British Empire and Commonwealth. Because you see the 46 millions in our island harassed about their food supply, of which they only grow one half, even in war-time, or because we have difficulty in restarting our industries and export trade after six years of passionate war effort, do not suppose that we shall not come through these dark years of privation as we have come through the glorious years of agony, or that half a century from now, you will not see 70 or 80 millions of Britons spread about the world and united in defence of our traditions, our way of life, and of the world causes which you and we espouse. If the population of the English-speaking Commonwealths be added to that of the United States with all that such co-operation implies in the air, on the sea, all over the globe and in science and in industry, and in

moral force, there will be no quivering, precarious balance of power to offer its temptation to ambition or adventure. On the contrary, there will be an overwhelming assurance of security. If we adhere faithfully to the Charter of the United Nations and walk forward in sedate and sober strength seeking no one's land or treasure, seeking to lay no arbitrary control upon the thoughts of men; if all British moral and material forces and convictions are joined with your own in fraternal association, the highroads of the future will be clear, not only for us but for all, not only for our time, but for a century to come.

Немецкий язык

Текст 1. A. Hitler's Rede auf dem Erntedankfest 1937, redaktioneller Bericht aus dem "Völkischen Beobachter" (выделение жирным шрифтом и курсивом — в оригинале).

Deutsche! Volksgenossen und Volksgenossinnen! Meine deutschen Bauern!

Unter den großen demonstrativen Gemeinschaftskundgebungen des deutschen Volkes und des neuen Reiches nimmt das *Erntedankfest* einen ersten Platz ein. In ihm soll sich nicht nur das deutsche Bauerntum, sondern auch das deutsche Stadtvolk vor dem ganzen Volk zu den Grundsätzen bekennen, die in erster Linie seine Unabhängigkeit und damit sein *Leben* ermöglichen.

Die Zeit vor unserer Machtübernahme wurde von anderen Prinzipien beherrscht als unseren jetzigen. Damals gab es eine liberale Parole, die lautete: "*Jeder* kann tun, was er will!" Und dann folgte die marxistische Lebensparole, die lautete: "*Jede Klasse* kann tun, was sie will, d.h. was zu tun sie stark genug ist."

Heute aber gibt es nun nur *eine* Parole; Jeder muss tun, was allen nützt, was allen zugute kommt! (*Langanhaltender stürmischer Beifall der Massen*).

Wie wäre es möglich, eine *Gemeinschaft* aufzurichten, wenn in ihr jeder das tun wollte, was er glaubt tun zu können!

Wir sind hier versammelt — eine gewaltige Kundgebung, eine gigantische Demonstration! Und doch sind Sie alle in diesem Augenblick nur ein Teil eines gesamten Größeren! *Darin liegt das Geheimnis jeder Leistung und jeden Erfolges!*

Genau so unmöglich aber ist die Parole, daß jede Klasse tun kann, was sie tun will. Auch diese Parole haben wir in Deutschland kennengelernt. Sie hat ihren letzten Ausdruck gefunden in dem Satz: “Und wenn dein starker Arm es will, dann stehen alle Räder still.” Jawohl — die Räder sind stillgestanden! Aber man konnte sie auch nicht mehr in Gang bringen! *Das Ergebnis dieser Parole* haben wir kennengelernt: sieben Millionen Erwerbslose, eine vernichtete Wirtschaft, ein ruiniertes Bauerntum. Es gibt daher keine Freiheit des einzelnen, sowenig es eine Freiheit der Klasse gibt. Was heißt, meine lieben Bauern, Freiheit des einzelnen? Sie wissen selbst, wie sehr Sie von der Natur und von den Aufgaben Ihres Berufs gezwungen sind, bestimmte Arbeiten durchzuführen, ob sie ihnen gerade gefallen oder nicht, ob das Wetter schön oder schlecht ist! Die Natur zwingt die Menschen ununterbrochen zu Arbeiten, die ihnen nicht gefallen, zu Leistungen, die nicht immer angenehm sind. Das Leben würde vielleicht aber auch gar nicht schön sein, wenn alles so ginge, wie der einzelne es gerade haben wollte. Im Gegenteil, *Widerstände zu überwinden, ist der höchste Triumph des Lebens! (Langanhaltender stürmischer Beifall der Millionenkundgebung.)*

Es kann nur *eine* Freiheit geben, *die Freiheit des Volkes!* Und diese Freiheit kann nur dann gewährleistet werden, wenn jeder einzelne bereit ist, dafür auch sein Opfer zu bringen. (*Begeisterte Zustimmung der Massen.*)

Freiheit des Volkes aber heißt vor allem Sicherung der Ordnung des Lebens. Der nationalsozialistische Staat hat eine Autorität aufgerichtet, die nicht einer bestimmten Klasse verschrieben

ist. In unserer Partei hat sich *das ganze deutsche Volk* seine politische Organisation gegeben. Sie erfaßt das ganze Volk und trägt damit auch die gesamte Verantwortung. Einer muss sie besitzen! Wo käme auch nur der kleinste Bauernhof hin, wenn nicht *einer die Verantwortung* tragen wollte! Wenn nicht *einer* bestimmen würde, was geschehen muss und wie es zu geschehen hat.

Und im großen ist es nicht anders wie im kleinen. In der Volksgemeinschaft nicht anders wie in einer Familie: *einer* muss den Gesamtüberblick haben, *einer* ist verantwortlich nicht nur für die Organisation der Erzeugung, sondern auch für die Einteilung des Verbrauchs! Es ist *Aufgabe der Führung*, daß sie dies alles überblickt und von ihrem Standpunkt aus der Gesamtheit die notwendigen Anweisungen für die Durchführung des Lebenskampfes gibt.

Der nationalsozialistische Staat hat die Organisation geschaffen, die es ihm ermöglicht, die großen Direktiven sowohl für die Produktion als für den Verbrauch zu erteilen. Er tut es nur des deutschen Volkes wegen. Denn wenn wir heute irgendeine Anordnung herausgeben, wie im vergangenen Jahr zum Beispiel die Regelung des Fettverbrauchs, dann tun wir das nicht etwa den Schweinen zuliebe, sondern *wir tun es für das deutsche Volk, um es vor bitteren Enttäuschungen und Not zu bewahren!* (*Brausende Zustimmung der Massen.*)

Wir haben ungeheuer schwere Probleme zu lösen. Aber *wir selbst* müssen diese Probleme lösen und mit ihnen fertig werden. Die Umwelt hat nur Unverständnis oder unsinnige Bemerkungen dafür. (*Zustimmung und Heiterkeit.*). Wenn wir heute sagen, daß *unser Lebensraum zu klein* ist und daß wir daher unseren Lebensraum unbedingt durch *Kolonien* ergänzen müssen, dann geht so ein weiser Kopf irgendwo in der Welt daher und erklärt: "Was brauchen Sie Kolonien? Kolonien würden Ihnen gar nichts nützen! Sie können ja kaufen!" — So gescheit sind wir auch, daß wir kaufen können, wenn wir Geld haben. Man hätte uns nur nicht erst 15 Jahre lang ausplündern sollen, dann könnten wir heute kaufen! (*Stürmischer Beifall der Riesenkundgebung.*)

Es gibt reiche Leute, die sagen: "Reichtum ist eine Last, an der man sehr schwer zu tragen hat! Keiner sehne sich danach, daß auch er von dieser Last aufgebürdet bekommt!" Nun möchte man meinen, daß, wenn Reichtum eine so schwere Last sein soll, sie dann froh sein müssten, etwas von ihr abzugeben. Allein, das wollen sie dann doch wieder nicht.

So gibt es auch fremde Staatsmänner, die sagen: "Kolonien sind eine schwere Last." Aber sie wollen von dieser Last nichts abgeben! Sie sagen: "Kolonien haben gar keinen Wert!" Aber trotzdem wollen sie dieses "Wertlose" unter keinen Umständen dem rechtmäßigen Besitzer zurückgeben! Wenn ich vom "rechtmäßigen Besitzer" spreche, dann nur in einer Zeit und in einer Welt, die erfüllt ist von den Idealen völkerbunds-rechtlicher Sittlichkeit und Sittsamkeit. *Und nach diesen Idealen haben wir Deutsche ja einst unsere Kolonien erworben*, und nach anderen Prinzipien, die vom Standpunkt der Völkerbundsmoral aus schärfstens zu verdammen sind, haben wir sie verloren.

Glauben Sie: Wir stehen schwereren Aufgaben gegenüber als andere Staaten und andere Länder: zu viele Menschen auf einem zu kleinen Lebensraum, es mängtelt an Rohstoffen, mängtelt an Anbaufläche, und trotzdem: Ist Deutschland nicht schön? Ist Deutschland nicht *trotzdem wunderbar*? Lebt unser Volk nicht trotzdem so anständig? Mögen Sie alle mit irgend etwas anderem tauschen? (*Stürmische "Niemals" – Rufe der Massen*).

Ja, meine Volksgenossen, woher kommt das? Weshalb ist Deutschland heute wieder schön? Es ist schließlich *das Ergebnis der Arbeit, des Fleißes und einer überlegenden Organisation!* (*Stürmischer Beifall und langanhaltende Heilruf.*)

Sie wissen ja: Als ich zur Macht kam, da prophezeite man mir genau sechs Wochen Regierung; und die Männer, die vor mir regierten, mußten das wissen, denn sie sind ja selbst meistens nicht länger da gewesen als sechs Wochen. Seitdem sind nun bald fünf Jahre vergangen. Was aber ist aus Deutschland geworden?! ***Ich lasse Ihnen nicht umsonst hier bei jedem Erntedankfest die Übungen der Wehrmacht vorführen. Sie soll Sie alle erinnern, daß wir hier nicht stehen würden, wenn***

über uns nicht Schild und Schwert Wache halten würden.
(*Begeisterte Kundgebungen der Massen.*)

Jawohl, wir haben den Frieden, aber nur, weil über ihm die neue deutsche Waffe gehalten wird. Das gibt uns den Frieden, das gibt uns die Sicherheit und das gibt uns die Voraussetzungen für unsere Arbeit. (*Erneute stürmische Kundgebungen.*)

Dieser Emporstieg Deutschlands ist aber kein Wunder. Die Grundsätze dieser Entwicklung können wie in *vier Punkte* zusammenfassen.

Erstens: Wir haben dem Streit der einzelnen und der Klassen untereinander, dem Streit der Stände, der Konfessionen und der Parteien untereinander ein Ende gemacht! Wir haben über dem aufgerichtet *das deutsche Volk*, so wie Sie jetzt alle hier vor mir stehen. Wir haben diesem Volk die Überzeugung gegeben, daß es nur als Volk bestehen kann und nicht als eine Sammlung von Individuen oder Parteien usw.

Zweitens: Wir haben darüber *eine Autorität* gestellt: eine Autorität, die niemand anderem verpflichtet ist als dem deutschen Volk und die sich daher auch kraft dieses Mandats durchgesetzt hat, durchsetzt und durchsetzen wird.

Und *drittens:* Wir haben vor allem *einen Willen* in Deutschland herausgearbeitet. Wie notwendig aber ist doch das! Wir haben es erlebt im vergangenen Jahr, als die Verhältnisse uns zwangen, einen neuen Plan zur Durchführung zu bringen, den *Vierjahresplan*. Warum tun wir das? Weil nur durch eine solche gewaltige Anstrengung diejenigen Aufgaben zu lösen sind, die uns in unseren Verhältnissen nun einmal gestellt sind. Das kann aber nur *ein* Wille und nicht der Wille von 15, von 20, von 50, 100 oder gar von ich weiß nicht wie vielen tausenden Menschen oder gar Vereinen und Verbänden. Aber nicht nur in der städtischen Wirtschaft, in der Industrie ist eine solche willensmächtige Führung notwendig, sondern auch in unserer Landwirtschaft. Und hier muss man von Zeit zu Zeit große Parolen geben. Der

einzelne weiß ja gar nicht, was notwendig ist, damit alle bestehen können.

Es ist aber die Voraussetzung für jeden Erfolg, daß der, der den Willen repräsentiert, auch in seinem Willen respektiert wird. Solange die deutsche Nation in allen Ständen einem *einzelnen* Willen sich unterordnen, solange werden alle Probleme zu lösen sein!

Wir haben sie ja auch *bisher* gelöst. Aber ich konnte sie nur lösen, weil hinter mir das deutsche Volk stand! Deshalb *weil Sie mir nachmarschiert sind, konnte ich vorangehen.* (Jubelnde Zustimmung der Massen.)

Als ich im vergangenen Jahr den Befehl zur Besetzung des Rheinlandes gab, war das Entscheidende nicht, daß die Soldaten marschierten, sondern, daß *das deutsche Volk* mitging, daß *die ganze Nation* sich hinter mich stellte. Dem haben Sie den Erfolg zu verdanken!

Das gilt für unsere Erzeugungsschlacht genau so wie für die Landwirtschaft. Je mehr wir alle lernen, ich möchte fast sagen, auf ein Kommando in eine Linie einzuschwenken, urns so größer wird die Produktion sein.

Der vierte Grundsatz aber heißt, daß *bei uns die Arbeit alles* ist. Ich sage: bei uns, denn in anderen Ländern ist es nicht so, und bei uns war es früher auch nicht der Fall. Bei uns war auch einmal das *Geld* alles. Das war in der Zeit, in *der die Stunde* erst mit 100000 Mark und dann mit einer Million und endlich mit einer Billion honoriert wurde. Seit diese Zeit vorbei ist, kam das deutsche Volk etwas zum Nachdenken. Aber erst seit unserer Machtübernahme sind die Konsequenzen aus diesen Erfahrungen gezogen worden. Die Konsequenz heißt:

Geld ist gar nichts. Produktion ist alles! (Stürmische Zustimmung.)

(...)

Text 2. Rede Adolf Hitlers vom 15.3.1938 in Wien

Nachdem deutsche Truppen am 12.3.1938 in Österreich einmarschiert waren, proklamierte Hitler am 15.3. in Wien vor

*Hunderttausenden von Zuhörern den "vollzogenen Anschluss"
Österreichs an das Deutsche Reich.*

Deutsche! Männer und Frauen!

In wenigen Tagen hat sich innerhalb der deutschen Volksgemeinschaft eine Umwälzung vollzogen, die wir heute wohl in ihrem Umfang sehen, deren Bedeutung aber erst spätere Geschlechter ganz ermessen werden. Es ist in den letzten Jahren von den Machthabern des nunmehr beseitigten Regimes oft von der besonderen "Mission" gesprochen worden, die in ihren Augen dieses Land *v.u* erfüllen hätte. Ein Führer der Legitimisten hat sie in einer Denkschrift genau umrissen. Nach ihr war es die Aufgabe dieser sogenannten Selbständigkeit des Landes Österreich, die in den Friedensverträgen fundiert und von der Gnade des Auslandes abhängig war, die Bildung eines wahrhaft großen Deutschen Reiches zu verhindern und damit den Weg in die Zukunft des deutschen Volkes zu verriegeln.

Ich proklamiere nunmehr für dieses Land seine neue Mission. Sie entspricht dem Gebot, das einst die deutschen Siedler aus allen Gauen des Altreiches hierher berufen hat. Die älteste Ostmark des deutschen Volkes soll von jetzt an damit das jüngste Bollwerk der deutschen Nation und damit des Deutschen Reiches sein.

Jahrhundertlang haben sich in den unruhevollen Zeiten der Vergangenheit die Stürme des Ostens an den Grenzen der alten Mark gebrochen. Jahrhundertlang für alle Zukunft soll sie nunmehr ein eiserner Garant sein für die Sicherheit und Freiheit des Deutschen Reiches und damit ein Unterpfeiler für das Glück und den Frieden unseres großen Volkes. Und ich weiß: die alte Ostmark des Deutschen Reiches wird ihrer neuen Aufgabe genauso gerecht werden, wie sie die alte einst gelöst und gemeistert hat. Ich spreche im Namen der Millionen Menschen dieses wunderschönen deutschen Landes, im Namen der Steirer, der Nieder- und Oberösterreicher, der Kärntner, der Salzburger, der Tiroler und vor allem im Namen der Stadt Wien, wenn ich es den in diesem Augenblick zuhörenden 68 Millionen übrigen deutschen Volksgenossen in unserem weiten Reich versichere:

Dies Land ist deutsch, es hat seine Mission begriffen, es wird diese erfüllen, und es soll an Treue zur großen deutschen Volksgemeinschaft von niemand jemals übertroffen werden.

Unsere Aufgabe wird es nun sein, durch Arbeit, Fleiß und gemeinsames Einstehen und Zusammenstehen die großen sozialen, kulturellen und wirtschaftlichen Aufgaben zu lösen, vor allem aber Österreich immer mehr zu einer Trutzburg nationalsozialistischer Gesinnung und nationalsozialistischer Willenskraft zu entwickeln und auszubauen. Ich kann diesen Appell an Sie aber nicht schließen, ohne nun der Männer zu gedenken, die es mir ermöglicht haben, die große Wende in so großer Zeit mit Gottes Hilfe herbeizuführen. Ich danke den nationalsozialistischen Milgliedern der Regierung, an ihrer Spitze dem neuen Reichsstatthalter Seyß-Inquart. Ich danke den zahllosen Partei-funktionären, ich danke aber vor allem den ungezählten namenlosen Idealisten, den Kämpfern unserer Formationen, die in den langen Jahren der Verfolgung bewiesen haben, daß der Deutsche, unter Druck gesetzt, nur noch härter wird. Diese Jahre der Leidenszeit haben mich in meiner Überzeugung vom Wert des deutsch-österreichischen Menschen im Rahmen unserer großen Volksgemeinschaft nur bestärkt. Die wunderbare Ordnung und Disziplin dieses gewältigen Geschehens ist aber auch ein Beweis für die Kraft der diese Menschen beseelenden Idee. Ich kann somit in dieser Stunde dem deutschen Volk die größte Vollzugsmeldung meines Lebens abstaten. Als der Führer und Kanzler der deutschen Nation und des Reiches melde ich vor der Geschichte nunmehr den Eintritt meiner Heimat in das Deutsche Reich. Deutschland und sein neues Glied, die Nationalsozialistische Partei und die Wehrmacht unseres Reiches:
Sieg Heil!

(Nach: Neue Freie Presse vom 15.3.1938)

Текст 3. Aus der Sportpalastrede des Reichspropagandaministers Goebbels vom 18.2.1943

Ihr, meine Zuhörer, repräsentiert in diesem Augenblick die Nation. Und an Euch möchte ich zehn Fragen richten, die Ihr

mir mit dem deutschen Volk vor der ganzen Welt, insbesondere aber vor unseren Feinden, die uns auch an ihrem Rundfunk zu hören, beantworten sollt:

Erstens: Die Engländer behaupten, das deutsche Volk habe den Glauben an den Sieg verloren. Ich frage Euch: Glaubt Ihr mit dem Führer und mit uns an den endgültigen totalen Sieg des deutschen Volkes? Ich frage Euch: Seid Ihr entschlossen, dem Führer in der Erkämpfung des Sieges durch dick und dünn und unter Aufnahme auch der schwersten persönlichen Belastung zu folgen?

Zweitens: Die Engländer behaupten, das deutsche Volk ist des Kampfes müde. Ich frage Euch: Seid Ihr bereit, dem Führer, als Phalanx der Heimat hinter der kämpfenden Wehrmacht stehend, diesen Kampf mit wilder Entschlossenheit und unbeirrt durch alle Schicksalsfügungen fortzusetzen, bis der Sieg in unseren Händen ist?

Drittens: Die Engländer behaupten, das deutsche Volk hat keine Lust mehr, sich der überhandnehmenden Kriegsarbeit, die die Regierung von ihm fordert, zu unterziehen. Ich frage Euch: Seid Ihr und ist das deutsche Volk entschlossen, wenn der Führer es befiehlt, zehn, zwölf und wenn nötig vierzehn Stunden täglich zu arbeiten und das Letzte herzugeben für den Sieg?

Viertens: Die Engländer behaupten, das deutsche Volk wehrt sich gegen die totalen Kriegsmaßnahmen der Regierung. Es will nicht den totalen Krieg, sondern die Kapitulation. Ich frage Euch: Wollt Ihr den totalen Krieg? Wollt Ihr ihn, wenn nötig, totaler und radikaler, als wir ihn uns heute überhaupt noch vorstellen können? Fünftens: Die Engländer behaupten, das deutsche Volk hat sein Vertrauen zum Führer verloren. Ich frage Euch: ist Euer Vertrauen zum Führer heute größer, gläubiger und unerschütterlicher denn je? Ist Eure Bereitschaft, ihm auf allen seinen Wegen zu folgen und alles zu tun, um den Krieg zum siegreichen Ende zu führen, eine absolute und un-eingeschränkte? Ich frage Euch also sechstens: Seid Ihr bereit, von nun ab Eure ganze Kraft einzusetzen und der Ostfront die Menschen und Waffen zur Verfügung zu stellen, die sie braucht, um dem Bol-

schewismus den tödlichen Schlag zu versetzen? Ich frage Euch siebentens: Gelobt Ihr mit heiligem Eid der Front, daß die Heimat mit starker Moral hinter ihr steht und ihr alles geben wird, was sie nötig hat, um den Sieg zu erkämpfen?

Ich frage Euch achtens: Wollt Ihr, insbesondere Ihr Frauen selbst, daß die Regierung dafür sorgt, daß auch die deutsche Frau ihre ganze Kraft der Kriegsführung zur Verfügung stellt und überall da, wo es nur möglich ist, einspringt, um Männer für die Front freizumachen und damit ihren Männern an der Front zu helfen? Ich frage Euch neuntens: Billigt Ihr, wenn nötig, die radikalsten Maßnahmen gegen einen kleinen Kreis von Drückbergern und Schiebern, die mitten im Krieg Frieden spielen und die Not des Volkes zu eigensüchtigen Zwecken ausnützen wollen? Seid Ihr damit einverstanden, daß, wer sich am Krieg vergeht, den Kopf verliert? Ich frage Euch zehntens und zuletzt: Wollt Ihr, daß, wie das nationalsozialistische Parteiprogramm gebietet, gerade im Krieg gleiche Rechte und gleiche Pflichten vorherrschen, daß die Heimat die schweren Belastungen des Krieges solidarisch auf ihre Schultern nimmt und daß sie für hoch und niedrig und arm und reich in gleicher Weise verteilt werden?

(Schon nach der ersten Frage scholl Dr. Goebbels aus dem Munde der Tausende ein einstimmiges Ja entgegen, das nach jeder weiteren Frage von neuem den Sportpalast erdröhnen ließ.)

Ich habe Euch gefragt. Ihr habt mir Eure Antwort gegeben. Ihr seid ein Stück Volk, durch Euren Mund hat sich damit die Stellungnahme des Deutschen manifestiert, Ihr habt unseren Feinden das zugerufen, was sie wissen müssen, damit sie sich keinen Illusionen und falsche Vorstellungen hingeben. Somit sind wir, wie von der ersten Stunde unserer Macht an und durch all die zehn Jahre hindurch fest und brüderlich mit dem deutschen Volk vereint. Der mächtigste Bundesgenosse, den es auf dieser Welt gibt, das Volk selbst, stellt hinter uns und ist entschlossen, mit dem Führer, koste es was es wolle, und unter Aufnahme auch der schwersten Opfer den Sieg kämpfend zu erstreiten...

Die Nation ist zu allem bereit. Der Führer hat befohlen, wir werden ihm folgen. Wenn wir je treu und unverbrüchlich an den Sieg geglaubt haben, dann in dieser Stunde der nationalen Besinnung und der inneren Aufrichtung. Wir sollen ihn greifbar nahe vor uns liegen; wir müssen nur zupacken. Wir müssen nur die Entschlußkraft aufbringen, alles andere seinem Dienst unterzuordnen. Das ist das Gebot der Stunde. Und darum lautet die Parole: Nun, Volk, steh auf, und Sturm brich los!

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л., 1988.
- Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. — СПб., 1994.
- Алмазова Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — СПб., 2003.
- Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): лекции к спецкурсу. — СПб., 1995.
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей. — СПб.: СПбГУ, 1999.
- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2002.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь: ПГУ, 2001.
- Барст О.В. Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. — М., 1979 а.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М., 1979 б.
- Богданова О.А. Цвето- и светообозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1999.
- Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность — вариативность. — СПб., 2003.
- Вайянт Г. Когда информация становится знанием? // Коммуникация в современной науке: пер. с англ. — М., 1976.
- Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: дис. ... доктора филол. наук. — М., 1993.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. — М., 1996.
- Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. Вып. 8. — СПб., 1999.
- Гончарова Е.А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // *Текст — Дискурс — Стиль*. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.
- Гончарова Е.А., Кесслер К. О новых подходах к типологическому изучению текстов в немецкой германистике // *Studia linguistica*. Вып. 9. — СПб., 2000. — С. 132—142.
- Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык. — М.: Высшая школа, 2005.
- Дейк ван Т. Вопросы прагматики текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8. *Лингвистика текста*. — М., 1978. — С. 259—336.
- Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. — Саратов, 2000.
- Дементьев В.В. Исследования по речевым жанрам в России: XXI век // *Лингвистика текста и дискурсивный анализ. Традиции и перспективы*. — СПб., 2007. — С. 162—196.
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4.
- Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. — М., 1995.
- Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. — М., 2003.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX—XX вв. — М., 2001.
- Ейгерт Т.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // *Лингвистика текста // Материалы научной конференции*. — Ч. 1. — М., 1974. — С. 103—110.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. — Тверь, 2001.
- Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. — Ереван, 1991.
- Ильин И.Т. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // *Проблемы современной стилистики: сб. научно-аналитических обзоров*. — М.: ИНИОН АН СССР, 1989. — С. 186—207.

- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972.
- Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999.
- Кожина М. Н. О соотношении стилей языка и стилей речи с позиции языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. — Пермь, 1984.
- Кожина М. Н. Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте // Stylistyka I. — Opole, 1992.
- Кожина М. Н. Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функциональных стилей // Stylistyka II. — Opole, 1994.
- Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стыль. — СПб., 2004. — С. 9—33.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2010.
- Кожина М. Н., Котюрова М. П. Изучение научного функционального стиля во второй половине XX в. // Stylistyka VI. — Opole, 1997.
- Котюрова М. П. Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001.
- Кузьмина Н. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. — Екатеринбург, Омск, 1999.
- Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М.: Наука, 1969.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.
- Лотман Ю. М. Об искусстве. — СПб., 1998.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб., 2000.
- Лотман Ю. М. Семиотика и литературоведение // Воспитание души. Воспоминания, интервью, беседы о русской культуре (телевизионные лекции). — СПб., 2005.
- Матханова И. П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. — СПб.: Наука, 2005. — С. 103—113.
- Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988.

- Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. — Тверь, 2000.
- Миловидов В.А. Введение в семиологию. — Тверь, 2003.
- Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. — СПб., 2003.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. — М., 2000.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. — М.: URSS, 2004.
- Павлов В.М. Полевые структуры в строе языка. — СПб., 1996.
- Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. — СПб.: Наука, 2005.
- Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей / под ред. В.В. Дементьева. — Саратов, 2003.
- Романова Н.Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1997.
- Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 2002 а.
- Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). — Пермь: ПГУ, 2002 б.
- Смирнов И.П. Порождение интертекста. — СПб.: СПбГУ, 1995.
- Степанов Г.В. Энциклопедический словарь юного филолога. — М., 1984.
- Степанов Ю.С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца XX в. — М., 1995.
- Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. — М.: АГАР, 2000.
- Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. — 2003 а. — Вып. 3.
- Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2004.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2006 а.
- Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли нам новое определение текстuality // Вопросы когнитивной лингвистики. — М., Тамбов, 2006 б.

- Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. — М.: URSS, 2011.
- Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. — СПб.: Книжный Дом, 2006.
- Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. — СПб., 2005.
- Adamzik K. Textlinguistik. — Niemeyer, 2004.
- Antos G. Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. — Tübingen, 1982.
- Bazerman C. Shaping written knowledge: The genre and activity of the experimental article in science. — Madison, 1988.
- Beaugrande R.-A., Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. — Tübingen, 1981.
- Beaugrande R., Dressler W. Introduction to textlinguistics. — London: Longman, 1981.
- Brinker H. Zum Verhältnis von verbaler und visueller Kommunikation in Werbebildern // Linguistik und Didaktik. 1971, H. 22.
- Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden (Grundlagen der Germanistik 29). — Berlin. — 3. Aufl. 1992.
- Busse D. Historische Semantik. — Stuttgart, 1987.
- Broich U. Formen der Markierungen von Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Hrsg. U. Broich, M. Pfister. — Tübingen, 1985.
- Dimter M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikation, Textfunktion und Textinhalt als Kategorien alltagssprachlicher Textklassifikation. — Tübingen, 1981.
- Dijk T.A. van. Textwissenschaft. — München, 1980.
- Ehlich K. (Hg). Sprache im Faschismus. — Frankfurt / M., 1989.
- Ehlich K. Medium Sprache // Strohner H., Sichelschmidt L., Hielscher M (Hg.). Medium Sprache. — Frankfurt / M: Lang, 1998. — S. 9—21.
- Ermert K. Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation. — Tübingen, 1979.
- Ette O. Intertextualität. Ein Forschungsbericht mit literatursoziologischen Anmerkungen // Romanistische Zeitschrift für Literaturgeschichte. H. 5, 1985. — S. 497—522.

- Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. — London; N.Y.: Longman, 1995.
- Fairclough N. Language and power. — London: Longman, 2010.
- Fairclough N., Wodak R. critical discourse analysis // van Dijk T.A. (Hg.). Discourse studies. A multidisciplinary introduction. Bd. 2: Discourse as social interaction. — London: Sage, 1997. — S. 258–284.
- Fix U. Kanon und Auflösung des Kanons. Typologische Intertextualität // Die Zukunft der Textlinguistik. — Tübingen: Niemeyer, 1997.
- Fix U. Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädoyer für einen erweiterten Textsortenbegriff // Akten des X internationalen Germanistenkongresses. — Wien, 2000. Bd. 2. — S. 173–178.
- Fix U. Die Ästhetisierung des Alltags — am Beispiel seiner Texte // Zeitschrift für Germanistik . 2001, H 11.1. — S. 36–53.
- Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. — Leipzig, 1979.
- Fohrmann J., Müller H. (Hrsg) Diskurstheorien und Literaturwissenschaft. — Frankfurt, 1988.
- Gläser R. Fachtextsorten im Englischen. — Gunter Narr Verlag. Tübingen, 1990.
- Grivel Ch. Serien textueller Perzeption // Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. — Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. — Wien, 1983.
- Heinemann W. Zur Eingrenzung des Intertextualitätsbegriffs aus textlinguistischer Sicht // J. Klein, U. Fix (Hg). Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. — Tübingen, 1997.
- Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Eine Einführung. — Tübingen, 1991.
- Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs. — Tübingen: Niemeyer, 2002.
- Halliday M., Hasan R. Language, context and text: aspects of language in a social-semiotic perspective. — Oxford, 1989.
- Hoffmann M. Persuasive Denk — und Sprachstile // Zeitschrift für Germanistik, 1996, H. 2.
- Hoffmann M. Zeichenklassen und Zeichenrelationen bei der Verknüpfung von Text und Bild. Ein Beitrag zur semiotischen Semantik // J. Pohl, K.-P. Konerding (Hg.). Stabilität und Flexibilität in der Semantik. — 2004.

- Holthuis S. Intertextualität. — Staufenburg, 1993. — Frankfurt / M, Peter Lang, 2004.
- Jacobs E.-M. Textvernetzung in den Wissenschaften. — Reihe Germanistische Linguistik, Bd. 210, 1993.
- Kessler K. Diskurswechsel als persuasive Textstrategie // Beiträge zur Persuasionsforschung. Kessler K., Hoffmann M.(Hg.) — Frankfurt / M: Peter Lang, 1998.
- Krause W.-D. Textsorten. — Frankfurt / M: Peter Lang, 2000.
- Krause W.-D. Textsorten als strukturelle Prototypen // Wissenschaftliche Zeitschrift PH Potsdam, 1986. H. 5. — S. 749–759.
- Kress G., T. von Leeuwen. Reading images. The grammar of visual design. — London; N.Y.: Routledge, 1996
- Lachmann R. Dialogizität (Vorwort). — München, 1982.
- Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. — Frankfurt: Suhrkamp, 1990.
- Lachmann R. Intertextualität als Sinnkonstruktion // Poetica, H. 15, 1982.
- Lindner M. Integrationsformen der Intertextualität // Intertextualität. Hsg. U. Broich, M. Pfister. — Tübingen, 1995. — S. 116–135.
- Link J., Link-Heer U. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. — 1990, H. 77. — S. 99.
- Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. Studienbuch Linguistik. — Tübingen, 1994.
- Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. — Opladen, 1984.
- Mieder W. Zur Sprichwortmanipulation in Hitlers “Mein Kampf” // Muttersprache. 1994. № 4.
- Mon F. Texte über Texte. — Berlin: Neuwied, 1970.
- Müller B. Komische Intertextualität: Die literarische Parodie. — Horizonte. 16. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1994.
- Neumann P.H. Das Eigene und das Fremde. Über die Wünschbarkeit einer Theorie des Zitierens // Akzente. Zeitschrift für Literatur. — München, 1980. — S. 292–305.
- Pfister M. Imitation und Intertextualität bei Robert Lowell // Intertextualität. — Tübingen, 1985. — S. 311–332.
- Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. — Tübingen: Niemeyer, 1985. — S. 1–30.

- Pfister M. Zur Systemreferenz // Intertextualität. – Tübingen, 1985. – S. 52–58.
- Sager S. Intertextualität und die Interaktivität von Hipertexten // J. Klein, U. Fix (Hrsg.) Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen, 1997.
- Sandig B. Stilistik der Deutschen Sprache. – W. de Gruyter, 1986.
- Sandig B. Stilistische Mustermischungen in der Gebrauchssprache // Zeitschrift für Germanistik 1989, H. 2. – S. 133–150.
- Sandig B. Textstilistik des Deutschen. 2. Aufl. – Walter de Gruyter, 2006.
- Sandig B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen // E. Gülich, W. Raible (Hg.), 1972.
- Schendels E. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. M.: Высшая школа, 1988.
- Scherner M. Sprache als Text. Ansätze zu einer sprachwissenschaftlich begründeten Theorie des Textverstehens. – Tübingen: Niemeyer, 1984.
- Scherner M. Textverstehen als Spurenlesen. Zur theoretischen Tragweite dieser Metapher // P. Canisius, C. Herbermann, G. Tschander. Text und Grammatik. – Bochum, 1994. – S. 317–340.
- Schmid W. Sinnpotenziale der diegetischen Allusion. – In: Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. – Wien, 1983.
- Schnupp P. Hypertext. – München; Wien, 1992.
- Schulte-Middelich B. Funktionen intertextueller Textkonstruktion // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen, 1985.
- Simmler F. (Hg.). Textsorten und Textsortentradition. – Frankfurt / M: Peter Lang, 1997.
- Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. – de Gruyter, 2011.
- Stierle K. Werk und Intertextualität // Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. II. – Wien, 1983.
- Stöckl H. Bilder-Konstitutive Teile sprachlicher Texte und Bausteine zum Textstil // Holly W., Hoppe A., Schmitz U. Mitteilungen des Deutschen Germanisten-verbands. Sprache und Bild II. 51, H. 2. – Bielefeld, 2004. – S. 102–120.

- Suerbaum U. Intertextualität und Gattung: Beispielreihen und Hypothesen // Intertextualität. — Tübingen, 1985. — S. 58–77.
- Vater H. Einführung in die Textlinguistik — 3 Aufl., Fink. — München, 2001.
- Warnke J. Diskursivität und Intertextualität als Parameter sprachlichen Wandels — Prolegomena einer funktionalen Sprachgeschichtsschreibung // J. Warnke (Hg.). Schnittstelle Text — Diskurs. — Frankfurt / M: Peter Lang, 2000.
- Werlich E. Typologie der Texte. — Heidelberg, 1975.
- Zimmermann K. Erkundungen zur Texttypologie. — Tübingen, 1978.
- Wilske L., Krause W.-D. Intertextualität als allgemeine und spezielle Texteigenschaft // Wissenschaftliche Zeitschrift PH Potsdam, 1987, H. 5. — S. 890–895.
- Wodak R. Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identitäten. — Frankfurt / M: Suhrkamp, 1998.
- Wodak R., Meyer M. (Hg.) Methods of critical discours analysis. — London: Sage, 2001.

Использованные словари

- Большая российская энциклопедия. Т. 1–4. — М.: Большая российская энциклопедия, 2006.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990.
- Новейший философский словарь. — Минск, 1989.
- Российская социологическая энциклопедия. — М., 1998.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2003.
- Энциклопедический социологический словарь. — М., 1995.
- Kleine Enzyklopedie. Deutsche Sprache. — 2001.
- Lexikon der Sprachwissenschaft. — Stuttgart, 2002.

Учебное издание

Чернявская Валерия Евгеньевна

**ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА
ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА**

Учебное пособие

Подписано в печать 28.09.2012. Формат 60 × 88/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,74. Уч.-изд. л. 9,43. Тираж 300 экз. Изд. № 2583.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)334-82-65, тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛИНТА»
представляет серию
«РЕЧЬ, ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ»

- Актуальные проблемы современной лингвистики:** учеб. пособие / Л.Н. Чурилина
Алефиренко Н.Ф. **«Живое» слово: Пр-мы функциональной лексикологии:** монография
Алефиренко Н.Ф. **Лингвокультурология: ценностно-смысловое пр-во языка:** учеб. пособие
Алефиренко Н.Ф. **Современные проблемы науки о языке:** учеб. пособие
Алефиренко Н.Ф. и др. **Текст и дискурс:** учеб. пособие для магистрантов
Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. **Фразеология и паремнология:** учеб. пособие для бакалавров
Антропология языка: сб. статей. Вып.1, 2 / отв. ред. С.Р. Омельченко
Бакланова И.И. **Тематич. тесты и диктанты по рус. орфографии и пунктуации:** учеб. пособие
Балалыкина Э.А. **Метаморфозы русского слова:** учеб. пособие
Баранов А.Н. **Лингвистич. экспертиза текста. Теоретич. основания и практика:** учеб. пособие
Барышникова Е.Н. и др. **Речевая культура молодого специалиста:** учеб. пособие
Баско Н.В. **Фразеологизмы в русской речи:** словарь-справочник
Беднарская Л.Д. и др. **Грамотный человек:** учеб. пособие
Белкин М.В., Румянцев И.А. **Этимологический словарь русского языка в табличной форме**
Бобунова М.А. **Русская лексикография XXI века:** учеб. пособие
Богданова Л.И. **Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий:** учеб. пособие
Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Шаклеин В.М. **Русский язык и культура речи:** учебник
Болотнова Н.С. **Коммуникативная стилистика текста:** словарь-тезаурус
Болотнова Н.С. **Филологический анализ текста:** учеб. пособие
Болотнова Н.С., Болотнов А.В. **Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. Контрольно-тренировочные задания:** учеб. пособие
Большой грамматический словарь: в 2 т. / А.Н. Тихонов
Бондалетов В.Д. **В.И. Даль и тайные языки в России**
Бондалетов В.Д. и др. **Старославянский язык:** сб. упражнений
Бондалетов В.Д. и др. **Старославянский язык:** Таблицы. Тексты. Учебный словарь
Бронникова Ю.О., Сдобнова А.П., Тарасова И.А. **Русский язык и культура речи:** учеб. пособие
Бутакова Л.О. **Морфемика и словообразование СРЯ:** учеб. пособие для магистр. филол. спец.
Буянова Л.Ю. **Термин как единица логоса:** монография
Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. **Рус. фразеологизм как ментально-когнитивное ср-во языковой концептуализации сферы моральных качеств личности:** монография
Былинский К.И., Розенталь Д.Э. **Литературное редактирование:** учеб. пособие
Былькова С.В., Махницкая Е.Ю. **Культура речи. Стилистика:** учеб. пособие для подготовки к ЕГЭ
Вакуров В.Н. и др. **Трудности русского языка:** словарь-справочник
Вараксин Л.А. **СРЯ: Синтаксис простого предложения:** сб. упражнений
Вараксин Л.А. **СРЯ: Синтаксис сложного предложения:** сб. упражнений
Воронков А.И. и др. **Латинское наследие в русском языке:** словарь-справочник
Всеволодова А.В. **Компьютерная обработка лингвистич. данных:** учеб. пособие
Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / А.П. Сковородников
Ганиев Ж.В. **СРЯ. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия:** учеб. пособие (с CD)
Гладких И.А. **Сборник упр-ий по русскому языку для абитуриентов:** учеб. пособие
Голованова Е.И. **Введение в когнитивное терминоведение:** учеб. пособие
Гончарова Т.В., Плеханова Л.П. **Речевая культура личности:** практикум
Горбачевский А.А. **Теория языка. Вводный курс:** учеб. пособие
Гордеева О.И., Гынгазова Л.Г. **Сборник упражнений по синтаксису СРЯ:** учеб.-метод. пособие
Гридина Т.А. **СРЯ. Словообраз-е: теория, алгоритмы анализа, тренинг:** учеб. пособие

Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. **Основы семиотики**: учеб. пособие
Даль В.И.: Биография и творческое наследие: биобиблиографический указатель / сост. Н.Л. Юган, К.Г. Тарасов
Даниленко В.П. **Введение в языкознание**: курс лекций
Даниленко В.П. **История русского языкознания**: курс лекций
Даниленко В.П. **Методы лингвистического анализа**: курс лекций
Даниленко В.П. **Общее языкознание и история языкознания**: курс лекций
Демидова К.И., Зуева Т.А. **Соврем. русский литературный язык**: учеб. пособие
Дроняева Т.С. и др. **Стилистика современного русского языка**: практикум
Дубичинский В.В. **Лексикография русского языка**: учеб. пособие
Дубровина К.Н. **Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре**
Дубровина К.Н. **Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов**
Ермакова О.П. **Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века**: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений
Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М. **Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка**: учеб. пособие для переводчиков
Заика В.И., Гиржева В.Н. **Орфография и пунктуация: Правила и практикум**: учеб. пособие для подготовки к ЕГЭ
Зарва М.В. **Слово в эфире**: учеб. пособие
Захарова Л.А., Старикова Г.Н. **История рус. яз.: Историч. грамматика**: учеб. пособие
Захарова Ю.Г. **История русского языка**: учеб. пособие
Земская Е.А. **Современный русский язык. Словообразование**: учеб. пособие
Земская Ю.Н. и др. **Теория текста**: учеб. пособие
Зырянова Е.В., Овчинникова И.Г., Чудинова А.Р. **Информационно-коммуникац. технологии в школьном обучении рус. языку и подготовке к ЕГЭ**: учеб.-метод. пособие
Иванчикова Т.В. **Речевая компетентность в педагогич. деятельности**: учеб. пособие
Ильцова С.В., Амири Л.П. **Язык. игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы**
Иссерс О.С. **Речевое воздействие**: учеб. пособие
Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. **Интенсивный курс русского языка. Почему так не говорят по-русски**: пособие по культуре речи
Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. **Интенсивный курс русского языка: 1000 тестов для подготовки к Всероссийскому тестированию и ЕГЭ**
Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. **Интенсивный курс русского языка**: пособие для подготовки к тестированию и сочинению в правилах, алгоритмах и шпаргалках
Казанцева Г.В. **Личные документы: треб-я к оформлению и образцы док-тов**: учеб. пособие
Кайда Л.Г. **Композиционная поэтика текста**: монография
Кайда Л.Г. **Стилистика текста: От теории композиции – к декодированию**: учеб. пособие
Камчатнов А.М., Николина Н.А. **Введение в языкознание**: учеб. пособие
Канакина Г.И., Родионова И.Г. **Учимся работать с текстом. Подг. к ГИА по рус. яз.**: учеб. пособие
Канакина Г.И., Родионова И.Г. **Учимся работать с текстом. Подг. к ЕГЭ по рус. яз.**: учеб. пособие
Карданова М.А. **Русский язык. Синтаксис**: учеб. пособие
Касьяненко Т.В., Марусяк Н.В. **ЕГЭ. Рус. яз. Сочинение-рассужд. (часть «С»)**: учеб. пособие
Кожина М.Н. и др. **Стилистика русского языка**: учебник
Козырев В.А., Черняк В.Д. **Соврем. языковая ситуация и речевая культура**: учеб. пособие
Колесникова Н.И. **От конспекта к диссертации**: учеб. пособие
Копнина Г.А. **Речевое манипулирование**: учеб. пособие
Которова М.П., Баженова Е.А. **К-ра научной речи: текст и его редактирование**: учеб. пособие
Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. **Семиотика, или Азбука общения**: учеб. пособие
Кузьмина Н.А. **СРЯ. Лексикология. Теория, тренинг, контроль**: учеб. пособие
Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Е.Н. Ширяев и др.
Культура устной и письменной речи делового человека: справочник-практикум
Кушнерук С.П. **Документная лингвистика**: учеб. пособие
Лексич. и фразеолог. предлоги в соврем. рус. языке: учеб. пособие / А.М. Чепасова
Лысова Т.В., Попова Т.В. **Культура научной и деловой речи**: учеб. пособие

Лыткина О.И., Селезнева Л.В., Скороходова Е.Ю. **Практич. стилистика рус. яз.:** учеб. пособие
Мальшева Е.Г., Рогалева О.С. **Фонетика:** учеб.-метод. пособие
Маринова Е.В. **Больные вопросы родной грамматики:** учеб. пособие
Маринова Е.В. **Иноязычная лексика современного русского языка:** учеб. пособие
Маслов В.Г. **Культура русской речи:** учеб. пособие
Маслова А.Ю. **Введение в прагмалингвистику:** учеб. пособие
Маслова В.А. **Введение в когнитивную лингвистику:** учеб. пособие
Местоимения в современном русском языке: учеб. пособие / А.М. Чепасова
Мечковская Н.Б. **Ист. языка и ист. коммуникации: От клинописи до Интернета:** курс лекций
Мечковская Н.Б. **Общ. языкозн. Структурная и социальная типология языков:** учеб. пособие
Мудриченко О.М. **Русский язык:** пособие для подготовки к ЕГЭ
Мусатов В.Н. **Рус. яз.: Морфемика. Морфонология. Словообразование:** учеб. пособие
Мыльникова С.Е. и др. **СРЯ. Словообразование. Морфология:** учеб.-метод. комплекс
Надибаидзе О.Ш. **Речевая компетенция говорящего:** учеб. пособие
Накорякова К.М. **Справочник по литер. редактированию для работников СМИ**
Нелюбин Л.Л. **Введение в технику перевода:** учеб. пособие
Нелюбин Л.Л. **Толковый переводоведческий словарь**
Нелюбин Л.Л., Князева Е.Г. **Переводоведческая лингводидактика:** учеб.-метод. пособие
Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. **История науки о языке:** учебник
Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. **Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней):** учеб. пособие
Немченко В.Н. **Грамматическая терминология:** словарь-справочник
Низаметдинова Н.Н. **Современная русская пунктуация:** учеб.-справ. пособие
Норман Б.Ю. **Игра на гранях языка**
Норман Б.Ю. **Лингвистические задачи:** учеб. пособие
Норман Б.Ю. **Русский язык в задачах и ответах:** сб. задач
Норман Б.Ю. **Теория языка. Вводный курс:** учеб. пособие
Нормы рус. литер. языка: учеб. пособие по культуре речи / Л.А. Константинова
Овчинникова И.Г., Угланова И.А. **Компьютерное моделирование вербальной коммуникации:** учеб.-метод. пособие
Панькин В.М., Филиппов А.В. **Языковые контакты:** краткий словарь
Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. **Язык соврем. СМИ: средства речевой агрессии:** учеб. пособие
Петрякова А.Г. **Культура речи:** Практикум-справочник для 10–11 кл.
Пименова М.В., Кондратьева О.Н. **Концептуальные исследования. Введение:** учеб. пособие
Радбиль Т.Б. **Основы изучения языкового менталитета:** учеб. пособие
Рахманин Л.В. **Стилистика деловой речи и редактур-е служебных документов:** учеб. пособие
Рацибурская Л.В. **Словарь уникальных морфем современного русского языка**
Рекламный дискурс и рекламный текст: монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева
Ремчукова Е.Н. **Морфология СРЯ. Категория вида глагола:** учеб. пособие
Романова Н.Н., Филиппов А.В. **Культура речевого общения: этика, прагматика, психология**
Романова Н.Н., Филиппов А.В. **Стилистика и стили:** учеб. пособие; словарь
Рудяков А.Н. **Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка:** учебное пособие
Руженцева Н.Б. **Стилистика и литературное редактир. рекламных PR-текстов:** учеб. пособие
Русский язык и культура речи: учеб.-метод. пособие для юристов / Н.Ю. Тяпугина
Рябушкина С.В. **Морфология современного русского языка:** практикум
Сбитнева А.А. **Литературное редактирование: история, теория, практика:** учеб. пособие
Селезнёва Л.Б. **Рус. орфография. Алгоритмизир. схемы, тесты, упражнения:** учеб. пособие
Селезнёва Л.Б. **Рус. пунктуация. Алгоритмизир. схемы, тесты, упражнения:** учеб. пособие
Сеничкина Е.П. **Словарь эвфемизмов русского языка**
Сердобинцева Е.Н. **Структура и язык рекламных текстов:** учеб. пособие
Скобликова Е.С. **СРЯ. Синтаксис простого предложения:** учеб. пособие
Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / Н.А. Павлова
Смирнов С.В. **Отечественные филологи-слависты:** справ. пособие

Соколова О.И. и др. **Культура речевой коммуникации**: учеб. пособие
Солганик Г.Я. **Очерки модального синтаксиса**: монография
Солганик Г.Я. **Стилистика текста**: учеб. пособие
Солодуб Ю.П. и др. **СРЯ. Лексика и фразеология соврем. рус. литер. яз.**: учебник
Стенина Н.С. **Культура речи: художественное творчество**: учеб. пособие
Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина
Сулименко Н.Е. **СРЯ. Слово в курсе лексикологии**: учеб. пособие
Сулименко Н.Е. **Текст и аспекты его лексического анализа**: учеб. пособие
Теоретические основы и методика филологического образования младших школьников: учеб. пособие / Багичева Н.В., Кусова М.Л. и др.
Тимофеева М.К. **Язык с позиций философии, психологии, математики**: учеб. пособие
Трофимова Г.К. **Русский язык и культура речи**: курс лекций
Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. **Публицистич. текст: Лингвистич. анализ**: учеб. пособие
Трофимова О.В., Купчик Е.В. **Основы делового письма**: учеб. пособие
Успенский М.Б. **Задачи по рус. яз. Поиск и анализ трудных решений**: учеб. пособие
Федосюк М.Ю. и др. **Русский язык**: учеб. пособие для студентов-нефилологов
Фефилов А.И. **Введение в когнитологию**: учеб. пособие
Филиппова Л.С. **СРЯ. Морфемика. Словообразование**: учеб. пособие
Филиппова Л.С., Филиппов В.А. **Русский язык и культура речи**: учеб. пособие
Филиппова О.А. **Обучение эмоциональному речевому воздействию**: учеб. пособие
Фразеологический словарь старославянского языка / С.Г. Шулежкова и др.
Хазиева Н.В., Щербак А.С. **Русский язык. ЕГЭ-2012: типовые тестовые задания с тренировочными упражнениями и комментариями**
Хазиева Н.В. **Русский язык. ГИА-2012. Экзамен в новой форме**: учеб. пособие
Хазиева Н.В. **Русский язык. 5 класс: тестовые задания**
Хайдарова В.Ф. **Краткий словарь интернет-языка**
Харченко В.К. **О языке, достойном человека**: учеб. пособие
Хроленко А.Т. **Введение в лингвофольклористику**: учеб. пособие
Хроленко А.Т. **Основы лингвокультурологии**: учеб. пособие
Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. **Теория языка**: учеб. пособие
Хроленко А.Т., Денисов А.В. **Соврем. информ. технологии для гуманитария**: практ. руководство
Чарыкова О.Н. и др. **Основы теории языка и коммуникации**: учеб. пособие для бакалавров
Чепасова А.М., Казачук И.Г. **Глаголы в современном русском языке**: учеб. пособие
Чепасова А.М., Казачук И.Г. **Существительные в современном русском языке**: учеб. пособие
Чикина Л.К., Шигуров В.В. **Присловные и предложеч. связи в рус. синтаксисе**: учеб. пособие
Чувакин А.А. **Основы филологии**: учеб. пособие
Чудинов А.П. **Политическая лингвистика**: учеб. пособие
Шелякин М.А. **Объяснительный словарь непроверяемых орфограмм русского языка**: пособие по русской орфографии
Шелякин М.А. **Язык и человек. К проблеме мотивиров. языковой системы**: учеб. пособие
Шулежкова С.Г. **«И жизнь, и слёзы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русской языка**
Шулежкова С.Г. **История лингвистических учений**: учеб. пособие
Шулежкова С.Г. **Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения**: учеб.-метод. пособие
Шулежкова С.Г. **Хрестоматия по старославянскому языку. Тексты, словарь, фоноприложение**: учеб. пособие (с CD)
Щербинина Ю.В. **Педагогич. дискурс: мыслить - говорить - действовать**: учеб. пособие
Энциклопедический словарь юного лингвиста / М.В. Панов
Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов и др.
Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А.К. Шапошников
Юдаева О.В. **Тесты по дисциплине «История языкознания»**
Язык современной публицистики: сб. статей / Г.Я. Солганик